Институт истории Академии наук Татарстана
Панорама-Форум, 2000, №24 — Специальный выпуск

Габдельбар Файзрахманов

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ В СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Казань 2000

ББК 63.5(2)
Ф18

Файзрахманов Г.Л.
Ф18 ДРЕВНИЕ ТЮРКИ В СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. Казань, Мастер Лайн, 2000. — 188 с.

ISBN 5-93139-069-3

Монография посвящена исследованию истории древнетюркских государств с древнейших времен до начала XIII века. Автор уделил большое внимание широкому кругу исторических проблем — политической жизни тюрков, их быту, религии, культуре, а также их географическому размещению. Книга рассчитана как на специалистов-историков, преподавателей, так и на достаточно широкий круг читателей, интересующихся историей древних тюрков.

© Файзрахманов Г.Л., 2000

ISBN 5-93139-069-3

ВВЕДЕНИЕ

С ростом национального самосознания, возрождением идеи государственности у нашего народа сильно возрос интерес к истории, к проблемам своих исторических корней. Видные историки Риза Фахрутдин, Ахмед Заки Валиди, Гайнетдин Ахмеров, Джамал Валиди, Хади Атласи, Хасан Гата Габаши, Газиз Губайдуллин и др. отмечали, что этнические корни татар идут из глубины веков, а история их национальной государственности берет начало с древнетюркских государств.

Официальная советская наука пыталась выдать за первое фактическое государство предков татарского народа Волжскую Булгарию, образованную в X веке. Неоспоримые исторические факты и документы доказывают, что предки современных тюркских народов, в т.ч. татарского народа, задолго до нашей эры имели свою государственность. Созданные ими мощные державы объединяли многие тюркоязычные племена, получали международное признание. Предки современных тюркских народов в составе этих государств развивали материальную и духовную культуру, внесли свою лепту в мировую цивилизацию. Историческое и культурное наследие древнетюркских государств и проживавших в этих государствах тюркских племен является общим достоянием современных тюркских народов.

По-разному назывались древнетюркские государства: Хунну или Великий Хуннский каганат, Великий Тюркский каганат, Кыргызский каганат, Уйгурский каганат, Кимакский каганат, Хазарский каганат, Великая Булгария и др. Их создавали более организованные, если говорить терминологией Л.Н.Гумилева, более пассионарные тюркские племена, но в каждом из них жили многочисленные тюркские народы. Иногда при гибели государства исчезала и этническая группа — создатель государства. Так, после распада Великого Тюркского каганата исчезли тюркюты, после гибели Кимакского каганата с исторической арены ушли кимаки. Им на смену приходили другие

племена и народы и создавали государства. Шли глубинные процессы этногенеза и образования новых этносов или племен.

Древние тюркские государства являются историческим наследием всех тюркских народов.

Целью настоящего исследования являются:

— рассмотреть важнейшие археологические и письменные материалы и на основе их изучения осветить сложные пути истории развития древнетюркских племен от родового строя к созданию своих государств и проследить путь исторического развития и причины падения древнетюркских государств;

— осветить дальнейшую судьбу тюркских народов после падения древнетюркских государств.

Одной из важнейших задач автора является исследование этнических корней предков татарского и других родственных тюркских народов.

Территориально исследование охватывает зоны проживания и деятельности племен, входивших в Хуннский каганат и последующих тюркских каганатов: Ордос, Монголию, Прибайкалье, Туву, Алтай, Минусинскую котловину, Восточный Туркестан, ряд территорий Средней Азии и Восточной Европы. Важным источником для разработки проблемы этнической территории являются, наряду с другими, древнетюркские каменные изваяния. Границы их распространения в основном совпадают с политическими границами Великого Тюркского каганата. Обряд установки каменных изваяний, символично изображавших могущественных побежденных врагов, бытовал у племен, входивших в состав этого политического объединения.

Важным показательным критерием для определения территории обитания племен является погребальный обряд. Так, например, применительно к племенам, входившим в состав Великого Тюркского каганата, характерны следующие хронологические типы и варианты погребального обряда: а) до первой четверти VII в. включительно — погребения по обряду трупосожжения; б) в VII—VIII веках — трупоположения с конем, ориентация человека — головой на восток, коня — головой на запад; в) в VIII—IX веках — трупоположения без коня, ориентация человека — головой на север, северо-запад (погребения сросткинского типа). Исключение составляют енисейские кыргызы, у которых и в VIII—IX вв. сохранилось трупосожжение с погребением остатков через год в неглубоких могильных ямах[1].

Хронологические рамки настоящего исследования охватывают период с древнейших времен до начала XIII в. В силу недостаточной изученности и скудности материала по исследуемой территории период неолита описан автором кратко. С древнейших времен здесь проживали тюркские племена, хотя этнонима "тюрк" у них еще не было. Было ли какое-либо объединяющее их общее название — источники нам не сообщают. Еще до н.э. существовали государства тюркоязычных динлинов — Динлин Го и хуннов — Хуннский каганат, или Хунну. Начиная с середины VI в. одно за другим создаются мощные государства древних тюрков, самым долговечным среди них было Государство Енисейских кыргызов. В исторической литературе оно называется также Кыргызским каганатом. Государство древних кыргызов возникло почти одновременно с Великим Тюркским каганатом и существовало с отдельными перерывами до монгольских завоеваний в начале XIII в. Период образования и существования мощных тюркских государств является эпохой формирования крупных этнических объединений, многие из которых вошли в число предков ряда современых тюркоязычных народов.

Исследуемый период — период исторически прогрессивный по своему характеру: усиливаются миграция племен и этногенетические процессы, возникают и развиваются их государства, обостряется борьба за обладание важнейшими торговыми путями, развиваются международные связи между государствами и племенами, хозяйственный и культурный обмен между ними.

Согласно мнению многих исследователей, первоначальной прародиной тюрков-кочевников были Центрально-Азиатские степи, Алтай и именно оттуда они распространились на север и на запад. Это положение стало своеобразной аксимой.

Древнегреческие историки отмечали, что на огромных просторах Евразии, включая Западную Сибирь и Восточноевропейские степи, в IX—IV вв. до н.э. жили скифы или племена скифского союза. В III в. до н.э. на смену им пришли сарматы. Индоевропейские лингвисты утверждают, что скифы и сарматы были ираноязычными. Без особой критики и анализа это положение лингвистов взяли на вооружение историки. По теории ираноевропеистов, в Сибири и Европе тюрки являются не автохтонным, а молодым народом, пришедшим в эти регионы не ранее VI в. н.э.

Начиная с Геродота, мы встречаемся и с другими взглядами. В исторической литературе существует немало работ, сообщающих о том, что скифы и сарматы были тюркоязычными, или скифский и сарматский союзы включали в себя несколько языков. Этнонимы "скиф" и "сармат" были собирательными[2].

Авторы ряда трудов на основе сообщений античных авторов предполагают, что скифо-сарматский союз, существовавший в Западной Сибири, Центральной Азии, Казахстане и Восточной Европе в IX—IV вв. до н.э. и сарматский союз в тех же регионах (III в. до н.э. — III в. н.э.) были полиэтничными, что в их составе были и тюркские племена[3].

А.Х.Халиков утверждает, что до появления хуннов в степях Западной Сибири жили тюркские племена. На грани II—I тысячелетий до н.э., т.е. около трех тысяч лет тому назад здесь появились карасукские и близкие к ним прототюркские племена. Эти племена обладали богатейшими медными рудниками Прибалхашья, отсюда медь и ее изделия распространялись по всей Сибирии, вместе с ним в угорский язык проникло название меди "йез", в отдельных диалектах — "жиз".

Геродот в V в. до н.э. южнее Гиппейских гор, т.е. Урала, помещает народ аргиппеи, которые "одеваются по-скифски, но говорят особым языком". А.Х.Халиков пишет, что восточнее аргиппеев располагались другие прототюркские племена: исседоны — по Геродоту и усуни — по восточным источникам, аримаспы или "племена грифов, стерегущих золото" и т.п. Это, скорее всего, были предками огузо-кыпчакских племен[4].

В исторической науке существует и другая точка зрения. Некоторые исследователи считают, что первоначальной прародиной тюрков были степи и лесостепи Поволжья и Южного Урала. Их материальная культура зародилась в конце IV тысячелетия до н.э., в течение 500—600 лет они расселились на восток до Забайкалья и Маньчжурии, на запад — до Дуная и Карпат, на юг — до Передней Азии. По их предположению, до гуннов, печенегов, огузов, кыпчаков, половцев и других тюркоязычных племен, пришедших в Восточную Европу во II—XI веках н.э., с древнейших времен здесь жили тюркские племена[5]. Тюрколог Заки Валиди считает тюрков одним из древнейших народов, обитавших в Европе и Азии. Он утверждает, что следы тюрков встречаются за 2000 лет до н.э. в Малой Азии, Древнем Египте, около 2600 лет до н.э. в

Шумере, Эламе. На Балканском полуострове, в Западной Европе, на Дальнем Востоке, а также на языке американских индейцев также сохранились следы тюрков[6]. Историк А.Б.Таймас пишет, что "Юго-восток Европы — древний тюркский юрт"[7]. Мысль об обитании тюрков в древности в нескольких регионах Европы и Азии проводит в своих трудах М.З.Закиев[8].

Интерес к изучению и исследованию древних тюрков Южной Сибири первоначально возник в XVIII в. среди французских миссионеров-иезуитов, работавших в Китае. Исследуя историю Китая, они убедились, что ее невозможно отделить от истории древних кочевников, входивших в сношения с китайцами. Первым народом, с историей которого французским исследователям пришлось заниматься, были хунны.

Французский профессор Дегинь, занимаясь историей хуннов, сопоставил китайские сведения о хуннах с европейскими и пришел к выводу, что хунны являются предками европейских гуннов. Дегинь тщательно исследовал труд Абуль-Гази о тюрках, хуннов и гуннов он отнес к тюркоязычным народам[9].

Истории Средней Азии с древнейших времен до правления Тимура посвятил свое сочинение другой французский ориенталист Л.Каён. Он был сторонником политической, а не лингвистической классификации народов, а гуннов считал потомками хуннов, высказал мнение, что среди гуннов были и другие племена. Но он ошибался, приняв политическую классификацию хуннов. К. Иностранцев детально исследовал историографические проблемы французской школы ориенталистов и автор не видит необходимости их повторения[10].

В России исследование проблемы древних тюрков началось в 20-е годы XIX в. и усилилось в конце века. Это было связано с дешифровкой орхоно-енисейских надписей датским лингвистом В. Томсеном и прочтением их В.В.Радловым. Среди первых русских ученых, основательно занимавшихся проблемой древних тюрков, был Н.М.Ядринцев, который во главе экспедиции, организованной Восточно-Сибирским отделением Русского географического общества в 1889 г., открывает новый период в исследовании тюркских рунических надписей.

Ядринцев посетил районы рек Толу, Орхон, исследовал развалины Кара-Корума и Хара Баласагуна. В районе Кокшин-Орхона, близ озера Цайдам, он открыл ставшие впоследствии известными всему миру памятники Кюль-тегину и Могилян-хану,

а также вереницу балбалов (камней, поставленных по количеству врагов, убитых захороненным) у памятника Кюль-тегину. Открытие Н.М.Ядринцева привлекло внимание многих историков. Результаты экспедиции Н.М.Ядринцева описаны в его отчете[11].

В 1894 г. дважды были изданы первые переводы известного русского востоковеда-тюрколога В.В.Радлова кюль-тегинского и могилянского текстов Кошо-Цайдама[12].

В эти же годы получила распространение историческая концепция тюрков российского востоковеда В.В.Бартольда. Результаты его научной деятельности были опубликованы в его трудах[13].

Как отмечают С.Г.Кляшторный и В.А.Ромодин, если В.В.Бартольд до двадцатых годов XIX в. создал труды по нескольким интересовавшим его проблемам, в частности, по историческому значению орхонских надписей, то в двадцатых годах нашего века его исследования по истории тюркских народов отличаются более широким хронологическим и проблемным диапазоном[14].

Если исследователи древних тюрков подошли к проблеме с этнографической и лингвистической сторон, то В. Григорьев рассматривал ее в политическом аспекте. Говоря об отношениях Русского правительства к кочевым народам, он выразился оригинально: только Китаю удалось смирить кочевников силою ламаизма, а России — силой оружия[15].

Отдельные аспекты истории древних тюрков освещены татарскими историками Р.С.Фахреддиновым, Г.С.Губайдуллиным, Г.А.Батталом, издававшими свои труды в десятых — двадцатых годах XX века. Р.С. Фахреддинов полагает, что булгары, как и гунны, являлись тюрками. Он не отрицает возможности ассимиляции булгарами части местных угро-финнов[16]. Г.А.Баттал подчеркивает родственность и близость культуры и языка хазар, булгар и пришедших в Восточную Европу в XI веке кипчаков-куманов[17]. Г.С.Губайдуллин пишет, что на юге восточноевропейских степей с древнейших времен кочевали тюркские племена. В I веке н.э. тюрки обитали в степях Поволжья, в лесах проживали угро-финские племена. Гуннов, появившихся в Восточной Европе в 374 г., он считает потомками азиатских хуннов, потерпевших поражение от Китая в 93 г. н.э. Г.С.Губайдуллин, таким образом, полагает, что гунны в прикаспийских, приволжских и приазовских степях оказались в тюркской среде и подчинили их себе. Хазарский каганат и

Болгарское государство хана Кубрата он признает как продолжение государственности гуннов под предводительством Аттилы[18].

Тюрколог Ахмед-Заки Валиди первые две главы сочинения "Төрек-татар тарихы" ("История тюрко-татар"), изданного в 1915 году в Казани, посвятил древним тюркам. Автор пользовался китайскими источниками в переводе Н.Я.Бичурина и Г.Е.Грумм-Гржимайло, а также трудами Вамбери, В.В.Бартольда, Н.А.Аристова, К.Иностранцева, В.В.Радлова, Н.М.Ядринцева и других исследователей истории тюрков. В 1917 г. А.З.Валиди опубликовал в качестве учебника для татарских школ краткое изложение этого сочинения под названием " Кыскача төрек-татар тарихы" ("Краткая история тюрко-татар")[19].

Историк Х. Атласи в труде, посвященным истории Сибири и сибирских татар, освещает проблемы истории древних тюрков. В частности, он полагает, что Скифия, описанная греческими историками, — страна древних тюрков, которую персы называли Тураном, а скифы, проживавшие за Уралом, — это древние тюрки[20].

Продолжателями исследований В.В. Бартольда по древней и средневековой истории тюрков были А.Н.Бернштам, С.П.Толстов и С.В.Киселев. А.Н.Бернштам исследовал в основном социальный строй Великого Тюркского каганата, основываясь при этом на древние тюркские рунические тексты. С.В Киселев и С.П.Толстов продолжали исследование преимущественно социально-экономических проблем древних тюркских государств. Труды этих исследователей дали совершенно новое объяснение характеру древнетюркского общества и истории ранних тюркских государств, связывая их развитие прежде всего с перерастанием рабовладельческого и военно-демократического укладов в систему ранних феодальных отношений[21].

Труды А.Ю.Якубовского посвящены этногенезу тюрков Средней Азии[22].

Проблемы происхождения, этнической истории, этногенеза древних тюркских племен, образования и истории тюркских государств Евразии освещались в трудах М.А.Артамонова, С.И.Вайнштейна, Д.Д.Васильева, А.С.Васютина, Б.Е.Кумекова, Д.Клосона, П.М.Мелиоранского, Л.Н.Потапова, М.А.Сеидова, С.Е.Малова, С.А.Плетневой и др.[23]

В конце семидесятых годов появились труды лингвистов о древних тюркских языках. Адиле Айда (Турция) и А.Каримуллин

высказали мысль о возможном родстве языка этрусков и некоторых племен индейцев Америки[24].

Исследованию различных аспектов истории древних тюрков посвящено значительное количество трудов С.Г.Кляшторного[25].

Большое количество трудов о древних тюрках создал Л.Н.Гумилев, который по-новому подходил к проблеме кочевников и, в частности, древних тюрков. Перечень его трудов по этой проблеме занял бы несколько страниц, поэтому назовем наиболее значительные из них[26].

Проблемы истории древних и средневековых тюрков исследованы в трудах Р.Н.Безертинова[27].

Автором настоящего исследования использованы прямые письменные источники, оставленные самими древними тюрками и косвенные, сочиненные представителями сопредельных и других стран, которые общались с древними тюркоязычными племенами. Использованы также археологические, этнографические и фольклорные материалы.

Одними из основных достоверных источников истории древних тюрков являются рунические тексты на древнетюркском языке, разбросанные в разных местностях Монголии, Восточного Туркестана, Минусинской котловины и других регионов. Более двухсот лет насчитывает российская история накопления знаний о важнейших этих памятниках.

Первые известия о "неведомых" надписях на камнях в Сибири и Центральной Азии появились в конце XVII — начале XVIII вв. В 1692 г. амстердамский бургомистр Николай Витзен сообщил, что "недалеко от Верхотурья на утесе найдено несколько изображений и надписей из неизвестных букв".[28] В 1696—1697 гг. Семен Ремезов на верхнем течении реки Талас, у села Дмитриевка, обнаружил камень с неизвестным письмом. Сведения о неизвестных письменах сообщил в 1730 г. пленный шведский офицер Филипп Иоганн Страленберг, который жил в 1711—1722 гг. в Сибири. В Швеции он издал труд с сообщением о неизвестных письменах[29]. В 1719 г. в Сибирь по договору был отправлен доктор Готфрид Мессершмидт. Он обязался изучить географию страны, ее естественные произведения, этнографию, исторические памятники и древности. Д.Мессершмидт в своем докладе о поездке в Сибирь отмечает такие же письмена[30]. По сходству с руническим письмом Скандинавии сибирские письмена также стали называть руническими. Закре-

пился термин "рунический" применительно к тюркским надписям после выхода в свет труда Страленберга.

Д.С.Мессершмидт предполагал кельто-готское проихождение этих письмен. П.С. Паллас приписывал их готским племенам, Г.И.Спасский заявил, что скорее всего они монгольского или калмыцкого происхождения. Возникла довольно острая полемика. Были попытки "подтверждения" славянской и финской теории сибирских рун. Французский востоковед Ж.П.Абель-Ремюза в 1820 г. первым предположил, что письмена эти — тюркские и принадлежат, по-видимому, енисейским кыргызам[31].

Впоследствии Г.И.Спасский стал сомневаться в правоте своей гипотезы и начал обращать внимание на сходство отдельных знаков сибирских письмен с тамгами сибирских татар. Эта гипотеза получила популярность и до настоящего времени не утратила своего значения.

Но полемика о происхождении тюркского письма продолжалась. В.Томсен высказывает мысль о его развитии от финикийского алфавита через одну из ветвей арамейского. В.В.Радлов также допускал генетическую связь тюркского письма с арамейскими прообразами. Эту теорию потом поддержали многие исследователи. Но вопрос о происхождении тюркского руническое письма окончательно не решен. А.С.Аманжолов на основе собранного им большого количества материала сделал заключение, что тюркский алфавит сложился не позднее I тысячелетия до н.э.[32]

Руническое письмо в Европу, по-видимому, принесли гунны. В последующие годы в разных местах Южной Сибири были найдены камни с письменами. Около двухсот лет попытки прочесть надписи оставались безуспешными. В 1889 г. общественный деятель и ученый Н.М.Ядринцев в верховьях реки Орхон в Северной Монголии обнаружил три каменные стелы. Одна сохранилась лишь во фрагментах с китайским, тюркским руническим и согдийским текстами. Две стелы с руническим и китайским текстами, обнаруженные в урочище Кошо-Цайдам, сохранились лучше. В 1891 г. Н.М.Ядринцевевым была открыта онгинская надпись, в 1897 г. Е.Н.Клеменц на берегу реки Толы нашел новый памятник Тоньюкука. Это были знаменитые, известные всему миру орхонские памятники[33]. Были найдены камни с аналогичными письменами на берегу Енисея. Памятники орхоно-енисейской письменности найдены в большом

количестве (надписи на скалах, могильных и памятных плитах, отдельных предметах и монетах) на территории Минусинской котловины, в Туве, в Восточном Казахстане, в Северной и Западной Монголии, на Кубани и Дону.

15 декабря 1893 г. на заседании Датской королевской академии наук и словесности В. Томсен представил свой опыт дешифровки рунических письмен, найденных на берегах Орхона. Вскоре на основе дешифровки В.Томсена В.В.Радлов начал заниматься переводами рунических письмен Сибири. В 1895—1896 гг. В.В.Радлов и В.Томсен издали свои переводы важнейших письмен[34]. С этого времени началось научное изучение орхоно-енисейских надписей.

Орхонские памятники были воздвигнуты в VIII в. в честь Бильге-кагана и его брата Кюль-тегина. Особое место в изучении тюркских рунических текстов занимает деятельность В.Томсена. Внесли ценный вклад в исследование древнетюркских рунических памятников также В.В.Радлов, Г.Е.Грумм-Гржимайло, В.В.Бартольд.

Самыми крупными являются памятники Кюль-тегину и Могилян-хану, которые располагаются в Кошо-Цайдаме, находятся на расстоянии километра друг от друга. Надписи на стелах описывают прошлое тюркского народа, которое подтверждается сведениями китайских летописей. Затем идет рассказ о том, как возвысился тюркский народ, подчеркиваются заслуги погребенных.

Большинство памятников с руническими текстами исследованы и являются основополагающими источниками для исследования истории древних тюрков. Надписи на камнях имеют преимущество перед летописями — они не могут быть переписаны, фальсифицированы.

Самые древние и многочисленные источники по истории древних тюрков — это летописи и исторические описания китайцев. Последние являются весьма важными историческими источниками, т.к. Китай издавна поддерживал связи с обитавшими в Южной Сибири народами.

Составление летописей (ганг-шу) в Китае почти всегда осуществлялось по почину и при ближайшем наблюдении правительства, которое поручало своим чиновникам вести запись событий в стране и за ее рубежами. Затем эти записи передавались государственному историческому обществу, после-

днее составляло летописи по ним, где события излагались в строго хронологическом порядке.

Собственно история (шу) появилась у китайцев в последнее столетие до н.э. и связана с именем Сыма Цяня, председателя исторического общества, отца китайской истории. Сыма Цянь был сыном официального историографа империи Хань Сыма Тяня. В 108 г. он наследовал должность отца, упорно работал. В 90 году до н.э. завершил огромный труд, послуживший образцом для последующих династических историй. Труд назывался "Ши-цзи" ("Исторические записки"), состоял из 130 глав, охватывающих историю Китая с древних времен до 89 г. до н.э. Сыма Цян пользовался не дошедшими до нас историческими источниками. Содержит в себе описание событий, расположенных по династиям. Автор посвятил иноземным народам шесть глав. В трех главах излагал историю хуннов, тибетских и западных племен. До Сыма Цяня отдельные отрывочные сведения содержались в китайских хрониках "Шаншу", "Гоюй" и "Чунцю", в которых название хуннов отсутствует, они названы "северными варварами", "западными варварами"[35].

"Исторические записки" Сыма Цяня — это самая ранняя работа, освещающая последовательную историю хуннов, содержит главные сведения по организации хуннского общества и представляет наибольшую ценность для изучения его политического строя, системы управления.

Сыма Цянь положил в последовательное изложение сведения хуннах, существовавших до него с древнейших времен. Он пришел к мнению, что предком хуннов были племена, называвшиеся в китайской хронике "жун".

Историю развития хуннского общества Сыма Цянь мысленно делит на два периода. Первый берет начало от легендарного родоначальника хуннов Шунь-вэя, который правил ими во времена легендарной китайской династии Ся (2219—1819 гг. до н.э.) до шаньюя Тумана (?—209 г. до н.э.). При изложении истории этого периода он пользовался сведениями древних китайских исторических сочинений "Шан-шу", "Го-юй" и летописи "Чунь-цю". Сообщения этих сочинений эпизодичны, разделены обширными хронологическими промежутками, их продолжительность в отдельных случаях достигает 300 лет и более, поэтому Сыма Цяну создать цельную стройную историю хуннов не удалось.

История второго периода начинается с правления шаньюя Модэ. Она изложена более подробно, ярко освещается политическая система хуннского общества, особенно с правления Модэ[36].

Китайская историография развивалась и после Сыма Цяня. Она занимала почетное место в Китае, т.к. историческая память считалась совестью нации, в руках составителя истории была репутация самого властного императора. Согласно традиции, династическая хроника публиковалась после прекращения династии.

Из последователей Сыма Цяня видное место занимают Бань Гу (32—92 гг. н.э.), завершивший в 85 г. н.э. "Историю Ранней династии Хань" ("Хань-шу"), и Фань Е (398—445), автор "Истории Поздней династии Хань" ("Хоухань-шу") (206 до н.э. — 24 г. н.э.). Заключительному этапу хуннской истории посвящен труд историка Фан Сюаньлина. Свой рассказ Фан Сюаньлин связывает с событиями, описанными Сыма Цяном, Бань Гу и Фань Е. Таким образом, сочинения вышеназванных китайских историков представляют собой целостное описание древнего кочевого народа во все времена его пребывания на исторической арене[37]. В начале второго тысячелетия историк Сыма-гуан (1009—1086 гг. н.э.), написал прагматическую историю Китая под названием "Цзи чжи тун цзянь", которая охватила период с V до н.э. по X век н.э. Все позднейшие историки Китая в своих трудах сообщают множество сведений о народах Центральной Азии, Средней Азии и Южной Сибири[38].

Китайская историография выполняла правительственный заказ и не могла не быть тенденциозной. Возвеличивание роли Китая, его значения и успехов входили в задачу историка. Наоборот, сведения о поражениях, неудачах преуменьшались. Почти всегда количество войск, как своих, так и чужих, преувеличивалось, причем обязательно давались круглые числа — 10 тысяч, 100 тысяч, миллион.

Китайские историки сведения о внутреннем состоянии кочевых народов получали из сводок китайской разведки. Точность их несомненна, но эти сведения немногословны. Разведчиков интересовали военные вопросы, а хозяйство, религия, культура и нравы народов описывались чрезвычайно бегло.

Для китайских источников характерна точность в хронологии, отсутствие фантастики, вымыслов. Но некоторые события изменяются до неузнаваемости, поэтому требуют критического к

себе отношения, особенно при описании хуннов и других народов — не китайцев[39].

Самые отрывочные сведения сообщают китайские источники о древнейшем государстве тюркоязычных динлинов — Динлин Го, рсположенном в Минусинской котловине.

Китайские источники на европейские языки стали переводить еще в XVIII в. (Дегинь, А.Ремюза, Клапрот, С.Жульен и др.) Ими мы пользуемся через переводы или изложения русских исследователей. Первым среди них был Бичурин Н.Я. (Иакинф). Он родился в 1777 г. в чувашской семье. С 1807 г. в течение 14 лет был главой духовной миссии в Китае. В 1828—1851 гг. опубликовал большое количество трудов. Основные его работы посвящены истории тюркоязычных народов Средней и Центральной Азии, истории, культуре и философии Китая. По эрудиции, объему изложенного материала он во многом превосходил западноевропейских исследователей. Перевел на русский язык ряд извлечений из китайских источников. Его переводы китайской хроники до сих пор считаются одним из самых надежных источников для исследователей.

Прекрасный знаток китайского языка Н.Я.Бичурин не обладал историческим талантом. По его мнению, Центральная и Средняя Азия всегда были населены теми народами, которые населяют ее и теперь. Переводы о кочевниках из китайского языка сделал механически, без критического отношения к ним, не проверяя достоверность сведений.

Хуннов и ту-кю Н.Я.Бичурин считал монголами, называя их "дулга". На основе китайских сведений он написал историю восточных тюрков с 535 по 745 гг. и историю западных тюрков — с 666 по 766 гг. В 1828 г. опубликовал "Записки о Монголии". Спустя 23 года появился его чрезвычайно важный труд "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена". Н.Я. Бичурин некритически относился и к проблеме "хунны-гунны". По его сообщению, хунны в 15 г. по Р.Х. получили предложение китайского императора Ван Мана переименовать свое название на гунну. По-китайски хунны — злой раб, гунны — почтительный раб. Итак, в 15 г. хунны получили имя гунны[40].

По-новому подошел к исследованию китайских источников географ, исследователь Средней и Центральной Азии Г.Е.Грумм-

Гржимайло. С 1884 по 1914 гг. он совершил ряд крупных путешествий по Средней и Центральной Азии, Дальнему Востоку. По результатам изучения китайских письменных исторических источников, он создал уникальный научный труд "Западная Монголия и Урянхайский край", ставший настольной книгой всех историков Азии[41].

В качестве источника автором использован труд Н.В.Кюнера, посвященный исследованию китайских источников по истории народов Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока[42].

Научной общественностью более достоверными, точными признаны труды В.С.Таскина по истории хуннов, народов группы дунху, древних кочевников Китая. Собранные и переведенные В.С.Таскиным материалы китайских источников позволяют восстановить историю Хунну, отношений его с соседними странами, а также внутреннюю структуру и политическое устройство общества. Переводы В.С.Таскина включают в себя переводы сочинений Сыма Цяня, Бан Гу, Фань Е, Фан Сюаньлина[43]. При исследовании истории древних хуннов и других тюрков советские историки пользовались переводами Н.ЯБичурина. В.С.Таскин отмечает, что в переводах Н.Я.Бичурина содержится ряд фактических ошибок. Использовав эти переводы, Л.Н.Гумилев и С.И.Руденко допустили неверные положения в исследовании политической истории сюнну. В.С.Таскин указывает эти ошибочные положения[44].

О скифах и аргиппеях, обитавших за Уралом, из античных авторов писал древнегреческий историк Геродот (V век до н.э.)[45].

Важные сведения имеются в сочинениях византийских историков. Они касаются в основном западных тюрок и европейских гуннов.

Каган Первого Западно-Тюркского каганата Силзивул (или Дизавул) в 568 г. с Маниахом во главе отправил посольство в Константинополь. В ответ на это византийский император Юстин II послал в Западно-Тюркский каганат Земарха Киликийца, который в сопровождении Маниаха прибыл к Дизавулу. Заключив договор с Дизавулом, Земарх вернулся в Констатинополь, но не один, а с тюркским послом Тагма. В 576 г. в правление императора Тиверия Кесаря византийцы снова направили посольство к тюркам. На этот раз послом от Византии был Валентин, которого сопровождали ранее жившие в Византии тюрки. По сообщению источников, они были приведены Анавгистом, который был некогда посланником у тюрок. Затем

в Западно-Тюркском каганате послами были Иордан и Павел Киликиец. При приезде Валентина одним из "князей туркских" был Турксанф. Затем он был у брата Турксанфа Тарду.

В сочинении византийского историка Менандра Византийца под названием "История", сохранившемся во фрагментах и охватившим период с 558 по 582 год, описываются события, связанные с поездкой византийских послов в Западно-Тюркский каганат. Описаны путь и народы, обитавшие по пути следования, резиденция тюркских каганов, их богатства, нравы и обычаи тюрков[46].

Историк Феофан Византиец написал труд в 10 книгах о событиях 565—581 гг. В дошедших до нас его частях труда есть сведения о савирах (сабирах), в тот период проживавших в Прикаспии, тюркских племенах и взаимоотношениях тюрков с эфталитами[47]. Сведения о гуннах, тюрках и эфталитах имеются в "Истории" Прокопия Кесарийского[48].

Самое древнее упоминание о появлении гуннов на пространстве от Прикаспийских степей до Урала содержится в сочинении Дионисия Периэгета "Описание населенной Земли". Историк Аммиан Марцеллин написал неоценимый труд "Деяния" ("История"), состоящий из 31 книги. До нас дошли книги с 14 по 31. В сочинении охвачены события с 353 по 378 гг. и в нем содержатся ценные сведения о гуннах, их социальном устройстве, военном деле и занятиях[49]. Сведения о тюрках начала VII в. сообщает албанский историк Каланкатуаци[50].

Арабские и персидские источники о древних тюрках использованы в основном по сочинениям В.В.Бартольда[51].

В 80-е годы IX в. начальник почты и осведомительной службы Багдадского халифата Абу-л-Касим Убайдуллах ибн Абдаллах ибн Хордадбех написал книгу "Китаб ал-малик ал-масалик" ("Книга путей и государств"), где описаны маршруты караванных путей, указаны расстояния между местностями, содержатся сведения о тюрках, в т.ч. о кыпчаках и кимаках[52].

Во второй половине IX в. араб Тамим ибн Бахр ал-Мутаваи совершил поездку к токуз-огузам через земли кимаков и кыпчаков. Его описание пути, сведения о тюрках в дальнейшем были использованы и другими авторами[53].

Уроженец Багдада Абу Усман Амр ибн Бахр ал-Джахиз в книге "Манакиб ал-Атрак" (достоинства тюрок) оставил энциклопедические сведения о тюркских племенах севера Средней

Азии, современного Казахстана, военных качествах, обычаях и нравах тюрок[54].

Арабский историк и географ X в. Абу л-Хасан Али ибн ал-Хусейн ал-Масуди написал 30-томную энциклопедию "Ахбар аз-заман". До нас дошли ее отрывки, а также его сочинение "Китаб ат-танбих ва-л-ишраф". Масуди приведены ценные историко-этнографические сведения о тюрках[55].

Шамс ад-дин Абу Абдаллах ибн Ахмад ибн Абу Бакр ал-Банна ал-Мукаддаси (947—1000 гг.) в сочинении "Ахсан ат-такасим фи марифат ал-акалим" ("Лучшее разделение для познания климатов") привел о тюрках ценные географические сведения. Автор критически относится к географическому наследию своих предшественников[56].

Труды 105 наименований оставил среднеазиатский ученый Абу р-Райхан Мухаммад ибн Ад ал-Бируни (X в.). До наших дней сохранилось около 20 сочинений, в которых содержатся сведения о расселении тюркских племен, их обычаях[57].

Уникальные сведения о тюрках дает Абу Саид Абу ал-Хаййа ибн Зохак Гардизи в труде "Зайнал ал-ахбар" (Украшение известий)[58].

Кроме лингвистических сведений о хозяйстве, взаимоотношениях, этнографии тюркских племен сообщает выдающийся лингвист Махмуд Кашгари в сочинении "Диване лугат ат-турк"[59].

Незаменимым источникам о древних тюрках является анонимный географический трактат "Худуд ал-алам мин машрик ила-л-магриб" ("Границы мира от востока к западу"). Она написана около 982 г. на персидском языке, содержит много известий о тюрках, целая глава посвящена Кимакскому каганату и общественному устройству кимаков. Первым подробно исследовал это сочинение В.В.Бартольд[60].

Археологические источники использованы по трудам Ф.Г.Дебец, Л.А.Евтюховой, Л.Р.Кызласова, С.В.Киселева, А.В.Давыдовой, Л.Б.Гмыря[61].

Значительное количество трудов исследователей посвящено фольклору древних тюрков. Автором использованы сочинения В.М.Жирмунского, Малчы-Мерген, Ф.Е.Корш, В.В.Стеблевой[62].

Повествование о древних тюрках начинается с исследования кочевого быта, т.к. все тюркоязычные племена Великой степи прошли эту стадию развития. Первым объектом нашего иссле-

дования являются хунны, предки которых в глубокой древности жили на северной стороне среднего течения реки Хуанхэ, в области Ордос. Севернее их проживали другие кочевые племена.

Из-за постоянной китайской агрессии и в поисках лучших пастбиш кочевники Центральной Азии постепенно продвигались к северу и вступили в гористые места Тянь-Шаня около Иссык-Куля, в Алтайские, Саянские горы, в Прибайкалье, освоив Монголию, перевалили Хангай, прошли по Орхону, заняли вершины Онона-Керулена. С древнейших времен они занимали Минусинскую котловину, потом вступили в часть лесной зоны, охватили равнины и прибрежные зоны Оби, Иртыша, Ишима, Тобола и их притоков[63]. Передвижение кочевника связано с естественными способами пропитания его скота и его самого. Там, где благоприятствуют условия для нахождения трав, он замедляет движение и располагает скотоводческое хозяйство иногда даже в одном пункте. Так начинаются переходные фазы от кочевания к оседлости. Постепенно, по мере увеличения количества населения и скота, происходит распределение пастбищ и зимовок между родами и племенами. Но процесс перехода от кочевого способа к оседлости происходит долго, иногда веками.

На процесс кочевки влияют не только природные факторы, но и взаимоотношения между племенами и народами. По мере увеличения количества населения и скота росла потребность в пастбищах, и эти пастбища приходилось иногда завоевывать. На этой почве происходили долгая вражда племен и войны. Более сильные племена объединялись, возникали государства.

Мы с вами, уважаемые читатели, проследим краткую историю древних тюрков Сибири и Центральной Азии и их государств с IV в. до н.э. по XIII в. н.э. В исследовании содержатся некоторые сведения по истории хазар, болгар и европейских гуннов.

Автор выражает глубокую признательность коллегам — С.Х.Алишеву, И.К.Загидуллину, Н.С.Хамитбаевой, А.А.Арслановой, Р.Ф.Галлямову и Ф.СХабибуллиной, прочитавшим в рукописи работу и оказавшим помощь советами и замечаниями.

Примечания

[1] Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник. —

М., 1966. С.190.

[2] Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.I. — Спб., 1818. С.5—12; Семенов-Зусев С.А. Скифская проблема в отечественной науке. Опыт историографии скифов. Ч.I. — Харьков, 1947. С.11.

[3] Seferoglu Şukru Kaya, Muderisoglu Adnon. Turk Deyletleri Tarihi. (Etnologik bir Deneme) // Azerbeican Kultur Dernegi Yayinlari. №21. Ankara, 1986. С.11—28.

[4] Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. — Казань, 1989. С.54.

[5] Лайпанов К.П., Мизиев И.М. О происхождении тюркских народов. — Черкесск. 1993. С.115.

[6] Zeki Yelidi Togan. Umumi Turk Tarihina giriş. — 3 baski. — Istanbul. 1981. С. 10—17.

[7] Battal Taymas. Kazan Turkleri. — Istanbul, 1925. С.17—18.

[8] Зәкиев М.З. Төрки-татар этногенезы. (Этногенез тюрко-татар). На тат. яз. — Казан-Мәскәү, 1998. 90—95 б.; Закиев М.З. Татары. Проблемы истории и языка. — Казань, 1995. С.10—11.

[9] Иностранцев К. Хунну и гунны // Труды туркологического семинара. Вып.I. — Л., 1926. С.12.

[10] Иностранцев К. Хунну и гунны // Труды тюркологического семинара. Вып.I. — Л., 1926.

[11] Ядринцев Н.М. Отчет о поездке в Монголию и вершины Орхона. // Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. Т.XX. Вып.4. С.1—13.

[12] Radloff W.W. Die altturkischen Inschriften der Mongolei. I u. II Lief. St Pbg. 1894.

[13] Бартольд В.В. Новые исследования об орхонских памятниках. // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. Вып.9—10; Его же. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. — Спб., 1897; Его же. В.В.Томсен и история Средней Азии. — Л., 1926.

[14] Бартольд В.В. Сочинения. Т.II. Ч.2. — М., 1963—1964; Его же. Сочинения. Т.V. — М., 1968.

[15] Григорьев В. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами // Журнал Министерства народного просвещения. 1875.

[16] Фәхреддинов Р.С. Болгар вә Казан төрекләре. (Булгарские и казанские тюрки. На тат. яз.). — Казан, 1993, 23 б.

[17] Баттал Г.А. Казан төркиләре. (Казанские тюрки. На тат. яз.). — Казан, 1996. 28 б.

[18] Гөбәйдуллин Г.С. Татар тарихы. (История татар. На тат. яз.). — Казан, 1923. 13—17 б.

[19] Вәлиди А.З. Төрек-татар тарихы. (Истрия тюрко-татар. На тат. яз.). — Казан, 1915; Вәлиди А.З. Кыскача төрек-татар тарихы. (Краткая история тюрко-татар. На тат. яз.). — Казан, 1917.

[20] Атласи Һ.М. Себер тарихы. (История Сибири. На тат. яз.). — Казан, 1911. 23 б.

[21] Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. — М.-Л., 1946; Его же. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. — М.-Л., 1946; Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. — М.-Л., 1948; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951.

[22] Якубовский А.Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. — Ташкент, 1941; Его же. Вопросы этногенеза туркмен в VII—X вв. // Советская этнорафия. 1947. №3.

[23] Артамонов М.А. История хазар. — Л., 1951; Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография 1966. № 34; Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. — М.-Л., 1946; Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации). — М., 1983; Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX—XI веков по арабским источникам. — Алма-Ата, 1972; Васютин А.С. Культовые памятники древних тюрок Алтая. (VII—X вв. н.э.) // Автореф... дис. канд. ист. наук. — Кемерово. 1983; 1997. № 1. С.23—30; Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-тегина. — Спб., 1899; Потапов Л.П. Ранние формы феодальных отношений у кочевников // Записки Хакасского НИИ языка, истории и литературы. — Абакан, 1952. Вып.1; Сеидов М.А. Заметки о гуннской мифологии. (VII в.) // Советская тюркология. 1970. № 2; Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. — М.-Л., 1952; Его же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.-Л., 1959; Плетнева С.А. Хазары. — М., 1976; Ее же. Половцы. — М., 1990.

[24] Adile Ayda. Etruskler'le Isketler arasinda Benzerlikler // VIII Turk Tarih kongresi, I. — Ankara; 1979; Adile Ayda. Etruskler (Tursakalar) Turk ideler. — Ankara; 1992; Каримуллин А.Г. О возможном родстве отдельных индейских языков с тюркскими // Вопросы тюркского языкознания. — Казань, 1976; Каримуллин А.Г. Прототюрки и индейцы Америки: По следам одной гипотезы. — М., 1995.

[25] Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. — М., 1964; Его же. Кипчаки в рунических памятниках // Turcologica. К 80-летию акад. А.Н.Кононова. — Л., 1986; Его же. Формирование древнетюркской государственности: от племенного союза до Первого Тюркского каганата // Панорама-форум. 1997. № 1. — Казань. С.118—124; Его же. Кто были половцы // Алтаика. II. — М., 1998.

[26] Гумилев Л.Н.Хунну. Степная трилогия. — Спб., 1993; Хунны в Китае. Три века борьбы Китая со степными народами III—VI вв. — Спб., 1994; Тысячелетие вокруг Каспия. — Баку. 1991; Древние тюрки. — М., 1993; Ритмы Евразии. — М., 1993; В поисках вымышленного царства. — М., 1992; Древняя Русь и Великая степь. — М., 1992.

[27] Безертинов Р.Н. Татары, тюрки — потрясатели вселенной. Набережные Челны. Т.I—III. 1997; Его же. Тенгрианство — религия тюрков и монголов. Набережные Челны, 2000.

[28] Witzen N. Noord and Oost Tartarye. — Amsterdam, 1692.

[29] Катанов Н.Ф. Швед Филипп-Иоганн Страленберг и и его труды по России и Сибири (начала XVIIв.) // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т.XIX. Казань, 1903. С.3—9.

[30] Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. Т.I. — Спб. с.350—362.

[31] Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала. — М., 1983. С.5—6.

[32] Васильев Д.Д. Указ. соч., 1983. С.9.

[33] Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М., 1964. С.6.

[34] Radloff W. Die Altturcischen Inschriften in der Mongolei. III. St. Pbg.1895; Thomsen W. Inscriptions de' Orkhon. MSFO. — Helsingfors, 1896.

[35] Кроль Ю.А. Сыма Цян — историк. — М., 1970; Сыма Цян. Исторические записки. Т.I—II. — М., 1972—1975.

[36] Таскин С.В. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып.2. — М., 1973. С.4.

[37] Таскин В.С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III—V вв. Вып.1. Сюнну. — М., 1989. С.13.

[38] Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Ч.I. Введение. История дорусской Сибири. — Иркутск. 1920. С.27; Таскин В.С.Материалы по истории Сюнну (по китайским источникам). Вып.2. — М., 1973. С.4.

[39] Гумилев Л.Н. Хунну. Степная трилогия. — Спб., 1993.

С.50—51.

[40] Бичурин Н.Я. Записки о Монголии. Т.I—II. — Спб., 1828; Его же. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I—III. — Спб., 1851, переиздание Т.I—III. — М.-Л., 1950—1953.

[41] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. — М.-Л., 1926.

[42] Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М., 1961.

[43] Таскин В.Н. Материалы по истории сюнну (по китайсим источникам). Вып.1,2. — М., 1968, 1973; Его же. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху (по китайским источникам). — М., 1984; Его же. Материалы по истории кочевых народов Китая III—V вв. Вып.1. — М., 1989.

[44] Таскин В.С.Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). — М., 1973. С.4, 8, 14.

[45] Геродот. История. — Киев, 1908.

[46] Менандр Византиец // Византийские историки. Перев. Спиридона Дестуниса. — Спб., 1861. С.416—417.

[47] Выписки из истории Феофана. Пер. С.Дестуниса // Византийские историки. — Спб., 1860.

[48] Прокопий Кесарийский. История войн с персами, вандалами и готфами. Пер. с греч. С.Дестуниса // Записки историко-философского факультета Спб ун-та. Ч.I. 1876.

[49] Аммиан Марцеллин. История. Кн.1—3. — Киев. Перевод Ю. Кулаковского и А. Сонни. Спб., 1906—1908; Его же. История. Кн.23. Перевод В.В.Латышева // Вестник древней истории. 1949. №3.

[50] Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. Пер. Ш.В. Смбатяна. — Ереван. 1984.

[51] Бартольд В.В. Сочинения в 9-ти томах. Т.I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — М., 1963; Его же. Т.V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов, по истории Центральной Азии и Дальнего Востока. — М., 1967.

[52] Булгаков П.Г. Книга путей и государств ибн Хордадбеха (к изучению и дешифровке редакций) // Палестинский сборник. Вып.3 (66). 1958.

[53] Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Избр. соч. Т.IV. — М.-Л., 1957.

[54] Мандельштам А.М. Характеристика тюрок IX в. в “Послании Фатху б. хакану ал-Джахиза // Труды Института

истории, археологии, этнографии АН Каз. ССР. Т.I. Археология. 1956.

[55] Масуди. Из "Книги сообщений и знаний". Пер. Н.А.Караулова. Сведения арабской географии IX—X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.XXXVIII. Тифлис, 1908.

[56] Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. Избранные сочинения. Т.IV. — М.-Л., 1957. С.210—218.

[57] Бируни — великий ученый средневековья. — Ташкент, 1956.

[58] Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 // Записки императорской АН. Сер.VIII. — Спб., 1897.

[59] Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.-Л., 1951; М.Кашгари. Турки сузлер дивани. На узб. яз. — Ташкент, 1963.

[60] Бартольд В.В. Худуд ал-алам. Рукопись Туманского, с введением и указателем. — Л., 1930.

[61] Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. — М.-Л., 1948; Евтюхова Л.А. Развалины дома в "земле Хягас" // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Т.XII.; Евтюхова Л.А., Левашова В.П. Раскопки китайского дома близ Абакана // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Т.XII.; Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасо-Минусинской котловины. — М., 1960; Его же. История Тувы в средние века. — М., 1969; Его же. История Южной Сибири в средние века. — М., 1984; Его же. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. — Изд. Краснояр. ун-та. 1992; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951; Давыдова А.В. Иволгинский комплекс — памятник Хунну в Забайкалье. — Л., 1985; Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. — Махачкала, 1995.

[62] Жирмунский В.М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. — М., 1960; Малчы-Мерген. Алтайский героический эпос. Ойротское обл. нац. изд. 1947; Корш Ф.Е. Древний народный стих турецких племен. — СПб., 1909; Стеблева В.В. Поэзия тюрков VI—XIII вв. — М., 1965.

[63] Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. — Спб., 1891. С.246.

Глава I
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Наиболее древним известным археологам поселением человека в Южной Сибири является верхненеолитическая стоянка Сыя в Хакасии. Археологи опредилили ее возраст — 34 тысячи лет. Жители стоянки оставили после себя кости северных оленей, горных баранов, бизонов, носорогов, мамонтов, козерогов, сайгаков, а также мелких пушных зверей. Кроме облавной охоты, они занимались рыбной ловлей.

На берегах Енисея, Катуни, Чулыма, Абакана, Томи, Оми обнаружены более поздние поселения людей каменного века, обитавших там 10—15 тысяч лет назад. Они охотились на мамонтов, носорогов, северных оленей, лошадей, сайгаков, бизонов. Охотники жили оседло в земляных жилищах с куполообразными крышами. Антропологи установили, что это были люди, монголоидного типа[1]. Основным их занятием была охота на лося, марала, косулю. Люди жили в жилищах типа чума. Обнаружены кости домашних животных — лошадей и овец, свидетельствующие о занятии домашним скотоводством. Таким образом, скотоводство в Южной Сибири зародилось, еще в неолите, в конце IV тысячелетия до нашей эры. Тогда же начался и период производительной экономики.

В дореволюционный период археологические исследования Сибири проводились лишь по инициативе местных краеведов-любителей. До настоящего времени неолитические памятники Саяно-Алтая остаются малоизученными. В лучшем положении находится таежная область по Ангаре, в Прибайкалье и по Лене, где археологическими экспедициямии ученого археолога А.П.Окладникова собран обширный материал. Из неолитических памятников прежде всего следует отметить находки каменных рыб[2]. Состояние культурных слоев Среднего Енисея и Минусинской котловины археологам дает скудный материал. С.В.Киселев считает, что древний скотоводческий режим издавна

способствовал растаптыванию скотом растительного слоя дюнных холмов, вследствие чего усиленно выдувались пески, хранившие культурные наслоения.

Материалы, обнаруженные на территории Прибайкалья, Ангары, Минусинского края, Барабинской степи, позволяют делать вывод о том, что на этой территории жило однородное население. Выявленный материал показывает совершенствование качества орудий труда (ножей, вставленных в рукоятку, наконечников копий). Появляются топоры с полукруглыми лезвиями. Замечается сокращение костяного инструментария.

Пищевые остатки неолита свидетельствуют, что последовала охота уже не на мамонта, а на лошадь, оленя, быка, косулю, зайца и куропаток. По мере истребления зверя охотничьи угодья в крае перестали обеспечивать потребности, стоянки часто оставлялись, усилилась подвижность населения, а через некоторое время в эти места пришли новые жители. Выявляются наличие скотоводства, постоянное употребление лука, обработка металла, развитой керамики. Несмотря на малочисленность неолитических находок, они достаточно ярко показывают, что неолитическая эпоха на Алтае была весьма сложной. С одной стороны, ее культура обладала чертами северосибирского неолита, с другой в ней бытовали особенности, указывающие на связи с Юго-западом, со Средней Азией. Эти связи продолжались на Алтае и позднее. А.П.Окладников считал бесспорным существование мелких матриархальных коммун рыболовов-охотников, знавших лук, сети, полирование и натачивание камня. Были и местные особенности, в частности, в более южных степных районах — в Минусинской котловине и предгорных степях Алтая[3].

В позднем неолите археологи определили тазминскую культуру. Она характерна каменными изваяниями. Святилища, скульптурные изображения божеств и духов связаны с космогоническими представлениями жителей тазминской культуры. Религиозные представления носителей этой культуры, по-видимому, были началом тенгрианской религии древних тюрков. По своему содержанию тазминская культура — это смешанная культура местных аборигенов и пришельцев. На скалах изображены древнейшие четырехколесные колесницы, запряженные быками[4].

Во втором тысячелетии до н.э племена, жившие в Южной Сибири, перешли от неолита к бронзовому веку. Они создали

несколько очагов разнообразных культур, существовавших одновременно и взаимодействовавших друг с другом. Исследования археологов показали, что археологические культуры не следуют одна за другой, зволюционно сменяя друг друга, а сосуществуют[5].

В Минусинской котловине и на Алтае ранними после неолитических являются памятники первой местной бронзовой афанасьевской культуры. Она продолжалась с середины III тысячелетия до начала II тысячелетия до нашей эры. Памятники этой культуры представлены прежде всего погребениями. Их более 80. Некоторое количество находок обнаружено на развеянных дюнных стоянках. Первые могильники были открыты около села Батеней, под Афанасьевой горой, от которой пошло название археологической культуры. Исследование его памятников позволяет убедиться, что в степях Сибири, в т.ч. на Саяно-Алтае вплоть до Енисея в самом начале бронзового века существовала весьма однородная афанасьевская культура, носителями которой были племена палеоевропейского типа, знавшие уже скотоводство.

При самом сложении этой культуры отчетливо ясны отдаленные связи, главным образом с западом, доходящие до Поволжья, может быть, даже до Причерноморья. При изучении афанасьевских памятников обнаруживаются связи с юго-западом — с энеолитом Средней Азии времен Анау и Суз, который предшествовал афанасьевскому. В Минусинском крае и на Алтае в афанасьевскую эпоху начали разводить домашний скот — лошадей, коров, овец. По-видимому, домашний скот еще не был главным источником существования, стада были небольшими и перекочевки не требовали. Существовало примитивное земледелие, которым занимались в основном женщины. При наличии домашнего скотоводства, очевидно, существовали обработка кожи, прядение шерсти. Было известно строительство деревянных срубов, выделка глиняной посуды и добывание и обработка медной руды, изготовление медных орудий. В области общественных отношений афанасьевское время на Среднем Енисее и Алтае археологи характеризуют как переходное от матриархата к патриархату. Имущественное различие никакими признаками не проявляется. Обособление оружия от орудий труда говорит, что война была частым явлением в жизни афанасьевских родов[6].

Племена афанасьевской культуры продолжали жить в Южной Сибири и во втором тысячелетии, в период развития бронзы и

в раннем железном веке. Но в середине второго тысячелетия на Средний Енисей с запада проникает новая волна европеоидного населения. Этих пришельцев археологи называют представителями андроновского физического типа, создателями особой андроновской культуры. (XVI—XIV вв. до н.э.). Она обнаружена в Минусинской котловине, ее памятники на Алтае и в Туве не известны. Это период расцвета бронзы и развития железа. В это время производство оружия отделилось от производства орудий труда. Уникальным явлением андроновской культуры является создание великого нефритового пути эпохи бронзы. Этот путь один из длинных путей древности. Он шел из Прибайкалья, пересекая Обь, Томь, Омь, Иртыш, Уральские горы, достиг Камы и Волги близ устья Оки. Соединил андроновскую Сибирь с Восточной Европой. Путь известен распространением шлифованных украшений из саянского нефрита[7].

Представители андроновской культуры занимались традиционной охотой, рыбной ловлей, скотоводством и мотыжным земледелием. Земледелие в этот период начинает играть значительную роль. С.В.Киселев предполагает наличие земледелия на пойме Тобола[8].

В конце бронзового века в Южной Сибири почти синхронно андроновской культуре существовала карасукская культура. (XIII—VIII вв. до н.э.), памятники которой оставлены смешанным населением, пришедшим с запада и юга. Антропологический тип их определен европеоидным с примесью монголоизма. Люди жили в постоянных поселениях, в домах каркасного типа. Хозяйство их было также комплексным, разводили крупный рогатый скот, лошадей и овец. В карасукский период высокого уровня достигла металлургия бронзы. Характерным явлением карасукской культуры являются обширные кладбища, могилы ограждены положенными на гребень каменными плитами.

Антрополог Г.Ф.Дебец обращает внимание на различие между карасукскими и андроновскими черепами. Лица карасукцев выше и уже. Имеются и короткоголовые, с широким лицом. Это явление он объясняет инфильтрацией монголоидных элементов северо-китайского типа и сохранением старых афанасьевских типов. Это привело к смешению населения. В XVIII—XVII вв. до н.э. происходило вытеснение динлинов из Китая. На территории от Байкала до Оби происходила миграция восточной группы динлин[9].

Продолжением карасукской культуры в Южной Сибири является оседло-земледельческая тагарская культура, распространенная в основном в Минусинской котловине. С начала I тысячелетия до VII в. до н.э. она сосуществовала вместе с карасукской культурой. В VII в. Тагарская культура вытеснила карасукскую культуру и продолжалась до II в. до н.э. На одном из наскальных рисунков тагарского периода археологами обнаружены изображения трех срубных домов, четвертый дом похож на глинобитный, все они покрыты соломой. Рядом с домами нарисована юрта. Нахождение в тагарском поселке юрты говорит о кочевничестве, которое не было известно до этого в Южной Сибири.

Тагарские погребения имеют ярко выраженный семейный вид. Самые группы курганов принадлежат отдельным родам тагарских племен. В первой стадии тагарской эпохи труп уложен в могилу головой на запад, с трепанацией черепа, мышцы удалены до костей. Каждое погребение имеет свои отличия, что говорит о родовых различиях, которые еще были сильны при сохранении общих явлений и особенностей. В это время сохранился первобытно-общинный строй.

Значительное место в погребениях тагарской эпохи занимают скульптурные изображения тагарцев — украшения рукоятей кинжалов, ножей, зеркал и т.п. При рассмотрении тагарских изображений археологи обратили внимание на продолжение карасукских традиций[10]. Тагарские изображения имеют звериный стиль. Он похож на скифский, но имеет свои особенности, тагарский зверь более реалистичен. Безусловно, взаимовлияние было. Трудно определить, чей стиль является первичным — скифский или минусинско-тагарский.

В тагарское время земледелие занимало прочное место. В погребениях встречется много серпов. Во многих районах Минусинской котловины обнаружены остатки тагарских оросительных систем. В некоторых системах каналы вели воду на расстояние 15—20 км от возделываемых земель. Такая работа могла быть выполнена только большим количеством людей[11].

Памятники тагарской культуры широко представлены и на Алтае. Встречаются они и в Туве. К концу тагарского периода на Енисее и Алтае вновь встречен антропологический тип, близкий к старому афанасьевско-андроновскому времени. Однако на Алтае в V—IV вв. до н.э. началось проникновение монголо-

идных групп[12]. Но памятники Алтая, соответствующие тагарской эпохе Минусинской котловины, вместе с развитием форм, весьма близким к тагарским, имеют много особенностей, близких к скифским архаичной поры. Еще одной значительной особенностью алтайских курганов VII—VI вв. является погребение с конем. Это сохранится на тысячелетия. Общим признаком минусинских и алтайских памятников ранней тагарской эпохи является отсутствие изделий из железа, потом они появились.

Алтайские памянтники тагарской эпохи археологи называли майэмирскими, т.к. первые шаги его удалось проследить благодаря раскопкам, произведеным А.В.Адриановым в майэмирской степи у истоков Нарыма, а также в верховьях Бухтармы[13]. В этих местностях, наряду с курганами, насыпанными из камня, оказались курганы, сложенные из крупных обломков скалы, пересыпанных землей. Палеоантропологи определили, что в тагарский период на Енисее и в майэмирский на Алтае обнаружен антропологический тип, близкий к старому афанасьевско-андроновского времени. Однако на Алтае в V—IV вв. началось проникновение новых этнических групп с резко выраженными монголоидными чертами[14].

Тагарская эпоха на Енисее и майэмирская на Алтае были периодом общности дальнейшего культурно-исторического развития, начавшегося в афанасьевское время. Андроновская эпоха отличалась еще большим сближением востока и запада евразийских степей[15].

История человечества — явление сложное. В истории отдельных племен и народов есть периоды, когда их материальная и духовная культура развивается традиционно, как было и в прошлые десятилетия, даже столетия. Но в отдельные периоды проявляются новые тенденции, не известные в прошлой истории племени или народа. Эти тенденции нарастают, вносят значительные изменения в их материальную и духовную жизнь. Такие явления археологи обнаружили в вооружении хуннской кавалерии в IV в. до н.э., когда у хуннов произошла реформа военного дела. Легкая хуннская кавалерия стала тяжеловооруженной. У Китая и других соседей хуннов такого вооружения тогда не было. Возникает вопрос: где истоки этих изменений? Ответ не простой, но обоснованный. Корень изменений лежит в сложной системе связей и взаимовлияния

племен и народов. Иногда связи были самыми неожиданными, между территориально отдаленными племенами. Так произошло и с хуннами.

Археолог С.П.Толстов открыл забытую высокую цивилизацию Хорезма — самобытного форпоста древневосточной рабовладельческой культуры. Хорезм сохранил самостоятельность и при завоеваниях Александра Македонского. Племена Арало-Каспия — массагеты по греческим, юэчжи по китайским источникам — в этот период также переживали подъем. Если судить по археологическим источникам, их материальная и духовная культура была аналогична скифской. Много общего в общественном строе. Их знать, подобно скифской, обладала огромными богатствами. В 530 г. до н.э. массагеты разбили персов, убили их царя Кира. Массагеты были в первых рядах среднеазиатских племен, поднявшихся против греко-македонских завоевателей. Борьба против войск Александра Македонского прибавила сил массагетам и привела к большим изменениям. Они произвели реформу армии и стали господствующей силой на востоке. Тяжелое вооружение кавалерии массагеты переняли от сарматов. Преимущество своей кавалерии сарматы показали на западе степей Евразии[16].

Тяжеловооруженная панцирная кавалерия в древности была только у ассирийцев. Но это вооружение было лишь у небольшого числа кавалеристов Ассирии. Благодаря своей кавалерии массагеты-юэчжи в III в. до н.э. господствовали над всеми кочевыми племенами Центральной Азии. Их кочевья расположились даже на территории современной провинции Китая Ганьсу. Жившие на востоке от массагетов хунны платили им дань. Лишь при шаньюе Модэ хунны могли нанести сильный удар массагетам. В 165 г. шаньюй Хунну Лаошань разбил массагетов-юэчжи, заставил их отступить в Среднюю Азию. Массагеты вполне могли быть передатчиками новой среднеазиатской военной техники на восток. А хуннам такая военная техника была крайне необходима.

Древние племена, обитавшие на большом отдалении друг от друга, жили не в изоляции. Историко-культурное развитие древних племен отличалось большой общностью. Скифы на западе савроматы Поволжья и Южного Приуралья, массагето-сакский мир Средней Азии, динлины, тагарские и майэмирские

племена Саяно-Алтая, население Монголии, Прибайкалья и Ордоса пользовались идентичным оружием и конской сбруей, увлекались одними и теми же образами и настроениями в искусстве. Сохранили значительные местные особенности, но они не ослабляли близость их культур. Великая степь соединила восток и запад Евразии единством материальной и элементами духовной культуры[17].

В эпоху Чжоу Китай был слабым и разделенным на множество небольших государств, где процветало рабство. А после установления династии Цинь Китай объединился, стал грозной силой для Хунну.

Как было сказано выше, майэмирская культура Алтая по времени совпадает с тагарской культурой Минусинской котловины. Археологически она также близка к тагарской культуре. Кроме традиционных находок, в погребениях майэмирской культуры Алтая были найдены вещи, сходные со скифскими классической и раннеэллинистической эпохи. Яркие проявления скифской культуры в погребениях тагарской и майэмирской культур отчетливо указывают на тесные хозяйственные и культурные связи древнего населения Минусинской котловины и Алтая со скифами. Археологические исследования свидетельствуют о хозяйственных и культурных связях древнего населения Саяно-Алтая и с более отдаленными племенами, но они не столь значительны, как связи со скифами. Не подтверждают ли эти проявления мысль многих исследователей о близкородственности скифов с древним населением Южной Сибири или о полиэтничности скифского союза, в котором были и древние тюрки? С.В.Киселев вполне уверен, что "со Скифией южную Сибирь, в частности, Алтай, связывает значительная близость культуры, отдельные элементы которой могли проникать через посредство родственных в культурном отношении племен Западной Сибири, Южного Приуралья и Волго-Донских степей"[18]. Безусловно, дальнейшие исследования внесут ясность в эту проблему, если исследователи будут исходить не только из пресловутой ирано-европеистической теории.

Позднемайэмирские погребения горного Алтая отличаются от тагарских частыми находками одного или двух коней при покойнике. В погребениях в приалтайских степях обнаружено большое количество глиняной посуды, свидетельствующей об оседлости. Встречаются курганы без конских погребений[19].

В послемайэмирское время на Алтае произошли значительные изменения. Большинство их было вызвано преобладанием хуннов в Центральной Азии и касались они многих сторон жизни населения Алтая, что выразилось в значительном своеобразии сохранившихся памятников. Это позволило археологам выделить новую археологическую культуру, которую назвали пазырыкским по имени урочища Пазырык на правом берегу реки Большой Улаган Алтайской республики, где расположена большая группа курганов. Курганы представляют собой могилы родовых или племенных вождей, сооруженные в основном в V—IV вв. до н.э. В пазырыкских курганах были открыты прямоугольные ямы глубиной до 4 метров, площадью около 50 кв. метров, в которых стояли погребальные камеры (бревенчатые срубы) высотой до двух метров, с полом, двойными стенами из лиственничного сруба и потолком, покрытым берестой, кустарником, накатом из лиственничных бревен. Затем был насыпан небольшой земляной холм, а сверху — мощный слой камня. Промежуток между двумя стенами с трех сторон был заполнен камнями.

Вследствие значительной высоты урочища Пазырык, особенностей климата и конструкции курганов вскоре после их сооружения под ним образовалась мерзлота, обеспечившая хорошую сохранность всего положенного в могилу, в частности, бальзамированных погребенных в колодах-саркофагах из лиственницы, трупов лошадей, захороненных к северу от могильной ямы, вне погребальной камеры. Хорошо сохранились изделия из древнейших тканей, войлока, меха и кожи. Находки дают полное представление о физическом типе и культуре погребеннных. В курганах обнаружены многочисленные произведения искусства, выполненные в своеобразном зверином стиле, и конская сбруя. О широких хозяйственных и культурных связях древнего населения Алтая свидетельствуют переднеазиатский ворсовый ковер, переднеазиатские ткани тончайшей работы и вышитая шелковая ткань[20].

Вечная мерзлота, образовавшаяся под пазырыкским курганом, сохранила целым и 10 конских трупов. Они тщательно исследованы проф. В.О.Виттом, который определил, что они не похожи на современных "монголок", но имеют аналогию с породой ахалтекинских туркменок, которая была известна в Китае[21].

10 драгоценных коней погребенного не сразу стали его собственностью. Он приобрел их постепенно, т.к лошади имеют разное клеймо на ушах.

Исследование желудков коней показало, что их кормили отборным зерном. Это свидетельство того, что даже в отдаленном районе Алтая занимались земледелием.

Отличительная черта памятников пазырыкской культуры — это неоднородность, резкое различие в размерах, конституции и погребальной обрядности. Наиболее простые погребения отмечены небольшими кучками камня или концентрическими кольцами, выложенными из плитняка на поверхности земли. Затем идут многочисленные каменные курганы средних размеров и огромные курганы, также насыпанные из обломков скал. Их диаметр достигает 100 метров, высота — 4,5 метра. Они значительно отличаются и по своему внутреннему содержанию.

Даже рядовые погребения Алтая пазырыкской эпохи отражают их известную близость к хуннским Северной Монголии. В то же время имеются погребения, близкие к предшествовавшему майэмирскому периоду Алтая.

Таким образом, в пазырыкскую эпоху определяются две группы памятников Алтая — степная и горно-алтайская. Курганы степной группы принадлежат к более оседлому населению, но и в горах не был развит кочевнический уклад. Наличие срубленных погребальных камер говорит о знакомстве с конструкцией деревянного дома. В этот период и кибитка, и постоянный дом получили довольно широкое распространение.

Обе группы памятников — степная и горная свидетельствуют о значительных изменениях общественного устройства племен Алтая в пазырыкское время. Ярко выступает сильнейшая дифференциация внутри племени. Основой хозяйства алтайских племен были скотоводство, мотыжное земледелие. Окончательно распространилось железо, оно уже было в конце майэмирского периода.

Пазырыкская эпоха Алтая отличается обилием золота в погребениях. Оно присутствует даже в самых бедных из них, а в больших курганах золота было в значительном количестве. Золото погребений было разграблено, начиная с древности, но самое большое количество грабежей курганов производились в XVII—XVIII вв. русскими. Наличие большого количества золота на Алтае в этот период объясняется усиленной добычей его на

месте и сокращением вывоза в Среднюю и Переднюю Азию в связи с завоеваниями македонцев в Средней Азии[22].

В росте имущественных различий и усилении местной знати большую роль сыграло хуннское воздействие на Алтай. О силе его можно судить по проникновению в самые глубины алтайской культуры. Алтайские племена тесно соприкасались с хуннами, в отдельные периоды даже подчинялись им и платили дань.

До хуннов имущественное различие было иным. Большая разновидность погребений говорит о том, что аристократия только складывалась, среди рядовых членов общества было много богатых, а золота у всех было почти поровну.

Обогатившиеся в хуннское время пазырыкцы стремились подражать хуннам. Аналогичную картину можно наблюдать в Барабинской степи и близ Тюмени. По ритуалу захоронения они отличаются от алтайских, там нет коня, но есть все остальное — заметна дифференциация. На фоне маленьких погребений выделяются курганы знати диаметром 35 метров, высотой 3 метра, которые скрывали богатые погребения.

Два таких кургана расположены около Усть-Тартаса на Барабе. Рядовые курганы имеются близ Тюмени (село Мыс), Ялуторовска (село Томилово), Кургана (село Вагино), а также близ Челябинска, Кустаная и Троицка. Они обнаруживают сильнейшее сходство с сарматскими памятниками Поволжья и Южного Приуралья[23].

Это позволяет предполагать развитие дифференциации в этой части Западной Сибири, показателем чего служат сарматские памятники на Южном Урале — в Оренбуржье. Богатые курганы близ Тюмени могут быть сопоставимы с большими курганами Алтая и Усть-Тартаса на Барабе. По мнению С.В.Киселева, они отражают процесс сложения богатой и могущественной племенной знати. В хуннско-сарматское время (III—I вв. до н.э.) на территории от Монголии до Южного Приуралья, включая Алтай, Минусинскую котловину, Западную Сибирь и Среднюю Азию, наблюдаются сходство общественных изменений, аналогии в материальной культуре и произведениях искусства. Отдаленные друг от друга на большие расстояния племена имели глубокие связи. Свидетельством этому является и большой пазырыкский курган, расположенный в двух километрах от селения Большой Улаган. Это изолированный район

горного Алтая на границе Монголии и Тувы. И несмотря на это, находки кургана дают яркие картины связей культуры местного населения не только с хуннами и скифо-сарматским миром, но и с более отдаленными районами древневосточной цивилизации. В пазырыкских находках много сходства с образцами Средней Азии, представленными прежде всего в Аму-Дарьинском кладе. Через Среднюю Азию на Алтай проникли достижения культуры древнего Востока: Двуречья, Ирана, шумеро-вавилонской древности. Это образцы фантастических чудовищ и хищников, сцены их борьбы с травоядными.[24] Хунны с востока, сарматы, массагеты с запада и другие древние племена Алтая создали пазырыкскую культуру. И эта культура, за исключением некоторых местных особенностей, была созвучна культуре племен Монголии, Минусинской котловины, Западной Сибири, Средней Азии, Южного Приуралья и Поволжья. Это вполне объяснимо, т.к. корни материальной и духовной культуры этих регионов находят полную поразительную аналогию в скифо-сибирской древности.

Исследование памятников пазырыкской эпохи показало, что в истории племен Алтая в этот период произошел значительный сдвиг в развитии нового общественного слоя — племенной знати. Она обогатилась и выделилась, стала влиятельной общественной силой. Это было важным шагом к созданию государственности. Но в истории общественные изменения происходят длительное время. Поэтому образование государства на Алтае произошло несколько веков спустя после пазырыкской эпохи. Хуннское общество по своему развитию значительно опережало племена Алтая и Минусинской котловины. Китайские источники уверенно пишут о существовании в IV в. до н.э. Хуннского государства. В китайских исторических сочинениях зафиксировано также образование в IV—III вв. до н.э. в Минусинской котловине "государства Динлин" (Динлин Го). Но это государство скоро стало зависимым Хунну.

Краткий обзор археологических культур Южной Сибири показал, что в середине I тысячелетия до н.э. племена Центральной Азии уже достигли значительных успехов в развитии своего хозяйства и культуры. Памятники свидетельствуют, что почти все племена перешли к кочевому скотоводству, в ряде мест Минусинской котловины и Алтая развивалось

мотыжное земледелие на зимниках. Совершенствовалось изготовление орудий труда, оружия и других изделий из бронзы, место бронзы постепенно стало занимать железо.

В историческом развитии племен Великой степи значительную роль играли их хозяйственные и культурные связи. В культуре почти всех племен огромного региона отчетливо проявлялся скифский и сарматский след. Однако развитие различных областей восточной части Великой степи протекало неравномерно, имело свои особенности, что предполагало и неравномерность общественного развития. У некоторых племен раньше, у других — позже складывалась семья с отцовским родом, выделилась, обогатилась и накопила мощь родовая знать, у динлинов и хуннов создавались свои государства.

Примечания

[1] Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. — Изд. Краснояр. ун-та, 1992. С.5—7.

[2] Окладников А.П. Каменные рыбы // Советская археология. 1936. №1. С.215—245.

[3] Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. С.20—22.

[4] Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. — Изд. Красноярсого ун-та, 1992. С.9

[5] Гумилев Л.Н.Тысячелетие вокруг Каспия. — Баку, 1991. С.71—72.

[6] Киселев С.В. Указ. соч., с.58—60.

[7] Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. — Изд. Краснояр. ун-та. 1992. С.12.

[8] Граков Б.Н. Работы в районе проектируемых южноуральских гидростанций. Археологические работы на новостройках. Вып. II. — Л., 1935. С.93.

[9] Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы // Советская археология. XII. 1950. С.157.; Дебец Г.Ф. Антропологические типы Минусинского края на стадии родового строя (к вопросу о миграции в доклассовом обществе // Антропологический журнал. 1932. №2, с.26—48.

[10] Адрианов А.В. Выборки из дневников курганных раскопок. — Минусинск. 1902—1924. С.65.

[11] Киселев С.В. Указ. соч., с.258.

[12] Киселев С.В. Указ. соч., с.299—301.

[13] Грязнов М.П. Древние культуры Алтая. Материалы по изучению Сибири. Вып.2. Новосибирск, 1930. С.6—7.

[14] Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. — М.-Л., 1948. С.137).
[15] Киселев С.В. Указ. соч., с.303.
[16] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I. — М.-Л., с.9; Толстов С.В. Основные вопросы древней истории Средней Азии // Вестник древней истории. 1938. №1. С.185.
[17] Киселев С.В.Указ. соч., с.303.
[18] Киселев С.В. Указ. соч., с.384.
[19] Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Гос.Исторического музея. Вып.XVI. 1941. С.88—89.
[20] Руденко С.И. Культура населения горного Алтая в скифское время. — М.-Л., 1953.
[21] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, населявших Среднюю Азию в древние времена. Ч.III. — М.-Л., 1950. С.22.
[22] Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып.I. — Л., 1941. С.17.
[23] Дмитриев П.А. Мысовская стоянка с курганами // Труды Института археологии искусствоведения. Российская ассоциация научно-иссл. ин-тов. Вып.IV, с.187—190.
[24] Киселев С.В. Указ. соч., с.390.

Глава II
ХУННЫ

История древних тюрков связана с Великой степью. Так называется обширное пространство Евразии от Уссури до Дуная и Карпат. Ее северной границей являются сибирская тайга и смешанные леса Восточной Европы, с юга она граничит рекой Хуанхэ, плоскогорными пустынями и оазисами Ирана, Каспийским морем и Кавказскими горами. В древности эту степь греки называли Скифией, персы — Тураном, а китайцы — Бэй-ху (степь северных варваров). Великая степь географически делится на две части: восточная часть называется Внутренней, Центральной или Срединной Азией, она включает в себя Монголию, Джунгарию, Восточный Туркестан. Н.Я.Бичурин и Г.Е.Грумм-Гржимайло называют ее Средней Азией. От Сибири ее отделяют хребты Саянский, Хамар-Дабан и Яблоневый, от Тибета — Куньлунь и Наньшань, от Китая — Великая Китайская стена, а от Западной части — горный Алтай, Тарбагатай, Саур и Западный Тянь-Шань. Западная часть Великой степи включает нынешний Казахстан, Семиречье, Причерноморские степи и некоторые земли по Дунаю. Великая степь — огромная холодная территория с редким населением, сухим, резким континентальным климатом, с безводными пустынями[1].

Южнее Великой степи, за рекой Хуанхэ расположена теплая, влажная страна с плодородной почвой — Китай. Китайцы называли свою страну Срединным или Небесным царством. Китайская цивилизация — одна их древнейших в мире. Она возникла на территории среднего течения реки Хуанхэ и прилегающих землях уже в период неолита. В формировании китайского этноса большую роль играли поздненеолитические археологические культуры Яншао и Луншань (III—II тысячелетие до н.э.). Представители культуры Яншао, обитавшие по среднему течению Хуанхэ и ее главного притока Вэйхэ примерно в середине III тысячелетия до н.э., уже знали земледелие и скотоводство.

Во времена глубокой древности на пространстве от Японского и Желтого морей, к северу от реки Хуанхэ до Тибета и дальше до бассейна Тарима жили кочевые народы. При упоминании о кочевниках, возникает вопрос: является ли кочевое скотоводство первичным способом существования азиатских племен? На основании археологических и других источников исследователи отвечают, что нет. Во II тысячелетии до н.э. центрально-азиатские племена жили оседло, некоторые из них освоили земледелие и оседлое скотоводство. Материальная и духовная культура этих племен была на более высоком уровне, чем у кочевников в конце I тысячелетия. Что произошло, чем это объяснить? Резкое изменение климата, жестокая засуха в I тысячелетии до н.э. заставили степные племена перейти к кочевому скотоводству. Скот быстро съедал скудный травостой, и люди были вынуждены двигаться за стадами[2].

А на южной стороне реки Хуанхэ климат остался влажным, и китайцы продолжали вести оседлую жизнь. Несмотря на резкое изменение способа существования — переход к кочевому скотоводству, центрально-азиатские племена развивали свое хозяйство и культуру, что является важнейшей частью мировой цивилизации и истории человечества.

Степная цивилизация хотя и отличается от китайской, индийской, египетской или греко-римской, но ее роль не менее значительна, она органически связана с биосферой земли и других цивилизаций.

Кочевой народ, называвшийся хунну, жил в области Ордос, она расположена по среднему течению реки Хуанхэ. Почти единственным источником, сообщающем об этом народе, является китайская историческая хроника. Однако летописные описания отрывочны и кратки. Эти сообщения утверждают, что войны китайцев против хуннов начались еще в III тысячелетии. В китайской хронике упоминается, что в Ордосе хунны жили еще и до времени правления императора Яо, одного из древнейших государей "Небесной империи", вступившего на престол в 2357 г. до н.э. По сообщению Сыма Цяня, история хуннского государства начинается от Шунь-вэя, сына царя китайской династии Ся, убежавшего из Китая. К хуннам он пришел не один, а привел 500 китайцев и стал предводителем хуннов[3]. Он правил в период легендарной китайской династии

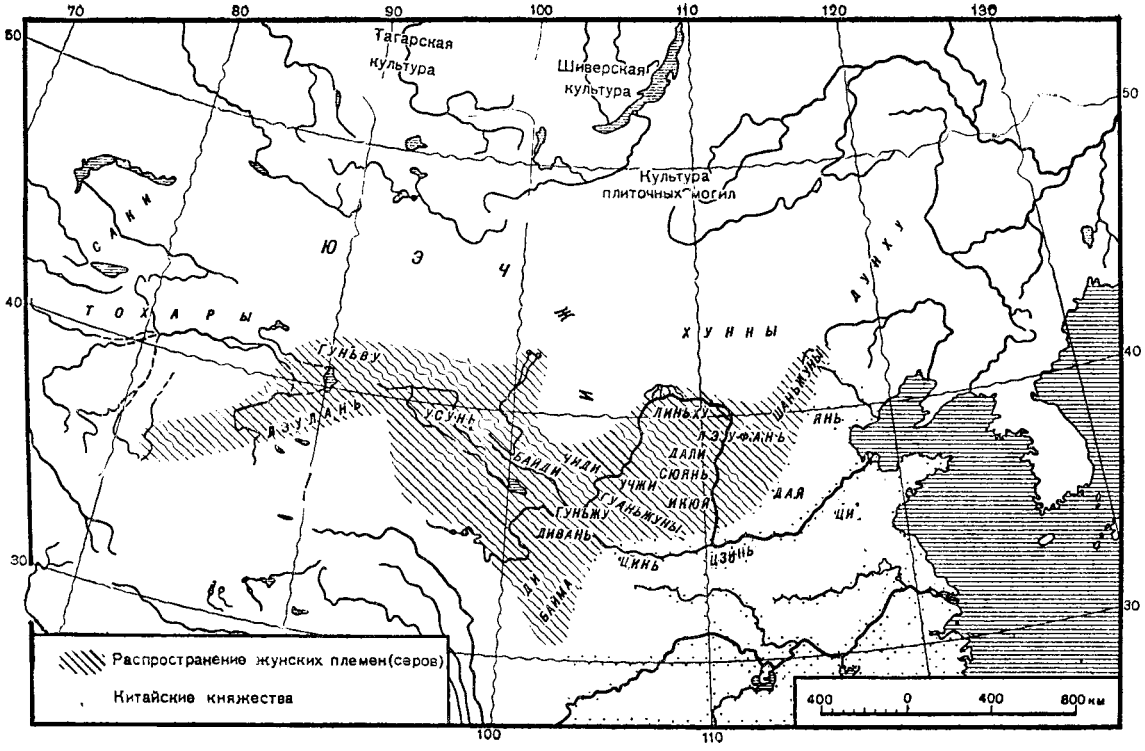
Ся (2219—1819 гг. до н.э). Согласно легенде, при нем хунны сложились из смешения степных кочевников Ордоса с племенами ди и китайских перебежчиков из Северного Китая. А перебежчиков в то время было немало. Достоверность событий, описанных в легенде, подтверждается и стечением событий, и археологическими данными. Сохранились сведения об этих событиях в иероглифах, нанесенных на костях животных в 1300—1200 гг. до н.э.[4]

В результате китайцы оттеснили этих "варваров" в горы, степи, даже южные джунгли, но до 1200 г. хунны остались в Ордосе.

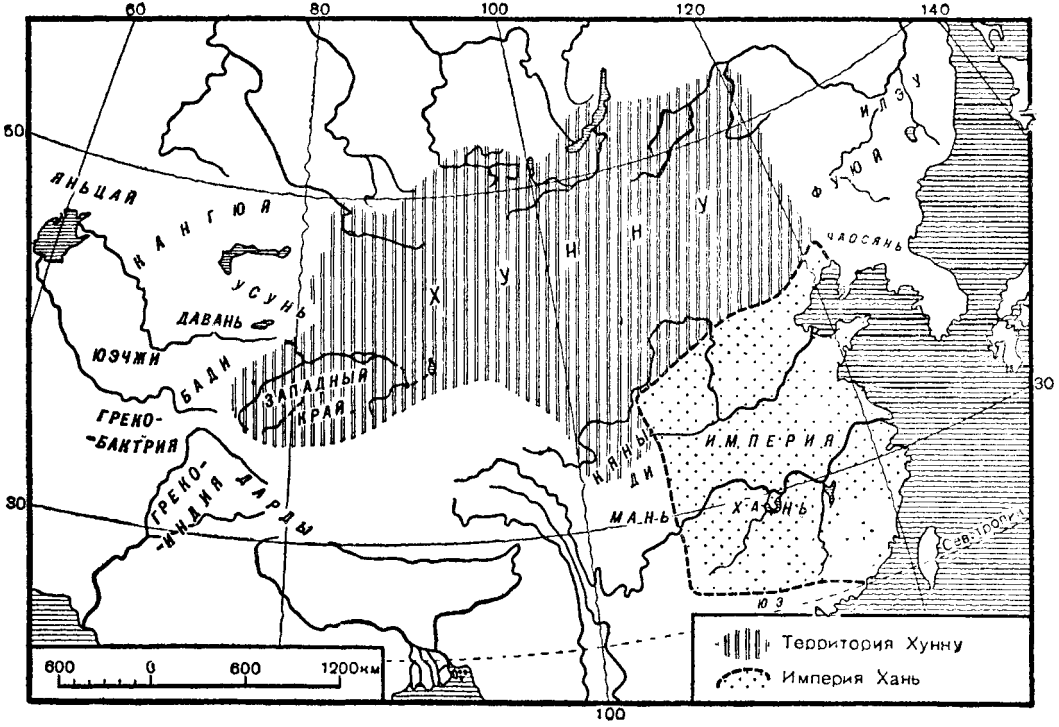
На землях к северу от Китая жили не только хунны, но и другие кочевые племена. Долгие годы они были источником рабов для китайской империи.

Около 1200 г. до н.э. хунны совершили исторический подвиг — перешли через пустыню Гоби. Китайские источники сообщают названия перешедших хуннских племен — это хяньюнь и хунюй. В тот период такой переход считался невозможным, т.к. эта пустыня представляет собой зыбкие, кочующие пески, днем там температура достигает 60 градусов и более, в тени не менее 35 градусов, жара не ослабевает до зари. Отсутствие воды, трупы заблудившихся антилоп, диких верблюдов, обилие грызунов, сильные ветры и песчаные бури наводили ужас на каждого, кто приближался к этому почти безжизненному пространству[5].

При переходе через Гоби, наверное, было немало жертв. Почему же хунны шли на такой риск? Причин немало. Любая степь может прокормить определенное количество жителей. Агрессивность китайских правителей была бесконечной. Китайцы называли кочевников "северными варварами", к ним относились как к ничего не производящим потребителям природы. Трудности кочевого скотоводства китайцам не были известны. Против кочевников они непрерывные вели войны, пытаясь навечно избавиться от них. Сами хунны были грозными соседями. Когда степь не могла обеспечить им пропитание, они большой ордой организовывали военные походы. Все это требовало больших усилий, выносливых воинов. Кроме этого, одной из основных причин перехода Л.Н.Гумилев считает глобальное изменение в тот период климата Великой степи.



Распространение племен в Срединной Азии около VII в. до н.э.



Срединная Азия около 135 г. до н.э. (по данным путешественника Чжан Цяна)

Муссоны изменили направление, что привело к уменьшению осадков и иссушению пастбищ[6].

Своим переходом хунны соединили два мира, не знакомые до этого друг другу — Китай и Сибирь.

Китайские хроники называют хуннов по разному: Шан Жун, позже Хянь-юнь, Хунь-юй, Сюнну и, наконец, Хунну[7]. Французский исследователь Абель Ремюза писал, что все варианты имени хуннов, приводимые в китайских летописях, — переделки с оскорбительным значением. Так, Хунь-ё может означать продажные рабы, Гуй-фан — дьявольские, Хянь-юнь — каналья, Хун-ну — дурные рабы[8]. Известный полиглот и исследователь Клапрот сообщает: "Китайские историки называют их Хьюнь-ю при династии Шан (1766—1134 гг. до н.э.), При династии Чжоу (1134—256 гг. до н.э.) они назывались Хьянь-юнь, а при династиях Цинь и Хань (256 г. до н.э — 263 г. н.э.) — Хун-ну[9]. Н.Я.Бичурин, Г.Е.Грумм-Гржимайло, К.Иностранцев, Л.Н.Гумилев называют их "хунну", "гуннами" (после переселения в Европу). В.С.Таскин при переводе китайских источников называет их "сюнну". Государство, созданное хуннами, китайцы также называли "Хунну".

Археолог, историк и нумизмат А.Г.Мухаммадиев выдвигает гипотезу, что самоназванием хуннов был термин "hunuk". Свою гипотезу он связывает со словами "он ок" ("ун ук") на хорезмийских монетах и в надписи на одном из сосудов, обнаруженных в Прикамье. В рунических текстах часто упоминается племя "ун ук", который боролся против тюркоязычного племени "сир"[10].

В современной татарской исторической литературе в настоящее время принято двоякое написание этого этнонима — "хунну" и "сюнну". В русской исторической литературе в основном применяются термины "хунну" и "гунны" (после их переселения в Восточную Европу). Отдельные исследователи применяют только термин "гунны". Есть мнение, что "хунну" является китайским, а "гунну" — римско-византийским названием одного и того же народа. Автор данной работы решил остановиться на терминах "хунну"и "гунны".

Следующее упоминание в китайской летописи о древних хуннах относится к XVIII в. до н.э. и к 882 и 304 гг. до н.э. — 1000 лет китайская история ничего не пишет о хуннах[11].

Как было сказано выше, основным письменным источником истории хуннов являтся труд древнекитайского историка Сыма Цяня "Ши-цзи" ("Исторические записки"), в которой излагатся история Китая. Освещению истории хуннов он полностью посвятил 110-ю главу своей книги, имеются сведения о хуннах и в некоторых других главах его книги. До Сыма Цяня отдельные отрывочные сведения о хуннах содержались в китайских хрониках "Шан-шу", "Го-юй" и "Чунь-цю", в которых даже название хуннов отсутствует, они названы "северными врагами" и " западными врагами". Сыма Цян положил в последовательное изложение существовавшие до него с древнейших времен сведения о хуннах. Он пришел к мнению о том, что предком хуннов были племена, называвшиеся жунами в китайской хронике.

Современный китайский историк Ванговэй (1877—1927), после тщательного исследования древних письменных источников, доказал, что племена, названные в разные периоды, в разных источниках гуйфан, хуньи, сюнюй, сйянюн, жун, ди и ху явдляются одним и тем же народом, названным впоследствии сюнну или хунну[12].

Таким образом, хунны уже в период образования китайского государства вели довольно активную жизнь, тесно общаясь со своими соседями.

По изложению Сыма Цяня, развитие Хуннского общества делится на два периода: первый из них — от легендарного родоначальника хуннов Шунь-вэя до шаньюя Тумана, второй начинается с правления шаньюя Тумана. Хронологические рамки этого периода можно установить лишь условно: династия Ся, к которой относился Шунь-вэй, существовала в 2219—1819 гг., Туман погиб в 209 г. до н.э.

Хунны жили при родовом строе, государства у них еще не было. В Китае существовал рабовладельческий строй. Основным источником пополнения количества рабов китайские рабовладельцы считали хуннов и других кочевников. Поэтому между Китаем и кочевниками часто происходили войны. В китайских источниках хунны упоминаются нередко в связи с военными событиями и описываются агрессивными.

Французский исследователь Дегинь, опираясь на китайского историка Сыма Цяня, пишет, что "около 1200 г. до н.э. мы

должны помещать создание хуннского царства". Эту дату принимает другой французский исследователь Кордье[13].

Древние хунны вели кочевой образ жизни. Занимались скотоводством и звероловством. Китайская история отмечает, что они не имеют домов, живут в шатрах. Кочевой образ жизни в суровых условиях степи был нелегким. Кроме того, Китайская империя продолжала считать кочевников источником пополнения армии рабов. Кочевникам Центральной Азии постоянно приходилось бороться на двух фронтах — за существование в суровых условиях степи и защищать себя от китайской агрессии. Борьба против агрессивного южного соседа принудила хуннов объединиться. Затем вокруг них объединились и другие племена: динлины, усуни, дунху (предки сяньбийцев и монголов), кочевые тибетцы. Это полиэтническое объединение противостояло Китаю. В борьбе против рабовладельцев рабы Китая опирались на хуннов и другие кочевые племена. Многие рабы, преодолев Китайскую стену, освобождались от рабства, переходили на оседлый образ жизни и платили дань хуннскому ябгу[14]. Стокновения рабовладельческого Китая и свободных кочевников приводили к неизбежной борьбе между ними и постепенному распаду рабовладельческого строя.

Сыма Цянь был добросовестным историком, стремился зафиксировать события с большой точностью и достоверностью. Но при описании древности позволяет себе перенести события и явления своего времени и на отдаленные периоды, отождествляя их. Однако в целом он оставил потомкам много достоверных сведений. "Могущие владеть луком все поступают в латную конницу... Каждый занимается воинскими упражнениями, чтобы производить набеги... Сильные едят жирное и лучшее; устаревшие питаются остатками после них, молодых и крепких уважают, устаревших и слабых мало почитают... Обыкновенно, называют друг друга именами, прозваний и поминовений (родовых) не имеют[15].

Это сообщение Сыма Цяня относится ко времени проживания хуннов в Ордосе. И в нем содержится намек на ослабление родовых отношений, а в этот период родовые отношения должны были быть крепкими. По описанию Сыма Цяня, после 1200 г. до н.э. нравы хуннов были другие, они

“уважали старших, в установленное время года собирались, чтобы упорядочить свои дела”[16].

После перехода через Гоби хунны избавились от соседства с Китаем, что дало возможность им жить спокойно, вдали от агрессивного государства. Между хуннами и Китаем жили жуны — восточные монголы, которых тогда называли дунху[17]. В этот период в Китае существовало княжество Чжоу, агрессивное, но малосильное государство, состоящее из 1855 самостоятельных удельных княжеств. В период Чуньцю удельные княжества объединились, их осталось всего 124, а в период Чжонга было всего 7 больших и 3 маленьких княжества. Это привело к усилению Чжоу. В 1125 г. до н.э. Чжоу начал войну против соседей. Между хуннами и Китаем кроме жунов жили народы под названием сины и серы[18]. Китай в течение пяти веков вел войны с жунами и, победив их, оказался в соседстве с более сильным народом, чем жуны — с хуннами[19].

К северу от хуннов в эту эпоху обитали динлины, населяющие оба склона Саянского хребта от Енисея до Селенги. На Енисее, в Минусинской котловине жили древние кыргызы (по-китайски цигу) — народ, образованный от смешения динлинов с племенем гяньгуны, на западе от них на северных склонах Алтая жили предки кыпчаков (по-китайски кюеше), родственные динлинам. Первые сведения о кыпчаках относятся к III в. до н.э. Северные склоны Саяно-Алтая населял загадочный народ — бома. Их соседями были алакчины и бикины. После перехода через Гоби хунны постепенно смешивались с местными племенами, имевшими богатую культуру[20].

На территории Южной Сибири археологами открыты две синхронные культуры, существовавшие во II тысячелетии, — глазковская на востоке и андроновская на западе. Эти культуры были близки к культуре обитателей верховьев Амура, Северной Маньчжурии и Монголии вплоть до Великой Китайской стены. Территория была заселена родственными по культуре племенами охотников и рыболовов неолита и ранней бронзы. Позднее с носителями глазковской культуры сталкивались предки хуннов[21]. С 1700 по 1200 гг. до н.э. западную половину Южной Сибири и Казахстана до Урала населяли племена андроновской культуры. Представители этой культуры были земледельцами и оседлыми скотоводами.

Саяно-Алтайское нагорье, Минусинскую котловину и Туву населяли предки динлинов. Попытки Г.Е.Грумм-Гржимайло отнести динлинов к белой расе не имеют оснований. В этом районе археологи нашли также афанасьевскую культуру, датированную приблизительно 2000 г. до н.э.[22]

Около 1200 г. до н.э. в Минусинских степях андроновскую культуру вытеснила новая, карасукская культура, принесенная с северного Китая[23].

Динлины исчезли с исторической арены с середины II в. н.э., а степная группа ди вступила на нее в IV в. н.э.[24]

Из-за отсутствия источников с 1200 г. до III в. до н.э. история хуннов темна. К III в. до н.э. они уже были хозяевами степей от Гоби до сибирской тайги. С 1200 г. до III в. до н.э. шло взаимовлияние хуннов и сибирских племен. За эти 1000 лет происходило немало событий в Южной и Западной Сибири.

С I тысячелетия карасукская культура с элементами китайской культуры, принесенной хуннами, распространилась по всей Южной и Западной Сибири. Уже к 1200 г. хунны значительно отличались от своих предков. История знает хуннов как первых кочевых скотоводов. Основу хозяйственной жизни у них составляла семья. Каждая семья со своим стадом, состоящем из лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, верблюдов, кочевала. Но это была не беспорядочная кочевка, у нее были свои порядки, согласованность между семьями и родами. История знает хуннов как первых кочевых скотоводов. Места летовок и кочевок у них строго распределялись и составляли собственность рода и семьи.

Источники позволяют уверенно говорить, что в IV в. до н.э. хунны образовали мощную державу — племенной союз кочевых родов, возглавляемый пожизненным правителем и иерархией племенных старейшин. Своего правителя хунны называли ябгу, а китайцы — шаньюй. Старейшины управляли своим родом, опираясь на народное ополчение, которое состаляло от 2000 до 10000 всадников. К III в. вся Центральная Монголия была под властью хуннов.

Хуннское государство было военной державой. Основным оружием воинов был лук. Применялась тактика изматывания противника. Военная служба не вознаграждалась, существовало право на захваченную добычу.

После перехода через Гоби хунны занимали Центральную Монголию и степное Забайкалье. Соседями хуннов на северо-западе были жуны, на севере — динлины, в IV—III вв. до н.э. они занимали оба склона Саянского хребта от Оби до Байкала, а в период с III в. до н.э. по III в. н.э. жили от Байкала до Енисея и истоков Чулыма. Имели 60 тыс. отборных воинов. Письменные источники сообщают о внешнем виде хуннов. Сообщения о европеоидном их облике не имеют под собой почву. В китайских исторических сочинениях зафиксировано "государство Динлин" ("Динлин Го"). Около 63 г. до н.э. динлины освободились от хуннов[25]. На Енисее жили кыргызы — народ, происходивший от смеси динлинов и гяньгуней. В Западной Монголии и на Алтае обитали кыпчаки. Имеются сообщения о происхождении кыпчаков от динлинов. Начиная с V в. до н.э. китайские хроники называют к западу от Ордоса усуней[26]. (Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т.II. — Л., 1926. С.91, 96).

Еще китайцы показывают народ бома. По Бичурину, этот народ имел саврасых лошадей, но их для верховой езды не использовали, держали ради молока. Л.Н.Гумилев определяет их как алакчинов и бикингов, занимавших широкую территорию от Алтая до Байкала[27].

Хунны общались с этими племенами, что не могло оставаться бесследным. В Монголии, степном Забайкалье и Сибири началось взаимовлияние хуннов и местных племен. Кроме того, в Великую степь постоянно шла миграция из перенаселенного Китая, где были жестокие законы. Китайские мигранты проникали не только к хуннам, но и в среду других народов, по-видимому, шли больше всего к хуннам. Так, в донесении китайского чиновника Хоу Ина к своему правительству указано, что пограничные племена, угнетаемые китайскими чиновниками, невольники, политические преступники и семьи политических эмигрантов только и мечтали бежать за границу, говоря, что "у хуннов весело жить". Хунны принимали их охотно, но в свои роды не включали, те селились отдельными поселениями, общались между собой, смешивались, принимали хуннский язык. Хунны называли их "кул" и использовали в качестве рабов. В начале I тысячелетия количество рабов составляла 300 тыс. человек[28]. Восточнее хуннов жили древние, отличные от

хуннов племена. Китайцы называли их дунху — "восточные варвары", это современная Маньчжурия — Большой Хинган. Потомками дунху были сяньби и ухуани[29].

В период пятивековой войны Китая с жунами хунны развивали свою материальную и духовную культуру, о чем говорят результаты археологических исследований в степях Центральной Монголии и Южного Забайкалья. В этом огромном регионе обнаружена цепь своеобразных могил, которые археологи называли "плиточными". В этот период хунны развивали связи с другими племенами вплоть до Индийского океана. Занимаясь в основном скотоводством, они в совершенстве владели техникой литейного дела, в основном из бронзы. Железные изделия встречались редко.

В течение IX—IV вв. до н.э. хуннское хозяйство, успешно развиваясь, укрепилось настолько, что хунны в IV в. до н.э. вернулись обратно на Южную сторону Гоби — на свою древнюю родину в Ордос и стали заниматься земледелием.

Но китайцы оставались врагами кочевников, поставив цель уничтожения хуннов. Они постоянно вели войны против хуннов и других кочевников, медленно, но неумолимо вытесняя их с родины на север. Этот процесс происходил в течение тысячи лет. К концу этого периода китайцы, вместо существовавших более тысяч мелких княжеств создали единое государство Цинь. В 215 г. до н.э. император Цинь-ши хуанди снова захватил Ордос, прогнав хуннов. Государство Цинь усилилось, под именем "Чин" и "Мачин" о нем стало известно в Индии, Иране и других странах востока. Хунны обратно откочевали в Монголию[30].

На протяжении четырех веков китайские правители стремились занять господствующее положение в Азии, завоевать Сибирь. После Сибири они могли бы проникнуть в Европу, т. к. в этот период на их пути, кроме хуннов, не было силы, противостоящей Китаю. Но хунны не пропустили китайцев в Сибирь, что является их великой исторической заслугой. Вторая отчаянная попытка китайцев проникнуть в Сибирь отмечается в VII—VIII веках, во времена Великого Тюркского каганата. И на этот раз тюрки отстояли Сибирь. Таким образом, они дважды спасли Сибирь от экспансии многомиллионного Китая. Против хуннов Китай использовал не только армию, но и дипломатию, экономику, предметы роскоши.

Цинь-ши хуанди решил обезопасить свои северные границы и начал сооружение Великой стены. Это строительство было начато давно, но стены строились разрозненно, в разных местах. Они соединялись в единую цепь. Работы велись круглосуточно, привлекались военнопленные, осужденные. Многие строители навечно остались в земляной насыпи стены. В результате получился памятник безжалостной и бесполезной эксплуатации человеческого труда — стена протяженностью 4000 км длиной и 10 метров высотой с высокими сторожевыми башнями через каждые 60—100 метров. Кочевники очень скоро нашли способы преодоления этого сооружения, китайские воины, стоящие на стене и на башнях, были живой мишенью для них. Только коннице кочевников и перебежчикам было затруднительно перейти стену без предварительной подготовки.

После смерти Цинь-ши хуанди в 210 г. до н.э. в государстве Цинь начались внутренние распри, восстания, которые привели к гражданской войне. Погибло много народа. Особенно свирепствовали циньские войска, которые живьем закапывали пленников. Крестьянский вождь Дю Бан положил конец войне и провозгласил начало династии Хань в 202 г. до н.э. и династия Цинь прекратила свое существование[31].

В начале III в. положение хуннов осложнилось не только на китайской границе, но и на западе и на востоке. Предки сяньби (древних монголов) подчинили себе хуннов, а согдийцы (юэчжи) продвинулись из запада к хуннам и обложили их данью. В этот период государством правил шаньюй Туман (Тумынь, Тогрил), главной заботой которого было остаться у власти и его мало интересовали государственные дела.

После изгнания из Ордоса молодые силы хуннского общества стремились к укреплению единства в государстве. Сын старого шаньюя Тумана — Модэ (по некоторым источникам Босхар, Мете или Маодунь) был недоволен действиями своего отца, сторонника нерадикальных действий. Подозревая опасность в своем сыне, Туман отдал его в заложники юэчжам, надеясь, что они убьют сына и начал против них провокационную войну. Модэ, подозревая предательство отца, вернулся к нему. Отец вынужден был отдать ему 10 тысяч семей. Модэ в своем уделе установил крепкую дисциплину. С помощью молодых сил произвел переворот, в ходе которого погибли отец, жена и

младший брат. Он становится шаньюем, сплотив вокруг себя воинственную молодежь, введя в стране жесткие порядки.

Сыма Цянь в"Исторических записках" описывал, что Маодунь в 209 г. до н.э. убил своего отца, "вступил на престол и стал шаньюем. Позднее (около 201 г. до н.э.), когда Маодунь (Модэ) покорил на севере владения хуньюев, цуюшэ, динлинов, гэгуней и синьли, все знатные люди и сановники сюнну подчинились ему и стали считать шаньюя Маодуня мудрым".

Модэ начал свою деятельность с подчинения соседних племен. Отвоевал снова Ордос, оттеснил на запад согдийцев. Были снова подчинены хуньюй, кюеше — кыпчаки, динлины, гяньгуни. Покорив в 201 г. до н.э. государство динлинов, хунны вытеснили их на север и переселили на их земли гяньгуней. Оставшиеся на старых местах динлины смешались с гяньгунями и положили начало новой археологической культуре — таштыкской (I в. до н.э. — V в. н.э.). На востоке он разбил дунху[32].

Так в Центральной Азии появилась великая держава, которая в исторической литературе называется Хунну или Великим Хуннским каганатом. Границей хуннских земель на западе стал современный Циньцзян, на востоке — река Ляохэ в Маньчжурии, на юге — Китай, пограничная линия с которой проходила по Великой Китайской стене. На севере владения Хунну достигали Байкала[33].

Тем временем в Китае начались распри, восстания, которые переросли в гражданскую войну. Война была жестокой. В древнем Китае не было практики брать побежденных в плен, циньские воины живыми закапывали захваченных противников, поэтому погибло много людей.

Но несмотря на большие потери, империя Хань беспокоила границы Хунну. Модэ начал войну против Хани и в 200 г. он победил Лю Бана и заставил заключить "договор мира и родства". По договору китайский двор выдал замуж царевну за Модэ и ежегодно посылал ему подарки, т.е. замаскированную дань.

После бесконечных войн хунны устали от них, хотели жить мирно с Китаем, стремились наладить торговлю продуктами, шелком и другими товарами в обмен на свои продукты скотоводства и охоты. Это было бы выгодно и хуннам, и

китайцам. Ханьское правительство запретило прямой обмен, т.к. в казну не поступали доходы. Хунны возобновили набеги на Китай. Но хуннам больше защищаться приходилось от Ханьских императоров. После гражданской войны и установления новой династии в ханьском государстве наблюдалось его бурное развитие. Количество населения достигло около 60 миллионов человек[34]. Китайский ученый Цзя И (200—168 гг. до н.э.) оставил в "Синь-шу" запись о том, что у хуннов приблизительно 60 тысяч всадников, поскольку приходится на пять человек один латник, хуннов всего 300 тысяч душ. Сыма Цянь это количество считает заниженным. Он сообщает, что несколько раньше Модэ окружил китайского императора, имея по сведениям одного автора 400 тысяч, другого — 300 тысяч воинов. Сам Сыма Цянь определяет количество всадников Модэ в 300 тысяч. Но несмотря на это, с 202 по 57 г. до н.э. хуннам удавалось сдерживать ханьскую агрессию. Поэтому ханьские правители стали искать, кроме военных, другие способы уничтожения Хунну[35].

После смерти Модэ шаньюем стал его сын Гиюй, вступивший на престол под именем Лаошань-шаньюя. В хозяйственной и внешней областях он проводил политику отца. К этому времени международное положение государства Хунну несколько осложнилось. Если раньше хунны имели отношения в основном с разрозненными племенами, то позднее вокруг них появились сильные и малосильные государства. Во II в. до н.э. на берегах Аму-Дарьи существовало Греко-Бактрийское царство — остаток империи Александра Македонского. В 160 г. до н.э. образовалось на части ее территории государство Согдиана. В 129 г. ее завоевали юэчжи, государство которых было расположено рядом с Китаем, в Наньшане. В Семиречье появилось сильное государство усуней. Усуни и хунны, по-видимому, знали свои возможности, друг с другом не воевали, поддерживали мирные отношения. В Голодной степи было расположено государство Кангюй. Эти западные государства не представляли опасности Хунну, наоборот, защищая свои государственные границы, с запада обезопасили границы Хунну, тем самым развязывая руки хуннов для борьбы с Китаем.

С западными тюркскими государствами хунны жили мирно, а на востоке они чувствовали себя хозяевами этой части мира.

Государство Дунху, расположенное в степях Южной Маньчжурии рядом с Китаем, в 209 г. было покорено Модэ. Дунху не оказывало сопротивления, т.к. рядом находилось более агрессивное государство Китай. Вскоре дунху забыли даже свое этническое название и приняли этноним ухуани.

К западу от Дунху жили монголоидные племена сяньби и тоба. О динлинах и гяньгунях, проживавших на севере от хуннов, мы уже говорили. Таким образом, с запада, севера и востока государству Хунну никто не угрожал, здесь хунны были хозяевами мира.

Китай никогда не изменял своей политике ненависти и агрессии к кочевникам, не исключая какие-либо племена. Об этом знали все кочевники, у которых была или отсутствовала государственность, в т.ч. хунны. Главная тяжесть противостояния Китаю приходилась на Хунну, поскольку все остальные государства и племена были более слабыми.

Зная политику своего южного соседа, Лаошань-шаньюй в 166 г. пошел войной на Китай. 140-тысячная конница вторглась в Северо-Западный Китай, "захватила великое множество народа, скота и имущества", и сожгла летний дворец императора. Война закончилась после обращения китайского императора Вэнь-ди, который просил заключить мир. Мир был позорным для Китая. Оба воюющих государства признавались равными. Кроме того, Китай "из сочувствия" к холодному климату государства Хунну обязывался ежегодно отправлять на север, хуннскому шаньюю, "известное количество проса и белого риса, парчи, шелка, хлопчатки и разных других вещей"[36].

Модэ создал Великую хуннскую державу, сильную не только в военном отношении. Развивалась материальная жизнь хуннского общества. Для хозяйственного укрепления своего государства хуннские правители подчинили жизнь в покоренных государствах и племенах. Для этого были использованы и войска. Например, в Туве и на Алтае были размещены небольшие гарнизоны хуннских войск. В этот период у Хунну успешно развивалась черная металлургия. Хуннскими металлургами были исследованы железные и медные рудники соседних племен. К добыче железной и медной руды были привлечены аборигенные горные мастера, плавильщики и кузнецы. Труд и подати завоеванного населения регулировались хуннскими зако-

нами. В Забайкалье строились города и ремесленные поселения, в Минусинской котловине — крепости.

Древнее хуннское государство после укрепления его шаньюем Модэ стало Великой державой, с которой вынуждены были считаться и признавать ее величие все соседние государства и племена. Даже Сыма Цянь отмечал, что хунны при Модэ "образовали государство, равное по силе Срединному государству".

Во II—I вв. до н.э. Китай против Хунну вел маневренные войны, рассчитанные на изнурение хуннов.

После поражения в 166 г. Китай усилил агрессию против Хунну. Хунны постепенно отражали агрессию. Отношения между Хунну и Китаем особенно обострились при императоре У-ди, который начал готовиться к войне. Но хунны напали первыми. Война с переменным успехом продолжалась 6 лет — до 120 г. до н.э. В 119 г. китайская армия выступила в поход через Гоби. Пострадали обе стороны. После семилетней подготовки Китай опять двинулся на север со 100-тысячной пехотой, 70-тысячной конницей, мобилизовав еще 70 тысяч соседей жунов, китайская армия потерпела поражение[37].

В Хуннской державе развивалось скотоводство, высокого уровня достигли ремесла. На рынках Китая хунны начали торговать продуктами скотоводства и ремесла, а у китайцев покупать хлеб и одежду. По примеру китайцев хунны начали еще более интенсивно развивать свое земледелие, используя в основном пленных китайцев или перебежчиков.

Укрепление позиций хуннов беспокоило китайцев, и китайское правительство выработало антихуннскую стратегию и тактику, предприняв далеко идущие меры для их ослабления. В целях расшатывания экономики Хунну по дешевым ценам китайцы стали продавать хуннам хлеб, изделия ремесленного производства. Хуннский рынок был наводнен дешевыми китайскими товарами. Постепенно хунны перестали заниматься земледелием и ремеслами, затем вовсе забыли эти отрасли хозяйства. Когда хунны стали полностью зависимыми от поставок китайских товаров и хлеба, Китай прекратил их продажу хуннам. В хуннском государстве начался голод, нехватка всевозможных товаров[38].

Китайцы умело использовали и дипломатию против хуннов. За хорошую оплату приглашали хуннскую молодежь служить в

китайской армии, создавали им благоприятные условия, поэтому большинство молодежи не возвращалось на родину. Определенная часть хуннской молодежи вернулась, но с ними проводилась специальная подготовка, присваивались офицерские звания. Молодежь, поступая в хуннскую армию, служила Китаю. Эти меры подорвали силы хуннской армии, войска наводнялись китайскими сыщиками.

Хуннская знать начала отправлять на учебу своих детей в учебные заведения Китая, а после учебы им не было места на родине, Хуннскому государству не нужны были подготовленные и образованные люди. Таким образом, подготовленная и образованная часть хуннской молодежи стала служить Китаю. Китайское правительство готовило большое количество сыщиков, агентов для отправки в Хунну. В этих целях в основном использовали женщин. После специальной подготовки женщин выдавали замуж за знатных хуннов. Жены привилегированных хуннов всю жизнь служили интересам Китая. Китайские перебежчики занимали высокие посты в Хунну. Это продолжалось столетиями, особенно во II—I вв. до н.э. и в I в. н.э. Таким образом, хуннское общество расшатывалось экономически, в духовной, военной области, оно постепенно дичало.

Китайские перебежчики, убежавшие от голода, от жестоких порядков в Китае, и всевозможные преступники, политические эмигранты не сближались с хуннами, в трудные для хуннов моменты выступали на стороне Китая[39].

Одновременно Китай натравливал соседей против Хунну, стал обращать свои взоры на запад, преследуя при этом две цели: экспансию западных земель (но на пути китайцев стояли хунны) и поиска союзников для борьбы против хуннов, с их помощью намереваясь уничтожить Хунну, а потом их самих подчинить Китаю.

До возвышения династии Хань географические познания китайцев были ограниченными: кроме своей страны, они знали Корею, а Китай считали центром всего мира. В поисках союзников китайские правители отправили к юэчжам, проживавшим в Средней Азии, чиновника Чжан Цяня. Побывал он в Даване (Фергане), через Согдиану прибыл к юэчжам, был хорошо принят. Вернулся в Китай в 120 г. до н.э. Познания о западном мире не остались без последствий: вскоре был

организован ряд посольств в Парфию, Сарматию, Месопотамию, Индию, даже в Рим[40].

В период правления императора Ву-ди (140—87 гг. до н.э.) Китай непрерывно ведет войны с Хунну, преследуя две цели: расширить свою экспансию в сторону Восточного Туркестана и обеспечить бесперебойные торговые связи с западом. Военные экспедици против хуннов были организованы в 121, 119, 101 и 99 гг. до н.э., в результате хунны потеряли Восточный Туркестан, который был надежной земледельческой базой Хунну. В восьмидесятые годы соседи хуннов — усуни, сяньби и динлины — громили хуннов.

В 103 и 104 гг. до н.э., при императоре У-ди Китай организовал поход в Западный край, куда были отправлены войска в количестве 60 тысяч воинов, с продовольствием 100 тысяч быков и 30 тысяч ослов. Войска шли через земли хуннов, отражая их нападения, воевали с Согдианой. В Китай вернулись лишь 10 тысяч воинов[41]. Несмотря на усиление Хунну при Модэ, события, происходящие в Китае, сильно повлияли на его общественную и политическую жизнь. К середине I в. до н.э. внутри первобытно-общинных отношений нарастают отношения рабства, рабство служит расслоению общины и приводит к краху Хуннский союз. Существенное влияние при этом имел Китай. Фактически после шаньюя Модэ начинается сползание знати к китайскому двору. Он вел чрезвычайно активную политику подкупа хуннской знати. Раньше знать, сохраняя родовые традиции, делилась военной добычей с родовичами. Она узнала про роскошную жизнь китайской знати и большую долю добычи оставляла себе, обрекая рядовых общинников на нищету. Кроме того, хуннская знать получала большие подарки от китайского двора. Она все шире пользуется трудом рабов, добытых в военных действиях, усиливает примитивную эксплуатацию общиннков. Таким образом, родовая знать распространяет свои щупальцы на свободную массу общинников.

В то время, когда родовой знати импонировал рабовладельческий строй Китая, рядовые кочевники, осведомленные о "прелестях" этого строя, выступали за старые порядки, за независимость. В результате в середине I в. н.э. хуннское общество переживало глубокий кризис.

В I в. до н.э. в Хунну начались внутренние распри, внутренняя борьба партий, в которых решающую роль сыграли диверсия и дипломатия Китая. В период правления шаньюя Ушилу, вступившего на престол в 105 г. до н.э., среди хуннов постепенно сформировались сторонники соглашений с Китаем. Началось увлечение китайской роскошью, дележ награбленных товаров, привычка к винам, лакомствам и пряностям[42].

В начале 80-х годов до н.э. усуни — ветвь хуннов перешли на сторону Китая, и усилились распри между знатью хуннов.

В 80-е годы I в. до н.э. средние слои хуннского общества, составлявшие старо-хуннскую партию, взяли власть в свои руки. Эта партия стремилась вернуть все потерянные земли — Усунь, Согдиану, Ухуань, Ордос и Иньшань. Были организованы в 80, 79, 78 гг. до н.э. неудачные походы на эти земли. В 72 г. до н.э. на Хунну напали китайцы. В 72, 71 гг. до н.э. хунны ворвались к усуням, убили много стариков и детей. В 71 г. усуни им жестоко отомстили. Одновременно на Хунну с востока напали ухуане, с севера в страну ворвались динлины. В эти же годы в Хунну начался сильный падеж скота и разразился жестокий голод. От Хунну отделились все покоренные области. Хунну ослабли[43].

В последнее 50-летие I в. до н.э. хуннское общество ослабляли внутренняя борьба и распри. Это было результатом его развития. Родовой строй дал трещину, рядовые члены общества перестали признавать старейшин, т.к. те все меньше делились военной добычей, оставляя себе большую долю. Усилилось социальное расслоение, развивалась примитивная эксплуатация родичей. Борьба сторонников и противников родового строя привело хуннское общество к разделению и распаду.

58 г. до н.э. на престол вступил Хуханье-шаньюй. В хуннском обществе усилились распри, хунны разбиваются на две части. Хуханье бежал на восток. Через некоторое время он возвратился и напал на западных хуннов, они были разбиты. Хуханье стал полновластным шаньюем, но был непопулярным в народе. Западные хунны в конце 56 и начале 55 гг. отделились от него. Началось выступление против Хуханье. Среди восставших был и его родной брат Хутуус, он объявил себя шаньюем, приняв имя Чжичжи-гудухи-шаньюй.

Хуханье в 52 г. до н.э. признал себя вассалом Китая, тем самым предал интересы своей родины. Большая часть хуннов оказались в подданстве Чжичжи. С 50-х годов до н.э. до 11 г. н.э. хунны платили дань хуннам. Жаждущие покоя перебирались к Хуханье. В 48 г. до н.э. Китай стал помогать ему хлебом. В 48 г. до н.э. 8 отколовшихся хуннских родов попали под власть Китая. Сторонники родового строя ушли на юг. Они положили начало Южному Хуннскому государству. Так произошел раскол хуннов на северных и южных[44].

В 52 г. до н.э шанью Хухуанье представился китайскому императору, ему была устроена торжественная встреча. Во время приема Хуханье был назван вассалом, без упоминанаия имени. Ему пожаловали головной убор и пояс, верхнее и нижнее одеяние, золотую печать на зеленом шнуре, украшенный яшмой меч, кинжал, лук, колесницу с сиденьем, седло и уздечку, 15 лошадей, 20 цзиней золота, 200 тысяч монет, 77 комлектов одежды, 8000 кусков шелковых тканей с затканным и вышитым узором, узорчатой тафты, крепа, разного шелка, а также 6000 цзиней шелковой ваты. Хуханье умер в 32 г. до н.э., оставив после себя позорную память предателя интересов родины и народа[45].

Чжичжи-шаньюй перенес свою ставку в Джунгарию. Вскоре он принял предложение кангюйского владетеля присоединиться к нему для совместного похода на Усунь. Он задумал совершить удачный поход в Кангюй, потом совместными силами выступить против Китая. Чжичжи с этой целью принял предложение кангюйского предводителя, и под его руководством хунны в 47 г. до н.э. тронулись в поход. Против Чжичжи выступили две китайские экспедиции. По пути через холмы Тарбагатая и Бет-Пак-далы воинов Чжичжи застали пурга и морозы. Много людей замерзло, остались в живых только 3000 воинов. Чжичжи погиб в 36 г. до н.э. После ухода Чжичжи Хуханье остался полновластным правителем Хунну, но под покровительством Китая.

В I в. н.э. Южное Хунну процветало, в Северном Хунну шла гражданская война. Оно было еще самостоятельным государством, но уже в значительной зависимости от Китая. Китай прекратил всякую торговлю с Северным Хунну, поставив целью его уничтожение.

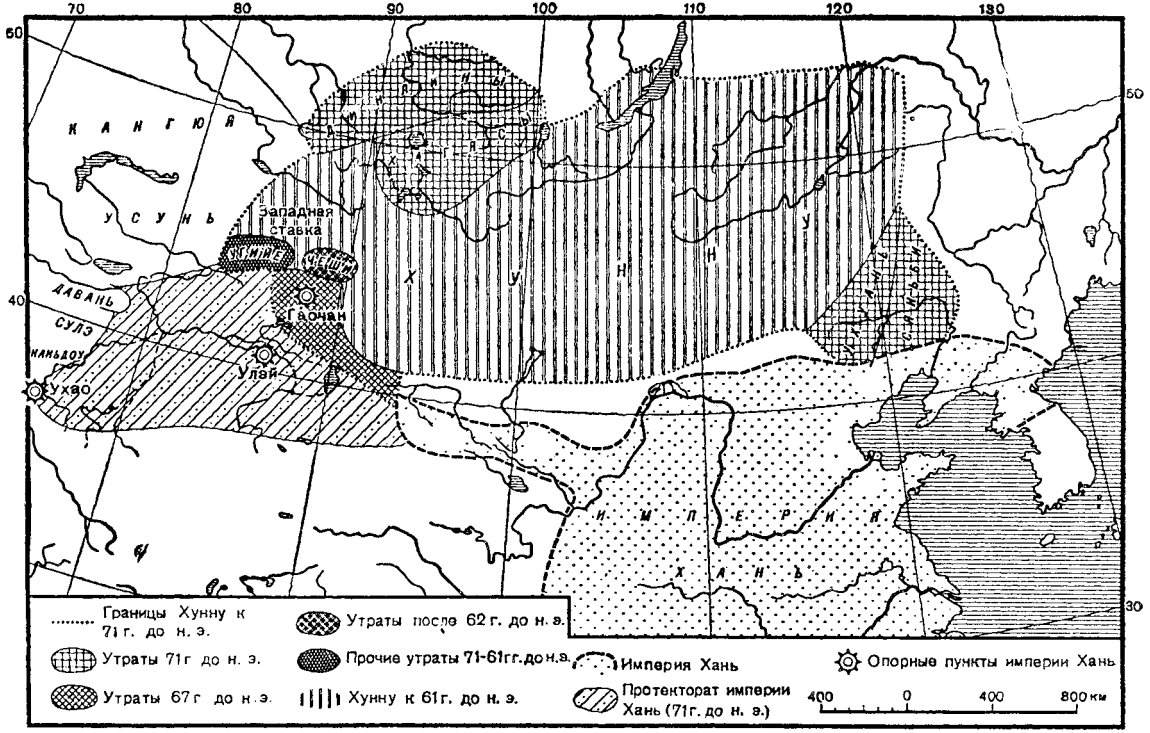
Китайские правители непрерывно действовали против Хунну, используя даже своих давнишних врагов — сяньбийцев. В прошлом сяньбийцы не были единым этносом. Они являлись пришедшими на территорию Монголии остатками разных племен, которые постепенно перешли на монгольский (дунху — ухуань) язык.

В 86 г. н.э. на Северное Хунну напало Южное Хунну. В 87 году н.э. коалиционные силы китайцев, сяньбийцев и динлинов начали войну против Хунну. В 87 г. вступили в земли северных хуннов. Схватили Юлю-шаньюя и содрали с него кожу. В 93 г. северные хунны потерпели поражение. Это поражение было роковым для Хуннского государства. Северные хунны опять разделились. Еще 58 родов, в которых было 8000 воинов и 200 тысяч населения, откочевали и подчинились Китаю. Ханское правительство предоставило им место с целью использования их в борьбе против северных хуннов. Сяньбийские правители поставили перед хуннами условие — кто откажется от хуннских принципов и начнет считать себя сяньбийцем, может остаться вместе с сяньбийцами. 100 тысяч хуннов приняли это предложение[46].

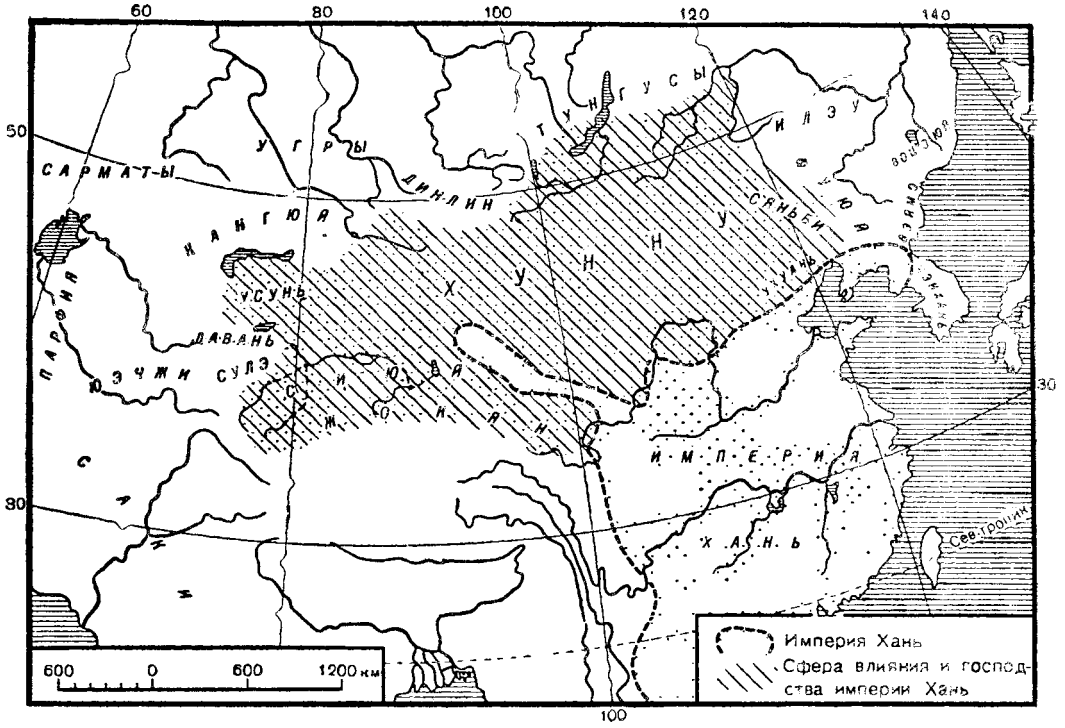
После поражения часть северных хуннов закрепилась на рубеже Тарбагатая, Сауры и Джунгарского Алатау. Среди южных были молодые хунны, не согласные с родовым строем, они вернулись к северным.

Другая часть хуннов ушла на запад — в степи Барабы. Они обратили внимание на лесостепи Западной Сибири. На юге — тепло, но пустыня, а здесь, хоть и холодно, но обилие зубров, оленей, косуль, в лесах — топливо и материал для стрел и сооружения кибиток. Угры и самоеды уступили им место — ушли на север.

В 104 г. н.э. на севере Хунну возродилось государство. Китайцы были изгнаны из территории Хунну и бывших подвластных территорий. Возрожденная территория Хунну простиралась от озера Баркуль до "Западного моря", т. е. до Каспия и Арала. Северные хунну объединились с хуннами, ушедшими в Западную Сибирь. Обладание степными просторами Западной Сибири, населенной воинственными уграми, остатками скифов и сарматов и другими тюркоязычными племенами, весьма усилило Северное Хунну, но в этот процесс снова



Распад Хунну с 71 по 61 г. до н.э.



Срединная Азия около 30 г. до н.э.

вмешались сяньбийцы. Они беспрерывно стали устраивать набеги на Хунну, которые повторялись в 101, 110, 117, 118 гг. Объединенными хуннскими силами наступления были отбиты. Северное Хунну продержалось до 155 г.[47]

В 155 г. сяньбийский правитель Таншихай прогнал хуннов с их родины, после чего Северное Хуннское государство перестало существовать. Северные хунны навсегда оставили родину. По пути они снова разделились. 200 тысяч хуннов ушли в горные леса и ущелья Тарбагатая и бассейна Черного Иртыша, осели в Семиречье. Их принято называть малосильными хуннами. В конце III в. они образовали государство Юебань.

В том же году большая часть хуннов ордой двинулась на запад, оставив свою родину, на которой жили с древнейших времен. Они ушли торопливо. Л.Н.Гумилев утверждает, что на запад могли уходить и выдерживать трудности кочевки на такое дальнее расстояние только мужчины, а женщины, старики и дети остались в Южной Сибири. Хуннов, ушедших в 155 г. на запад, называют неукротимыми хуннами[48].

В 155 г. образовалось Сяньбийское государство. В 155—166 гг. сяньбийцы покорили всех соседей. На 6,5 тысячи км — от Уссури до Волги — тянулись границы этого государства. Таншихай выгнал хуннов из Джунгарии за Тарбагатай, оттеснил динлинов, обеспечив сяньби-монголам преимущество на 400 лет.

Скоро Таншихай подчинил все соседние государства и племена. Судя по материалам археологии, при сяньби в Центральной Азии наблюдаются упадок культуры и общественный регресс по сравнению с предшествующим им государством хуннов. Замирает жизнь в многочисленных городках и оседлых поселениях, которые процветали в период хуннского владычества; сокращается ремесленное производство и угасают очаги земледелия. Китайские источники также отмечают падение престижа Сяньбийского государства. Хуннские шаньюи признавались Сынами Неба, равными императорам Китая, государство Хунну китайские историографы приравнивали к Срединному государству. Отношение к государству Сяньби меняется: даже в эпоху могущества Сяньби правитель Таншихай именуется титулом "вана" (князь)[49].

Таким образом, в I—II вв. единый хуннский этнос разделился на несколько субэтносов, никак уже не связанных территориально:

1. Южные хунны, ушедшие несколькими потоками (в 48 г., 54 г., 85 г. и 87 г.) в Северный Китай. Они восстали в 304 г., освободившись из-под власти китайских правителей, основали империю Лю-хань (304—318), распавшуюся на Старшее Чжао и Младшее Чжао. Младшее Чжао покорило в 329 г. Старшее Чжао и весь Северный Китай, но в 350 г. полководец Жань Минь, усыновленный хуннским правителем китаец, захватил власть и приказал перебить хуннов в царстве Младшее Чжао. Степные хунны, жившие в Ордосе, и другая ветвь их в Ганьсу воссоздали хуннские державы: в Ордосе — Ся (407—432), в Ганьсу — Хэси (397—439); оба завоеваны Табгачской империей Тоба Вэй[50].

2. Северные хунны. Большая часть их в 93 г. ушла в Барабинскую степь и другие регионы Западной и Южной Сибири. Накопив силы, многие из них вернулись в Центральную Азию, в 104 г. возродили свое государство, но в 155 г. были изгнаны с своей родины и ушли в Западную и Южную Сибирь, Южный Урал, Нижнюю Волгу и Нижний Дон. В исторических документах они называются "неукротимыми хуннами". Проживая среди угров, аланов, сабиров и других племен, они ассимилировались и положили начало новому народу под названием "гунны"[51]. О появлени гуннов в степях от Южного Урала до Нижнего Дона в 158 г. писал античный географ Дионисий Перигиэт. Потом о них забыли, примерно на 200 лет. Древнегреческий историк Аммиан Марцеллин в сочинении "История" сообщает сведения о гуннском союзе (353—378 гг.)[52].

3. Часть хуннов, пришедших в 93 г. в Западную и Южную Сибирь, и определенная часть "неукротимых хуннов" при переходе на запад в 155 г. осталась в Западной и Южной Сибири, смешалась с тюркскими племенами, ассимилировалась отдельными группами местных угров. Они положили основу предков татар Западной Сибири[53].

4. 200 тысяч "малосильных хуннов", отступавших и селившихся в Семиречье и Тарбагатае, стали называться юебань. И государство, созданное ими, носило это же название. Держава Юебань была разрушена телесскими племенами в конце V в.

5. Хунны, согласившиеся отказаться от своего названия "хунны" и принять название "сяньби". Эта ветвь не была

единой. В дальнейших этнических процессах часть их стала базой тюркского этноса.

Основой хозяйства хуннов было кочевое скотоводство. Разводили лошадей, овец и крупный рогатый скот. Летом скот содержали на пастбищах, а в холодное время года — в зимниках, расположенных южнее. Продуктов скотоводства было в изобилии, однако была потребность и в продуктах земледелия.

В Минусинской котловине гяньгуни развивали ирригационное земледелие с мощной для того времени оросительной системой. Хунны взяли в свои руки водораспределение при орошении посевов и обязали местных земледельцев основную массу хлеба сдавать государству[54]. Не только у подчиненных племен, но и у самих хуннов появилось пашенное земледелие с применением сохи с железным сошником, они выращивали просо и ячмень. Но земледелие еще играло не главную роль. Развивались придомное содержание скота, свиноводство и птицеводство. Зона засушливых степей и горные массивы были освоены под табунное коневодство, для разведения верблюдов, коз и овец.

В особую отрасль выделилась черная металлургия — возникли специализированные поселения, где археологи обнаружили сотни горнов. Обособились ювелиры, поставлявшие различные изделия из золота и серебра. Появились искусные ювелирные инструменты, которых не знали ни на востоке, ни на западе. Археологи обнаружили многочисленные ритуальные скульптурные статуи и статуэтки. Поражает обилие и разнообразие керамических изделий, сделанных без гончарного круга. Л.Р.Кызласов предполагает возможность появления в этот период письменности[55].

Хунны носили одежду из кожи, меха, войлока и грубошерстных тканей, у знати одежда была более роскошной. В курганах встречается много остатков шелковой одежды, тонкой кожи. У хуннов было распространено вышивание на коже. Обувь была кожаной. В курганах находятся мужские и женские кафтаны, шаровары, остроконечные мужские и женские шапки. Одежда украшалась мехом, тесьмой, шелком и вышивкой. Она была приспособлена к суровым условиям степи, была теплаой и удобной[56].

Основной пищей были разнообразные молочные продукты, на втором месте — мясо. Употребляли также продукты земледелия,

прежде всего пшено и ячменную крупу. Использовали в пищу и продукты собирательства.

Хунны не занимались изнурительным физическим трудом, их выполняли рабы.

Поскольку хунны вели многочисленные войны, у них было немало пленников. Отношение к пленникам было гуманное, хотя их использовали в качестве рабов. Рабовладения как системы у хуннов не существовало, но рабы были, они выполняли тяжелую работу в домашнем хозяйстве — собирали дрова, носили воду и все время были на виду. Их использовали для пастьбы скота, на охоте, в военных действиях. У хуннов не было долгового рабства и работорговли. Рабы напоминали римских колонов. В хуннском обществе постепенно, при сохранении остатков родового строя зародились традиции феодализма[57].

В хозяйстве хунны исходили из возможностей степи, насколько она могла кормить людей, и целесообразности. Прокормить себя и содержать семью мог только здоровый мужчина. Нетрудоспособных содержать было некому. Житейская и общественная мораль была подчинена условиям степей. А эти условия были суровыми, степь диктовала жесткие правила выживания.

До времени правления шаньюя Лаошаня хунны налогов не платили. Государство существовало за счет средств, поступавших от побежденных и покоренных народов. Жизнь рядового хунна в мирное время проходила в перекочевках (2—4 раза в год), в военных упражнениях и отдыхе. Род их был патриархальным, т. е. дети принадлежали к роду отца, а не матери[58].

Новорожденного зимой бросали в снег, потом кутали в шубу, если выживет — будет хорошим воином, если умрет — не было трагедии, значит, он не пригоден к суровым условиям степи, через год родится другой. Достигшего совершеннолетия (по хуннским понятием) посылали в набег к соседям, если погиб — подрастет другой, а если принесет добычу — считался будущим надежным воином. В таких условиях обмен поколений был ускоренным, т. к. многие не доживали до старости. Это отразилось в росте производственных отношений — набравшие жизненный опыт рано уходили из жизни[59].

Разноэтничное население Южной Сибири хуннской администрацией было разделено по военно- территориальному принци-

пу: на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч. Во главе каждого подразделения стояли соответствующие военачальники. Эта система расшатывала последние остатки родового строя, способствовала становлению классового общества и развитию раннефеодальных отношений.

Суровые условия жизни, бесконечные войны с Китаем принуждали кочевников хуннов к усовершенствованию быта и условий существования. Они изобрели круглую юрту, покрытую войлоком, потом — колесную повозку на обрубках вместо колес. Колеса были изобретены позже. У китайцев ничего подобного еще не было. А дальше совместили повозку с юртой — появилась кибитка на повозке — жилье, в котором можно было проехать на далекие расстояния, не выходя из кибитки.

Выше мы говорили, что хунны жили в кибитках с колесами. На рубеже I в. до н.э. у хуннских шаньюев появились дворцы. В междуречье Ташебы и Абакана археологами обнаружен один из таких дворцов. План дворца с центральным залом, окруженный 19 комнатами анфиладного расположения. Отопление было подпольное. Такой тип отопления, широко распространенный впоследствии у тюркских народов Средней Азии и у волжских булгар, является изобретением древних тюрков, может быть, хуннов. В строительстве дворца и его украшении ничего китайского не обнаружено[60].

Кочевникам не была чужда цивилизация соседей, оседлых и кочевых. Хунны, несомненно, переняли что-то китайское, но хунны его приняли через призму целесообразности. Веками они оставались самостоятельными, не поддавались влиянию китайской культуры и китайских порядков, жили по своим традиция. 20% населения составляли воины.

Во втором тысячелетии племена, жившие севернее Гоби, уже перешли от неолита к бронзовому веку. Они создали несколько очагов культуры, существовавших одновременно. Л.Н.Гумилев, сопоставив результаты археологических исследований С.И.Руденко с другими показателями, предполагает, что переход хуннов через Гоби совершился не в XII в., а в X в. до н.э.

Китайские историки Сыма Цянь и Бань Гу писали о хуннах с полным уважением, отмечали у них наличие культурного наследия, интерес к восприятию культуры соседей, ставили их выше других своих соседей. Хуннская культура была близка к

скифской и сарматской. Их не привлекала ни китайская, ни иранская, ни эллинская культура, хотя они были знакомы с ними. Достижения хуннской культуры древние, многими из них и поныне пользуется все человечество, поэтому они кажутся не достижениями культуры, а сами собой разумеющимися. Хунны изобрели шаровары — без них невозможна верховая езда. Шаровары в Европу первыми привезли гунны. Они первыми соорудили круглое и удобное, легко сооружаемое теплое жилье — круглую юрту, потом ее поставили на телегу — получился легкий, теплый, универсальный дом на колесах. Для форсирования горных хребтов изобрели вьючную езду. Для поражения противника на коне изобретены кривые сабли. Длинный лук, метавший стрелы на расстояние 700 метров, — также плод творчества хуннов. В повседневном обиходе хуннов были китайский фарфор, шелк, парча.

Есть сведения о наличии у хуннов собственной письменности. В "Истории Троецарствия"приведено сообщение участника китайского посольства в страну Фунан (древнейшее царство в Камбодже) по имени Кан Тай, который заявил: "Они имеют книги и хранят их в архивах. Их письменность напоминает письменность хуннов". Фунанцы употребляли индийский алфавит. О существовании письма у хуннов Кан Тай говорил уверенно, как о вещи, абсолютно известной и тем самым подтвердил, что хуннское письмо происходит от индийского. Это сообщение чрезвычайно интересно. Государственный чиновник высокого ранга не мог сообщить неправду. Держава Хунну имела связи с Западом, в т.ч. с Индией. Кроме того, необходимо учесть, что китайцы к хуннам относились пренебрежительно. Остается ждать подтверждения этого сообщения другими источниками. Может быть, археологические исследования в будущем подтвердят его[61].

Археологические раскопки, проведенные в Южной Сибири, показали, что хунны строили города и поселения оседлых земледельцев и ремесленников. Раскопанные археологами развалины дворцов хуннских наместников в Семиречье и Ташебе показывают высокий уровень строительного искусства хуннов[62].

Хунны исповедовали древнюю религию, совершенно не похожую китайскую. Она была основана на культе космического божества Тенгри. Главным объектом их поклонения был

космос.В науке эту религию называют "тенгрианство". Тенгри означает: небо, видимая часть мироздания, бог, божество, господин, дух, хозяин. Корни тенгрианства восходят к V—IV т.л. до н.э.[63] У хуннов был идол, изображающий космос. Кочевники степей были тесно связаны с природой, они ее обожествляли, относились к ней рационально.

Хунны верили в духов, загробное существование, которое считали продолжением жизни. Знати устраивали пышные похороны, с соумиранием друзей и заложниц[64]. По представлению загробного существования и погребальным обрядам хуннов и египтян также прослеживатся зримая связь, несомненно, похороны и погребальные обряды хуннов были намного скромнее, чем у египтян.

Во II в. до н.э. часть хуннов вела оседлый образ жизни, занимаясь земледелием и ремеслами. Древней летней столицей государства был город Лунчэн, зимней — Дайлин[65]. Строили дворцы не только в столице, но и в других поселениях. Например, шаньюй Чжичжи имел дворец в крепости Семиречье[66].

Проследить путь развития хуннского общества до того, как оно приняло форму государства, нет возможности, поскольку в источниках об этом нет сведений. В.С.Таскин предполагает, что оно находилось на стадии первобытно-общинного строя[67].

Государственная идеология Хунну возвеличивала величие шаньюя. По данным китайского историка Бань Гу, носитель титула шаньюй "обширен подобно небу". Хунны подразумевали, что под властью шаньюя, словно под небом, находится вся земля. Называя своего правителя шаньюем, хунны хотели подчеркнуть, что под его властью, словно под небом, находится вся земля. Важность занимаемого ими положения еще более подчеркивалась формой официальных документов, принятой в переписке с китайским двором. "Небом и землей рожденный, солнцем и луной поставленный великий шаньюй сюнну почтительно спрашивает о здоровье ханьского императора". Китайский двор также почтительно обращается к шаньюю: "Император почтительно спрашивает о здоровье великого шаньюя сюнну"[68].

Власть шаньюя являлась наследственной. Престол переходил к старшему сыну правящего шаньюя. Эта система была изменена при шаньюе Хуханье, когда престол стали наследовать все сыновья шаньюя в порядке старшинства. После этого

нововведения в Хунну установилась двойная система престолонаследия. Источники сообщают, что в отдельных случаях из-за придворных интриг система престолонаследия нарушалась. В.С.Таскин, исходя из источников, не соглашается с утверждением Л.Н.Гумилева, что "престолонаследие стало обычаем очень поздно. Главной формой передачи власти было завещание, хотя чаще всего шаньюй передавал власть сыну"[69].

Как верховный правитель, шаньюй представлял Хунну в сношениях с другими государствами и народами. Шаньюй выполнял также обязанности верховного военачальника. Войны, набеги, грабежи, как и во всем кочевом обществе, играли важную роль в жизни Хунну. Для успешного ведения войн требовалось единое руководство, которое осуществляли шаньюи. Иногда сам шаньюй не участвовал в походах, но тогда он осуществлял общее руководство. Например, историк Бань Гу в своем сочинении "Хань-шу" описывает такой эпизод: В 11-м году н.э. шаньюй Учжилю во время обострения отношений с Ван Маном "объявил всем дувэям правых и левых земель и всем пограничным князьям, чтобы они совершали грабительские набеги за пограничную линию, причем крупные шайки насчитывали более десяти тысяч, средние — несколько тысяч и мелкие — несколько сот всадников"[70].

Совершая нападения на соседние страны, шаньюи одновременно принимали меры по охране своей территории. Сыма Цянь в своих "Исторических записках" зафиксировал такой эпизод. Соседние племена дунху прислали к Модэ гонца с требованием уступить им полосу брошенной земли, лежавшую между владениями дунху и сюнну. Модэ стал советоваться с приближенными, и некоторые из них сказали: "Это брошенная земля, ее можно отдать и можно не отдавать". Шаньюй ответил: "Земля — основа государства, разве можно отдавать ее?". Всем, кто советовал отдать землю, он отрубил головы[71].

По описанию источников, шаньюи были также верховными судьями. В сочинении Сыма Цяня приводятся некоторые правовые нормы: "...совершивший легкое преступление наказывается ударами палкой, совершивший тяжелое преступление предается смерти. Самый продолжительный срок заключения в тюрьме — 10 дней". Как видно, наказания в обществе Хунну были суровыми, но простыми, применялись в основном смер-

тная казнь и палка. Китайцы отмечали: их законы просты и легко осуществимы. Таким образом, шаньюй был верховным правителем и ему принадлежал решающий голос в дипломатической, военной и гражданской областях. Поэтому В.С.Таскин считает необоснованным утверждение Л.Н.Гумилева, что шаньюй был лишь "первый между равными прочими старейшинами, которых было 24"[72].

Если законы Хунну были простыми и легко осуществимыми, то политическая структура хуннского общества была довольно сложной и громоздкой. Подтверждение мы находим в "Шицзи" Сыма Цяня. Он пишет, что ставятся левый и правый сянь-ваны (букв. "мудрый ван"); левый и правый военачальник; левый и правый великий дувэй; левый и правый великий данху; левый и правый великий гудухоу. Сюнну называют мудрого "туци", поэтому старший сын шаньюя назначается левым туци-ваном. От левого и правого сянь-ванов до данху, сильных, имеющих 10 тысяч всадников, и слабых, имеющих несколько тысяч всадников, — всего 24 начальника, для которых установлено звание ваньци ("темник"). Все сановники занимают должности по наследству. Три фамилии: Хуян, Лань и поздняя появившаяся Сюйбу считаются у сюнну знатными родами.

Историк и писатель Н.С.Фаттах существование у хуннов 24 родов и 24 областей, их разделение на правых и левых связывает с тюркской традицией разделения на 24. Например, у Огуз-хана было 24 сына. Он пишет, что в результате деления на правую и левую стороны в каждой из них получается 12 родов. В древнем Египте на восточной стороне дельты Нила было 12 областей. Египтяне первыми в мире год делили на 12 месяцев, сутки делили на две части, каждая их которых делилась на 12 часов. Н.С.Фаттах предполагает наличие древних связей между египтянами и древними тюрками[73].

Все князья и военачальники левой строны живут на восточной стороне, князья и военачальники правой стороны живут на западной стороне. Каждый имеет выделенный участок земли, по которому кочует в поисках травы и воды, причем наиболее крупными владениями располагают левый и правый сянь-ваны и левый и правый лули-ваны. Каждый из 24 начальников также сам назначает тысячников, сотников, десятников, небольших

князей, главных помощников, дувэев, данху и цецзюев. По свидетельству Фань Е., темники, по крайней мере главные из них, являлись сыновьями или младшими братьями шаньюя.

В первый месяц года все предводители родов собирались в орду шаньюя на малый сбор, совершали жертвоприношение. В пятый месяц в Лунчэне собирались на большой сбор и приносили жертву духам предков и небу. Осенью, после того, как откормились лошади, снова собирались на большой сбор в Дайлине, производили учет людей и скота. Там же обсуждались важные гсударственные дела, организовывались различные увеселения[74]. Эти сборы были связаны с временами года.

Эта древняя традиция тюрков, заложенная хуннами, пережила века. Основы Сабантуя татар и башкир, проводимые до начала весенего сева, джиена татар в период после окончания весеннего сева и до начала убоки урожая заложены в глубокой древности, в кочевой период. Спустя века проведение этих праздников было приурочено к началу или окончанию земледельческих работ. Первоначально они не были связаны с земледельческими циклами. Таким образом, Сабантуй не являтся праздником плуга, как его иногда называют, появление его тесно связано с традициями кочевников.

Как описал Ибн Фадлан, хазарский хакан каждые четыре месяца вместе со своими войсками появлялся перед народом.

В сложной политической системе хуннов земельные отношения были самыми простыми. Все земли, принадлежащие Хунну, находились под властью шаньюя. Он раздавал уделы своим сыновьям и ближайшим родственникам, которые в свою очередь наделяли землей своих приближенных. Такая сложная политическая структура совершенствовала управление государством, она была понятна каждому члену хуннского общества. Не без основания ханьский евнух Чжунхан Юэ сказал: “Отношения между государем и подданными просты, а потому управление целым государством подобно управлению своим телом”. Право получения земли накладывало на всех членов общества определенные обязанности. Основной формой повинности, как во всех кочевых обществах, по-видимому, была военная служба. Раньше хунны дани не платили. Систематическое взимание податей началось при шаньюе Лаошане. Осенью каждого года хунны съезжались

на большое собрание в Дайлине, где подсчитывали и проверяли количество людей и скота.

Хуннская знать присутствовала на церемонии возведения шаньюя на престол. Шаньюя не избирали, эта должность была наследственной. Известны лишь отдельные случаи нарушения этого порядка. При шаньюе был аппарат государственных чиновников, но их обязанности и права нам не известны. Кроме того, у шаньюя был круг помощников, но они были лишь советниками.

Основу политического строя Хунну составляла собственность на пастбищные угодья, проявлявшаяся в форме права распоряжаться пастбищами. Политическая система кочевого общества, заложенная хуннами, была в основном сохранена и в последующих тюркских и монгольских кочевых государствах. Старые кочевые традиции политической системы сохранили Чингиз-хан и его преемники[75].

Лесостепную полосу Западной Сибири населяли различные племена: угры, остатки скифов и сарматских племен, сабиры.

Южносибирские и приуральские угры имели в III в. свою организацию, которую китайские географы называют Ун-Бейго-Угорское государство[76]. Оно было расположено на окраине лесной зоны, примерно около современного Омска. Хунны 200 лет жили в Приуралье в соседстве с уграми и другими племенами Западной и Южной Сибири. Как предполагают многие исследователи, в составе скифского и сарматского союзов было немало тюркоязычных племен, а в Южной Сибири с древнейших времен жили тюркоязычные племена. Проживая вместе с этими племенами и ассимилировавшись с ними, из хуннов сложились гунны. Свой, тюркский, язык они сохранили. Двинулись в Европу не хунны и не угры, а гунны. Хунны-акациры смешались с сарагурами и оногурами и породили древних болгар, гансуйские хунны вошли в состав потомков рода Ашины[77].

У хуннов и раньше происходили трагические события. Но родину они не бросали, не забыли даже Ордос. Почему же в этот раз они решили покинуть родину?

Л.Н.Гумилев и некоторые другие исследователи объясняют уход хуннов не только как следствие поражения от сяньбийцев. Во втором веке атлантические циклоны сместили свой путь

прохождения на восток в глубины континента. Изменился климат Великой степи.

Количество осадков в степи уменьшилось на 150 мм в год. Пересохли полноводные реки, озера, обмелели Арал и Каспий, исчезли многие растения, которыми питались стада, ушел зверь. Многие пастбища превратились в пустыни. Хунны ушли не только от жестокого врага, но и от изменившегося климата, непривычного ландшафта[78].

Степь даже в своем нормальном климатическом состоянии имеет пределы своих возможностей по содержанию определенного количества жителей. Для нужд одной семьи из пяти душ необходимо было иметь столько скота, чтобы поголовье его соответствовало 25 лошадям, исходя из расчета: одна лошадь равна 5 коровам, 6 овцам, лошадь-двухлетка — 0,5 взрослой лошади, жеребенок — 1/4. Кроме того, нужны были лошади для перевозки жилья, верховые лошади для каждого взрослого в семье. Кочевник целый день не сходил с лошади. Поэтому он часто в течение дня менял его для кормления. Каждый кочевник должен был иметь 10—12 лошадей, не считая молодняка и кормящих кобылиц. Таким образом, даже для существования семьи из 5 душ необходимо было наличие большого количества подножного корма. Кормовая возможность сухих степей ограничена. Для пастьбы скота зимой снежный покров не должен превышать 30 см[79].

В III в. н.э. по причине засухи угры и самоеды ушли по Оби и Енисею на север.

О хуннском государстве Юебань китайские историки писали, что хунны там по числу составляют 200 тысяч душ. "Обыкновения и язык одинаковы с гаогюйскими (т.е. тюркскими племенами), но более опрятно обстригают волосы и подравнивают брови, намазывая клейстером, что придает им блестящий лоск. Ежедневно по три раза моются и потом принимаются за пищу"[80].

Юебань просуществовала до конца 80 х годов V в. Ее самостоятельность была уничтожена телеутами. Но в 495—496 гг. телеутов завоевали эфталиты и в 547 г. покорили тюркуты. Такая быстрая смена племен помогла хуннам Юебань, они уцелели, затем образовались от них четыре тюркских племени: чуюе, чуми, чумугунь и чубань, сыгравшие огромную роль во время существования Великого Тюркского Каганата — они

вошли в состав тюрков-шато и кимаков. В VI в. хуннов как этноса уже нигде не было, но они продолжали существовать как другие тюркские племена[81].

Хунны, ушедшие на юг, вновь стали зависимыми от китайцев. Их предали свои князья, попавшие под китайское влияние. Они стали заложниками Китая. Хуннское общество было обезглавлено. В 407 г. Хэлом Бобо создал хуннское царство Ся в Ордосе. В 400 г. Мэн Сун на территории нынешней провинции Ганьсу основал княжество Хэси. Оба государства просуществовали недолго — Ся в 431 и Хэси в 460 г. были завоеваны табгачами. Южные хунны погибли в один и тот же год с гуннами. Вряд ли это простое совпадение[82].

Гунны, устремившиеся в Европу, по описанию источников, были совершенно другим народом. Конечно, о гуннах византийцы пишут с позиций врага, а такая позиция часто дает неправильную картину. Сыма Цянь, несмотря на то, что хуннов считал вечными врагами Китая, относится к ним с уважением, описал цивилизованным народом. А византийские авторы пишут о них, как о дикарях, питающихся сырым мясом, не знающих горячую пищу.

В 70-е годы IV в. началось массовое передвижение гуннов на запад, они перешли Волгу и, покорив аланов Северного Кавказа, во главе с Баламбером перешли Дон и в 375 г. разгромили готов в Причерноморье, покорив большую часть остготов, заставили вестготов отступить во Фракию. Передвижение гуннов послужило причиной великого переселения народов, являвшегося совокупностью этнических перемещений в Европе в IV—VII веках, главным образом с территории Римской империи. В 394—395 гг. гунны прошли через Кавказ, опустошили Сирию, Каппадокию, потом остановились в Паннонии, делали набеги на Восточную Римскую империю[83].

А.М.Мухаммадиев считает, что государство западных гуннов образовалось не в результате какого-то "нашествия" с востока на запад, а вследствие постепенного в течение веков, начиная со времен Модэ, объединения гуннами хазар, авар, болгар, барсил, искил, сувар и других тюркских племен. Хуннское государство, способное на нашествие, перестало существовать в конце I в. н.э. Спустя 350 лет после этих

событий, т.е. в середине V в. (в годы правления Аттилы) на западе образуется большое и мощное, включавшие в свой состав и германские племена, известное в международном плане как "Скифика" и "Германика" гуннское государство. После создания гуннского государства многие племена, обитавшие в Причерноморье и в Прикавказье, в т.ч. болгары и сувары стали называться гуннами. Оно было не "диким" государством, как его описывают западные источники, а высокоразвитым обществом, имеющим свою руническую письменность. Появление гуннского государства было неожиданным для западно-римских и византийских рабовладельцев. Историк IV в. Аммиан Марцеллин в своем сочинении "Деяния", будучи придворным писателем, приписывает гуннам неправдоподобную дикость, клевещет на них. Интересное заключается в том, что большинство сведений он переписал с описанного тысячу лет назад Геродотом "дикого племени скифов", которое употребляет в пищу сырое мясо, которое некоторое время находится между всадником и его седлом[84]. В учебниках и хрестоматиях, изданных для высших учебных завдений России, пишет А.М.Мухаммадиев, к сожалению, отводится большое место измышлениям и неточностям А.Марцеллина, ни словом не упоминая об интересных и важных сведениях Приска Панийского, ученого и писателя, участника византийского посольства[85]. Описание Приска, довольно долго проживавшего среди гуннов, их обычаев, нравов, одежды, оружия и украшения подтверждают неправдоподобность измышлений Марцеллина[86].

Правителям Западной Римской империи удалось до середины V в. сделать их союзниками. Гунны создали мощный союз племен, объединив готов, остготов, герулов, гепидов и др. племен, а этот союз достиг своего могущества при Аттиле (434—453). Гунны под предводительством Аттилы в 451 г. вторглись в Галлию, но в "битве народов", происходившей на Каталаунских полях (равнина на северо-востоке Франции), где с обеих сторон участвовало в сражении 500 тысяч воинов, были разбиты римскими и вестготскими войсками. После смерти Аттилы в 453 г. они проводили неудачные военные действия и потом постепенно исчезли как народ. Нашествие гуннов в Европу привело к распаду Западной Римской импе-

рии, ослабленной взятием и разграблением Рима в 410 г. вестготами и восстанием рабов. В Европе был уничтожен рабовладельческий строй[87].

Неисследованной остается проблема хуннско-сарматских взаимоотношений. Начиная с III в. до н.э. в течение 700 лет хунны и сарматы были соседями, они были почти на одинаковой ступени развития, язык у них был один, симбиоз был вполне возможен.

История хуннов — это прежде всего история Центральной Азии, оттуда они двинулись в Европу, она связана с историей Китая. История гуннов связана и с историей Европы.

В XVIII в. при исследовании истории Китая западными миссионерами всплыло несколько вопросов: кто такие хунны, каким был их язык? Каково отношение гуннов к хуннам? Хунны и гунны были вопросом научного спора. Не только проблема хуннов и гуннов, но и проблема этнической принадлежности других древнеазиатских племен является предметом дискуссии.

Есть такая особенность в истории народов — имя победившего племени или рода переходит на всех подданных. Победил род хунну — все делаются хунну. Победил род сяньби — все становятся сяньби и т. д. Поэтому происходят частые изменения имен в истории кочевых народов, часто получается путаница в определении этнической принадлежности азиатских племен. Так, например, немало путаницы этнической принадлежности древних татар, о которых много писали китайские, арабские и персидские авторы.

В разные периоы исследования истории Хунну боролись между собой сторонники теорий этнической принадлежности хуннов: монгольской, тюркской, угро-финской и славянской.

К. Иностранцев в своем сочинении "Хунну и гунны" тщательно проанализировал различные теории о происхождении хуннов и гуннов. Он заметил, что французский ученый Дегинь относил хуннов и к монголам, и к тюркам, не делая большой разницы между ними в древности. После исследования китайских летописей он пришел к убеждению, что Хунну являлось кочевым государством, из которого впоследствии вышли сначала тюрки, потом — монголы; гунны — это хунны, пришедшие через Сибирь в Европу.

Другой французский исследователь Каён является убежденным сторонником тюркского происхождения хуннов. Гуннов он признает потомками хуннов, но не всех гуннов он считает хуннами, среди них были и другие этнические элементы, как позже среди монголов.

Клапрот и Ремюза были сторонниками тюркского происхождения хуннов. Гуннов они признавали финнами. К.Иностранцев делает вывод, что народ хунну образовался из усилившегося тюркского рода. По пути в Европу хунны столкнулись с другими племенами. Прежде всего на их пути стояли финские племена. Чем дальше двигались гунны, тем больше редел среди них тюркский элемент и примешивались другие народы, прежде всего славянские и германские. Весьма вероятно, что между подданными Модэ и Аттилы было мало общего.[88]прежде всго

Некоторые исследователи считают, что этнонимы хунны и гунны — это азиатское и европейское произношение одного и того же имени.

Л.Н.Гумилев, посвятивший большое количество исследований хуннской и гуннской проблеме, делает вывод, что и хунны, и гунны — это тюркоязычный народ. Он признает сильную ассимиляцию гуннов другими племенами, прежде всего уграми. Автор этих строк вполне согласен с выводами Л.Н.Гумилева, подчеркивая, что, несмотря на сильную ассимиляцию, гунны сохранили свой тюркский язык.

На основе проанализированного материала можно сделать вывод, что хунны были древним тюркоязычным племенем Великой степи. В дальнейшем хунны положили начало нескольким тюркским народам. Но хунны не были единственным тюркоязычным народом Великой степи, еще задолго до н.э. по соседству с ними жили другие тюркоязычные племена: динлины, гяньгуни, предки кыпчаков, канглы и др. Придя в Западную Сибирь, хунны встретились не только с уграми, там были и тюркоязычные племена, оставшиеся от скифов, сарматов. Не исключается возможность миграции в Западную Сибирь некоторых тюркоязычных племен еще до прихода туда хуннов.

Гунны были потомками хуннов, сильно изменившимися в результате ассимиляции не только уграми, как это утверждает

Л.Н.Гумилев, но и другими племенами, в основном тюркоязычными, и сохранившими свой тюркский язык.

Делая выводы по этой главе, необходимо заметить, что хуннский период является наиболее длительным в истории тюрков, известной по имеющимся источникам. Китайские легенды отмечают, что в 2600 г. до н.э. китайский император династии Ся выступил в поход против хуннов. Китайская письменная хроника упоминает, что хунны жили в Ордосе еще до 2357 г. до н.э. Следующее упоминание о хуннах в китайской летописи относится к XVIII в. до н.э. Историк Сыма Цянь предполагает создание около 1200 г. до н.э. государственности хуннов. К 1200 г. относится переход хуннов через Гоби. Китайская хроника пишет о хуннах в 882 и 304 гг. Источники уверенно подтверждают возникновение государства Хунну в IV в. до н.э. В 209 г. власть занял Маодунь-шаньюй. В 93 г. н.э. государство Хунну потерпело поражение от сяньбийцев и других соседей, но оно еще держалось до 155 г., когда сяньбийский правитель Таншихай прогнал хуннов с их родины.

Но и после изгнания с родины хунны не исчезли, их история продолжалась. Часть ушла в Европу, они стали гуннами, создали свое государство, которое существовало до 451 г. Хунны, переселившиеся на юг, также создавали свои государства. В 304—318 гг. существовало хуннское государство Лю-хань, в 407—432 гг. в Ордосе существовало хуннское государство Ся, в 397—439 гг. в Гань-су — хуннское государство Хэси. Государство Юебань, созданное "малосильными хуннами", существовало до 80 годов V в. Таким образом, история хуннов нам более или менее известна по источникам на протяжении более 3000 лет — с 2600 г. до н.э. по V век н.э., а история государств хуннов — на протяжении около 800 лет — с IV в. до н.э. по V в. н.э.

Значение государства Хунну состоит прежде всего в том, что хунны, создав свое государство, в течение длительного периода истории отстаивали свою независимость. Своим переходом через пустыню Гоби они соединили два мира, не знакомые друг другу — Китай и Сибирь, но не пропустили китайцев в Сибирь.

Основу хозяйства хуннов составляло кочевое скотоводство, вместе с тем в Хуннском каганате развивались земледелие,

оседлое и полуоседлое скотоводство. Значительных объемов достигла добыча железа, драгоценных металлов и изготовление из них различных изделий. В Великом Хуннском каганате были заложены основы тюркской духовной культуры, оно получило дальнейшее развитие. Хуннам не чужды были достижения культуры соседних государств — Китая и Ирана, но им импонировала скифо-сарматская культура.

Достижения материальной и духовной культуры хуннов стали достоянием народов Азии и Европы. Упряжную и верховую езду, удобную одежду (шаровары, шапки, халаты, сапоги), некоторые предметы воинского снаряжения они переняли от хуннов. Войлочную юрту, установленную на телегу, заимствовали от хуннов все тюрки.

Хунны заложили основы тюркской государственности. Она исходила из потребностей жизни в суровых степных условиях. Хуннские шаньюи переняли и опыт китайских правителей.

Великий Хуннский каганат был одним из долговременных среди известных в истории тюркских государств — он существовал в течение пяти веков. В то же время у хуннского государства и общества были негативные проявления — долгое сохранение родового строя, слабость центральной власти, обольщение знати китайской роскошью, завоевание и закабаление многих соседних племен. Эти причины, а также агрессивные действия Китая привели к гибели государства Хунну.

В составе Хуннского каганата были не только хунны, там обитали и развивали свою материальную и духовную культуру предки многих тюркоязычных народов. Поэтому после гибели Хуннского каганата и других хуннских государств начался трагический период в истории древних тюрков, который продолжался до образования Великого Тюркского каганата.

Примечания

[1] Гумилев Л.Н. Хунну. Степная трилогия. — Спб.: Тайм аут компасс, 1993. С.7.

[2] Артамонов М.И. К вопросу о происхождении скифов // Вестник древней истории. 1950. № 2. С.161; Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. — М.: "Экопрос", 1993. С.320.

[3] Иностранцев К. Хунну и гунны // Труды туркологического семинария. Вып.I. — Л., 1926. С.57.

[4] Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I—II. —

М.-Л., 1950. С.50.

[5] Берг Л.С. Путешествия Н.М.Пржевальского. — М.-Л., 1952. С.20.

[6] Гумилев Л.Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. 1967. №1. С.53.

[7] Васильев В.П. Об отношениях китайского языка к среднеазиатским // Журнал Министерства народного просвещения. 1872. Сентябрь, с.104.

[8] Иностранцев К. Указ. соч., с.52.

[9] Иностранцев К. Указ.соч, с.11.

[10] Мухаммадиев А.Г. Һуннар һәм Туран язмалары. — Казан, 2000. б.7—8.

[11] Гумилев Л. Н. Хунну. Степная трилогия. — Спб., 1993. С.20.

[12] Фәттах Н.С.Историческая справка о сюннах // Сызгыра торган уклар. (Свистящие стрелы). На тат. яз. — Казан, 1991. 755 б.

[13] Гумилев Л.Н. Хунну. Степная трилогия. — Спб., 1993. С.25.

[14] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I. — М.-Л., 1950. С.95—96.

[15] Бичурин Н.Я. Указ. соч., с.40.

[16] Таскин В.С.Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып.II. — М., 1973. С.151.

[17] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т.II. — Л., 1926. С.45.

[18] Томсон Дж.О. История древней географии. — М., 1953. С.439.

[19] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т.II. — М., 1926. С.15.

[20] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.III. — М.-Л., 1953. С.57; Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т.II. — Л., 1926. С.354.

[21] Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч.III. — М.-Л., 1955. С.8.

[22] Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. — М.-Л., 1948. С.31.

[23] Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. С.114, 116.

[24] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т.II. — Л., 1926. С.15.

[25] Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским

источникам). Вып. I. — М., 1968. С.136.
[26] Таскин В.С. Указ. соч., с.136.
[27] Гумилев Л.Н. Хунну. Степная трилогия. — Спб., 1993. С.32, 33.
[28] Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — Баку, 1991. С.79.
[29] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I. Ч.1. — Л., 1926. С.15, 16, 470.
[30] Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая от первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. Т.I. — М., 1958. С.239.
[31] Гумилев Л.Н. Хунну. Степная трилогия. — Спб., 1993. С.47—48.
[32] Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып.I. — М., 1968. С. 38—41.
[33] Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып.2. — М., 1973. С.5.
[34] Захаров И. Историческое обозрение нардонаселения Китая // Труды членов русской духовной миссии в Пекине. Т.I. — Спб., 1852. С.270—281.
[35] Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. — М., 1973. С.5.
[36] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I—II. — М.-Л., 1950. С.60.
[37] Бичурин. Н.Я. Указ. соч., с.76.
[38] Бичурин Н.Я. Указ. соч., с.76, 78.
[39] Бичурин Н.Я. Указ. соч., с.78, 95.
[40] Томсон Дж.О. История древней географии. — М., 1953. С.427.
[41] Бичурин Н.Я. Указ. соч., с.72.
[42] Гумилев Л.Н. Хунну. Степная трилогия. — Спб., 1993. С.103.
[43] Бичурин Н.Я. Указ. соч., с.83.
[44] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.III. — М.-Л., 1953.
[45] Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып.2. — М., 1973. С.35.
[46] Бичурин Н.Я. Указ. соч., с.151.
[47] Гумилев Л.Н. Хунну. Степная трилогия. — Спб., 1993. С.242.
[48] Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — Баку, 1991. С.81.
[49] Таскин В.С.Материалы по истории древних кочевых наро-

дов группы дунху. — М., 1984.
[50] Гумилев Л. Н. Указ. соч., с.200, 201; БСЭ. 3 изд. — М., 1978. С.424.
[51] Гумилев Л.Н. Указ. соч., с.200—203.
[52] Дионисий. Описание населенной земли. Перевод И.П.Цветкова // Вестник древней истории. 1949, № 4; Аммиан Марцеллин. История. Пер. Ю.А.Кулаковского. Киев, 1908.
[53] Головнев А.В. Сибирские татары. Проблемы // Тюменская правда. 13 апреля 1989 г.
[54] Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. — Изд. Красноярск. ун-та, 1992. С.18, 19.
[55] Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасо-Минусинской котловины. — М., 1960; Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха Железа. — Новосибирск, 1979. С.66—69.
[56] Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. — Изд. Красноярского ун-та, 1992. С.21.
[57] Гумилев Л.Н. Указ. соч., с.27.
[58] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I—II. — Л., 1950. С.40.
[59] Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. — Спб., 1994. С.11.
[60] Давыдова А. В. Иволгинский комплекс — памятник хунну в Забайкалье. — Л., 1985.
[61] Гумилев Л.Н. Хунну. Степная трилогия. — Спб., 1993. С.79.
[62] Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. — Изд. Красноярского ун-та, 1992. С.49.
[63] Безертинов Р.Н. Тенгрианство — религия тюрков и монголов. — Набережные Челны. Б.г., с.6.
[64] Дэн Чжи-чэн. История Китая на протяжении двух тысяч лет // Реферативный сборник. 1956. № 13. С.134.
[65] Бичурин Н.Я, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I. — М., 1950. С.76, 83,106;
[66] Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникамам). Вып.I. — М., 1968. С.34, 126, 128, 131.
[67] Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып.2. — М., 1973. С.5.
[68] Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып.2. — М., 1973. С.7.
[69] Таскин В.С. Указ. соч., с.8.
[70] Таскин В.С. Указ. соч., с.10.
[71] Таскин В.С. Указ. соч., с.10.
[72] Таскин В.С. Указ. соч., с.11.

[73] Фәттах Н.С. Историческая справка о сюннах // Сызгыра торнан уклар (Свистящие стрелы). На тат. яз. — Казан, 1991. 76 б.
[74] Таскин В.С. Указ. соч., с.73.
[75] Таскин В.С.Указ. соч., с.16, 17.
[76] Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах..., Т.III. — М., 1953. Прим. Карта 3 (время Сань-го).
[77] Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — Баку, 1991. С.101.
[78] Гумилев. Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века // Вестник Ленинградского ун-та. 1966. № 18.
[79] Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — Баку, 1991. С.117.
[80] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах... — Т.II. М.-Л., 1950. С.267-295.
[81] Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. Три века войны Китая со степными народами. III—IV вв. — Спб., 1994. С.202.
[82] Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — Баку, 1991. С.88.
[83] Евсевий Иероним. Письмо 77. К океану. О смерти Фабиолы. Письмо 60. К Гелиодору. Пер. В.В.Латышева // Вестник древней истории. 1949. № 4.
[84] Мөхәммәдиев А.Г. Һуннар һәм Туран язмалары. — Казан, 2000. 22 б.
[85] Мөхәммәдиев А.Г. Указ. соч., 25 б.
[86] Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. — СПб., 1904—1906. Ч.I—II.
[87] Гумилев Л. Н. Хунну. Степная трилогия. — Спб., 1993. С.209; БСЭ. Третье изд. Т.VII. — М., 1972. С.450.
[88] Иностранцев К. Хунну и гунны. — Л., 1926. С.119.

Глава III
ВЕЛИКИЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ

В III в. восточная часть Великой степи, покинутая во II в. хуннами, почти потеряла свое население. Оно ушло на окраины растущей пустыни. Около 326 г. степь оставили табгачи. Это было связано с изменением климата — двухвековой засухой в степи. Но в IV в. океанские муссоны принесли животворную влагу в степь, которая быстро начала зеленеть. В степь вернулись травоядные, за ними — хищники. Там появились жители — остатки разбитых в Китае сяньбийских и хуннских родов, племена теле и жужуни. В III веке до н.э. племена теле жили в степи к западу от Ордоса. В китайских летописях суйской (581—618) и танской (618—907) династий термин теле относится к большой группе племен, кочевавших на территории современной Монголии, Тувы и Алтая. К середине VI в. теле представляли конфедерацию двенадцати тюркских племен: курыканов (предков якутов), теленгитов, уйгуров, сеяньто, вэйхо и др. Дальнейшее название теле — телеут[1].

Среди этих народов жестокими были жужани, поэтому они были опасны и телеутам, и остаткам хуннов. У жужаней не было единого предшественника. Еще в хуннский период в степи обитали группы убежавших из Китая преступников, которым в Китае грозила смертная казнь. Они были разноязычными, разноплеменными пиратами в степном "море". Впоследствии перешли на древнемонгольский язык. Жужани кочевали по всей Халхе до Хингана. Быт и организация их были весьма примитивными. За 200 лет существования в жужанской среде не было заметного прогресса. В V в. Жужанское государство господствовало в степи от Хингана до Алтая.

Чингиз Айтматов в своей повести приводит легенду о манкуртах. Жуанжуани (другое название жужаней) будто бы надевали на голову пленных чехол из свежей кожи голени верблюда, который, обсыхая на солнце и сдавливая череп,

деформировал мозг. Волосы изгибались и врастали в кожу головы. У такого человека неимоверно болела голова, он терял память, не помнил даже родителей, становился послушным. Жуанжуани их называли манкуртами и использовали на пастьбе скота и других работах.

Женщина из тюркского племени нашла у жуанжуаней своего плененного ими сына, пыталась объяснить ему, что она его мать, но потерявший память манкурт убил свою мать.

Жуткая легенда показывает степень жестокости жужан. Эти степные хищники 200 лет — с 360 по 552 год были хозяевами Великой Степи. В этот период существовало жужанское ханство. Трагичными для потомков древних хуннов были 60—80-е годы V в. В 460—468 гг. потеряли свою государственность южные хунны, было сокрушено их государство в Ордосе — Хэси, гунны были безвозвратно поражены в Европе в 451 г. В 487 г. телеуты разрушили государство хуннов в Семиречье — Юебань. Таким образом, все четыре ветви потомков хуннов потерпели поражение в одно и то же время. Почему это произошло? Потому что хуннский общинный строй был уже анахронизмом. Слишком сильно было прошлое наследие и общественное сознание, и хунны не смогли перестроиться. Родовые старейшины потеряли свою власть.

Но потомки древних хуннов бесследно не исчезли, слились с другими тюркскими племенами и участвовали в этногенезе многих тюркоязычных народов. Потомки европейских гуннов нашли свое продолжение в Восточной Европе — вошли в состав болгар и других тюрков, а также славян, угров, алан, венгров, германцев, франков.

В 495—196 гг. телеуты были завоеваны эфталитами и в 547 г. тюркютами, поэтому юебаньские хунны уцелели. Впоследствии юебаньские хунны образовали четыре племени: чуюе, чуми, чумугунь и чубань, которые играли огромную роль во время существования Великого Тюркского Каганата и после него[2].

Иное положение было в Ордосе и окраинных местах, где остались потомки хуннов государства Хэси. В 439 г. табгачский хан Тоба Дао победил южнохуннское государство Хэси. Через год табгачи убили хана Хэси, и хунны остались предоставленными самим себе. Но они не растерялись и нашли в себе смелость и отвагу перейти через пустыню Гоби на склоны Алтая, где встретились со своими соплеменниками — тюрками.

По сообщению китайской летописи "Вейшу" Суйской династии, признанной более достоверной, предки тюрков обитали за несколько столетий до н.э. на севере реки Хуанхэ. Они образовались от смешения нескольких этнических элементов, кочевавших в Восточном Гань-су, округе Пиньлянь. После поражения северных хуннов тюрки были на грани полного истребления китайцами, были вынуждены скрываться в пещерах и выжили благодаря своему упорству.

Через несколько поколений, в 439 г., родоначальник выживших тюрков — Ашина вывел их из Западного Шэнь-си и прибыл со своими подданными в количестве 500 кибиток-семейств в Хэси, в подчинение к южнохуннскому хану Муганю. В Хэси род Ашина ждали новые трудности — в том же году было завоевано Хэси, пленен и убит Мугань-хан. Оставшиеся в живых хунны ушли через Гоби на север — на склоны Алтая. Ашина был вынужден перевести свои 500 семейств на Алтай[3].

500 семейств по китайским традициям означало "немного", менее тысячи, поэтому эту цифру не следует понимать буквально.

Таким образом, хунны и потомки Ашина нашли продолжение своей истории на южных склонах Алтая, где хозяевами были жужани. Прибывшие потомки хуннов слились с тюркскими племенами, которые с древнейших времен жили на юге Алтая, занимаясь скотоводством и добыванием железа[4].

Г.Е.Грумм-Гржимайло пишет, что колыбелью тюрков была Юго-Восточная Бараба. Там они жили еще в дохуннский период и переместились на юго-восток — в Алтае-Саянское нагорье, где заняли бассейн притоков Енисея, вступили в сношения с динлинами, часть их покорили, с частью смешались. Затем они попали под власть хуннов, и часть их князьями Ашина была переселена на юг, в восточный Нань-Шань. Так сложилась та сила, которая во главе с Ашина образовала государство[5].

Хунны, оставшиеся в Ордосе, Шань-си и Шэнь-си, смешавшись с табгачами, стали называться "ши-ху" ("горные ху") в составе империи Вэй. Но после VI в. историки их не упоминают. Последнее выступление ши-ху в Шань-си под руководством вождя Лю Ли-шен отмечается в 525—526 гг.

Потомки хуннов, принявших в 155 г. название "сяньбиец", ассимилировались не с сяньбийцами, а со своими сородичами[6].

В Ордосе хунны и жужани были союзниками. На Алтае хунны и другие тюркские племена, пришедшие с юга и проживавшие там с древнейших времен, стали данниками жужан, как пишет китайская хроника, "стали добывать железо для жужаней". Род Ашина, по-видимому, состоял из пассионарных молодых и смелых воинов, вскоре возвеличился, стал во главе тюркских племен.

Но жужани были еще сильными, и род Ашина, как и остальные сородичи, был вынужден признать их власть и платить дань изделиями из железа.

Китайские историки обратили внимание на целеустремленность и организованность рода Ашина. Свой род соплеменники Ашина называли "тюрк". Китайские источники называют их "ту-кю". Это слово расшифровано синологами как "тюркют". "Тюрк" на китайском языке означал "сильный", а "ют" — суффикс множественного числа, но на монгольском языке. Так как на китайском языке отсутствует звук "р", китайцы произносили это слово "ту-кю". Имя Ашина произошло от монгольского слова "шоночино" — волк, "А" — на китайском языке префикс уважения. Таким образом, "Ашина" означает "благородный волк"[7].

Китайские летописи сохранили не только историческую хронику, но и тюркские легенды. Первая из легенд рассказывает об истреблении гуннов от жестоких врагов на далеком западе. Уцелел лишь десятилетний мальчик, которому враги отрубили руки и ноги и бросили в травянистое озеро. Мальчика нашла волчица и стала кормить. Спустя несколько лет волчица от него забеременела, а враги, узнав, что мальчик жив, нашли и убили его. Оставшись одна, волчица убежала на восток и появилась далеко от Западного моря в горах, лежащих на северо-западе от Гао-чан (центр Алтайских гор, на северо-западной стороне, где течет р. Чуя). Волчица укрылась в пещере и родила десять сыновей. Впоследствии они дали начало десяти коленам. Один из внуков волчицы получил имя Ашина. Йоллыг-тегин разъяснил значение слова Ашина: небесно-синий. Отсюда и "синий волк" ("күк бүре"). Ашина был человеком с большими способностями и был

признан вождем. Род его мало-по малому размножился до нескольких семейств[8].

Травянистое озеро, в которое бросили мальчика, походит на озеро Балатон, около которого гунны Аттилы потерпели поражение.

Вторая легенда сообщает, что тюрки родились от местного рода Со и тоже от волчицы. Все представители рода Со погибли, остались только четыре внука волчицы. Первый внук превратился в лебедя, второй поселился между реками Абу и Гянь (Абакан и Енисей) под именем Цигу, третий и четвертый — на реке Чуси в Южном Алтае. Аристов предполагает, что легендарный Со — род Со у кумандинцев, лебедь — племя лебединцев (ку кижи), второй — кыргыз.

Предгорья Монгольского Алтая, где очутились беглецы, были населены племенами, происходившими от хуннов и говорившими на тюркских языках. С этими аборигенами слились воины князя Ашина. Каждое тюркоязычное племя имело свое название, а общего, объединительного названия "тюрк" не существовало. Род Ашина пришел на Алтай под названием "тюрк" и вслед за ним всех его сородичей его стали называть "тюрк", сохраняя в то же время прежнее название племени[9].

Абульгази в труде "Родословное древо тюрков" пишет, что после потопа у Ноя осталось в живых три сына и три невестки. Имена сыновей: Хам, Сими и Иафет. Последний по распоряжению отца поселился на берегах Волги и Яика. У Иафета было восемь сыновей и многочисленное потомство. Имена его сыновей: Тюрок, Хазар, Саклаб, Русь, Минг, Чин, Кеймари, Тарих. Иафет оставил сына Тюрка на свое место и повелел остальным сыновьям: Тюрка вы признавайте государем и повинуйтесь ему[10].

Г.Е.Грумм-Гржимайло пишет, что Иафетова сына Тюрка полагают праотцом племен, населявших земли от Каспия до Корейского залива. В седьмом колене Тюрка родились два близнеца: Татар и Монгол[11]. Далее Абульгази сообщает, что отец Татара и Монгола Или-хан разделил Туркестан, первому дал восточную половину, второму — западную. В третьем колене Монгола родился Огуз-хан, сын Кара-хана, сын Монгола, первый завоеватель Средней Азии[12].

Грумм-Гржимайло отмечает, что Огуз-хан и есть Модэ-шаньюй[13].

Легендарная версия в китайских летописях кончается рождением Ашина, затем следует описание истории, подтвержденной другими источниками.

Таким образом, начиная с 439 г. тюркские племена, во главе которых стоял Ашина, подчинились жужаням. Ежегодно платили дань железными изделиями. В то же время они укрепляли и свое хозяйство.

Историю сложения Великого Тюркского Каганата нам сообщают китайские государственные хроники: Чжоу-шу (завершена в 629 г. и позднее дополнена сведениями из Бэй-ши), Суй-шу (641—656 гг.) и Бэй-ши (659 г.). По их сообщениям, в IV и в начале VI вв. этническая группа "тюрк" находилась в подданстве жужаней. Они обитали среди других тюркоязычных племен на южном склоне Алтая, занимались кочевым скотоводством, но основным занятием было добывание железа и изготовление изделий из него.

В условиях Западной Монголии, где отсутствовала железная руда, производство железа ценилось очень высоко, и это было выгодно тюркам. Вся экономика и вооружение армии жужанского государства целиком зависела от уплаты тюрками дани железом и изделиями, изготовленными из него. Производство наступательного и оборонительного вооружения, а также конского снаряжения жужанской армии полностью зависело от тюркской металлургии[14].

Византийский посол Зимарх после посещения Западного Тюркского Каганата в 568 г. писал, что тюрки на сыродутных горнах изготовляли высококачественное кричное железо, которое пользовалось большим спросом и ценилось дорого[15].

В этот период укрепилось тюркское этническое самосознание. Тюркскую легенду о происхождении рода Ашины знал каждый тюрок и своим родоначальником считал волка. На знамени тюрков красовалось изображение золотой головы волка. Таким образом, возродился древний тюркский этнос. Китайские хроники пишут, что тюркский язык был известен за 25 веков до н.э.

В это время Китай был разделен на три государства. На юге от жужан и тюрков было государство Западный Вэй. Граница проходила по Хуанхэ. Западный Вэй враждовал с Восточным Вэй. Положение Западного Вэй было не блестящим. Разведка доносила правителям Западного Вэй, что Восточный

Вэй ведет переговоры с жужанским ханом Анахуаном, тюрки (ту-кю), живущие рядом с жужанями, стали переходить Хуанхэ и беспокоить китайцев.

Это известие беспокоило правителя Западного Вэй, он приказал собрать сведения о тюрках. Все собранные и зафиксированные сведения о тюрках остались для нас богатым источником о древних тюрках[16].

В 534 г. вождем рода Ашины и всех тюрков стал Бумын, он носил титул "Великий ябгу" (князь). Формально считался вассалом жужанского хана, но, опираясь на тюрков, расширил свои владения далеко на восток, исправно платил дань. Тюрки начали торговать с китайцами, меняли скот на зерно и шелк. Участились набеги тюрков через замерзшую реку Хуанхэ в Китай.

Государство Западный Вэй было слабым. Император Вэньди был занят праздниками, приемами гостей, делами государства управлял советник императора сяньбиец Юй вэнь. Учитывая сложное международное положение Западного Вэй (на востоке располагалось враждебное государство Восточный Вэй, на севере — жужанское ханство и тюрки, на западе — многочисленные огузские племена, возглавляемые уйгурами. Юй вэнь обратил взоры на тюрков.

Накопив силы более чем за 100 лет (с 439 г.), тюркюты под руководством хана Бумына начали борьбу за самостоятельность. В 536 г. первыми они подчинили 50 тысяч семей огузов, которые безуспешно боролись против жужанского господства[17]. Победа над огузами окрылила тюркютов, они обрели союзника в количестве 50 тысяч семейств. Это была большая сила. Они занимали огромную территорию.

И скоро свершилось знаменательное событие, окрылившее тюркютов. В год быка, в 545 г., посольство Западного Вэй прибыло в ставку Бумына. Таким образом, государство тюркютов получило признание у Западно-Китайского государства, обрело международное признание. Китайский историограф пишет, что это событие тюрки оценили очень высоко, оно вызвало у них чувство патриотизма.

В 552 г. Бумын начал войну против их векового врага — жужаней, разгромил в бою их основные силы и победил. Большие отряды жужаней бежали на запад в Причерноморье

и через Карпаты — в Венгрию. Там их называли аварами. Почти вся бывшая территория древнего Хуннского государства стала принадлежать тюркам. Каган жужаней Анахуань покончил жизнь самоубийством. В том же году по древней тюркской традиции Бумын был поднят на белой кошме и провозглашен каганом Тюркского Иля и получил имя Или-хан. В Великой Степи тогда мог быть лишь один каган. Женитьбой на китайской царевне он укрепил свое положение.

Так в 552 г. было создано государство тюрков — Великий Тюркский каганат. В том же году Бумын умер, престол занял его сын, принявший титул Кара Иссык-каган. После его недолгого правления на престол вступил его младший брат с титулом Мугань-каган. Он правил до 555 г. Покорив татабов (по-китайски хи), киданей и тридцать татарских племен (последних китайцы называли шивэй), тюркюты вышли к Желтому морю. Все эти три народа говорили на диалектах монгольского языка и враждовали друг с другом. На севере они подчинили енисейских кыргызов[18]. В эти же годы брат Мугань-кагана Истеми-каган достиг Аральского моря, подчинив Семиречье, Казахстан и Хорезм[19].

В 60-е годы VI в. тюркюты завоевали Государство эфталитов (белых хуннов), расположенное на территории Средней Азии, Афганистана, Индии и части Восточного Туркестана, и небольшое княжество Хотан. В третьей четверти VI в. в зависимость тюркам попали северокитайские государства Чжоу и Ци. Великий Тюркский Каганат в союзе с Византией начал войны с Ираном за контроль над Великим Шелковым путем. Шелк поступал из Китая в обмен на европейское золото. В 571 г., после похода тюрок в Иран, граница была установлена по реке Аму-Дарье. В 576 г. тюрки взяли Боспор, в 581 г. осадили Херсонес. Каганат стал обширным и экономически сильным государством.

К концу 60-х годов VI в. Великий Тюркский каганат включается в систему политических и экономических отношений крупнейших государств того времени — Китая, Ирана и Византии[20].

В 572 г. умер Мугань-хан. Его наследник Тобо-хан, пользуясь враждой между двумя китайскими государствами — Бэй-Ци и Бэй-Чжао, получил большую материальную выгоду. От

Бэй-Ци — значительную материальную ренту за отказ от набегов, а от Бэй-Чжао — платы за "союз"и готовность производить грабительские набеги во враждебные ему государства. Только от Чжоу и только в один год тюрки получили 100 тысяч кусков шелка. Союз с китайским государством Ци способствовал культурному обмену тюрков с Китаем[21].

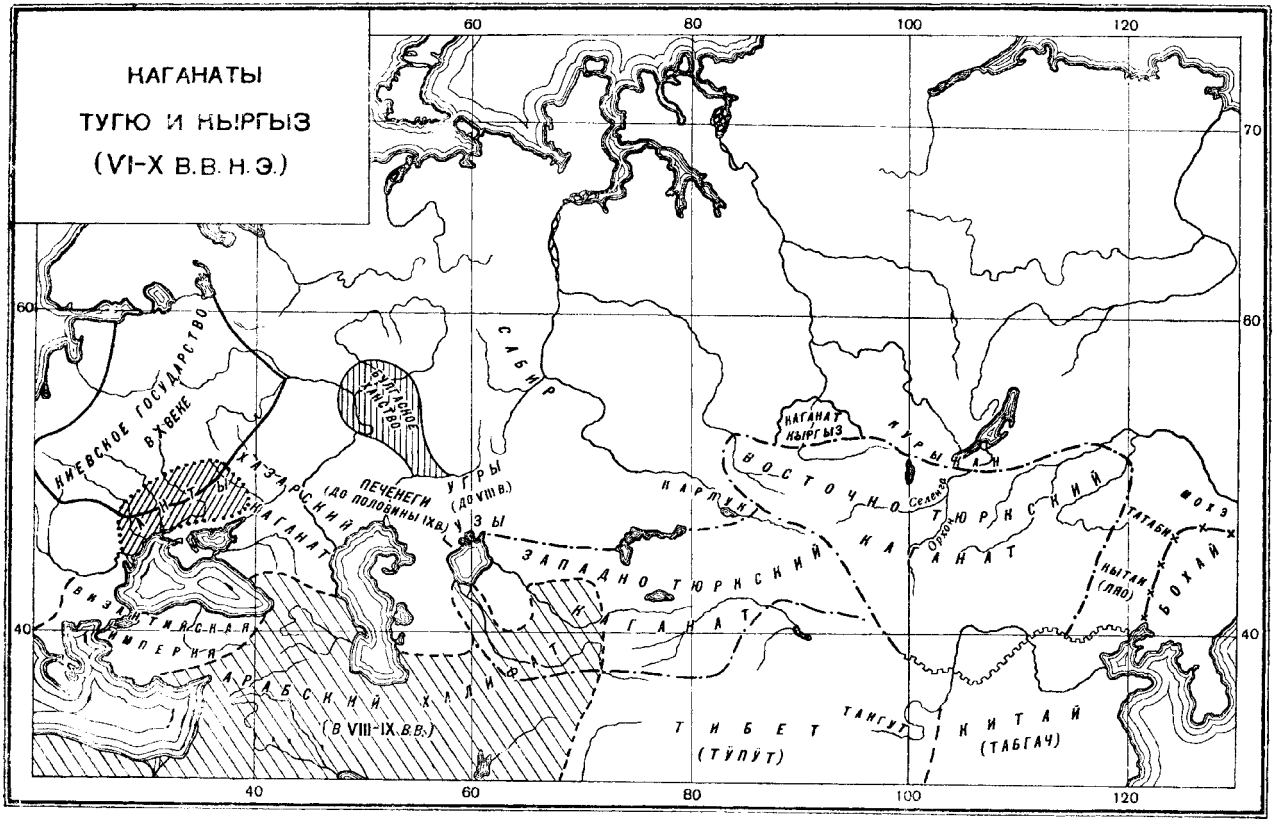
В 578 г. Тобо-хан вторгся в Китай и разбил китайскую армию. 580-й год был апогеем тюркского могущества. В 581 г. умер Тобо-хан. В том же году совершилось событие, осложнившее положение Великого Тюркского каганата. Злейший враг тюрков — генерал Ян цзянь совершил государственный переворот — свергнул в Китае династию Чжоу и основал династию Суй. Изменилась политическая обстановка — императоры суйской династии усилили агрессивную политику против тюрков.

В 70—80-е годы Каганат вел войны с Китаем, Ираном и Византией. Используя свою мощную латную конницу, тюркюты почти всегда побеждали, но эти войны истощали силы государства и приводили к обнищанию народа, приближали его гибель.

Объединенное китайское государство Суй в 587 г. подчинило Южный Китай и оно стало сильнее Великого Тюркского каганата. Положение Каганата усугублялось активным вмешательством в 581—618 гг. Китайской империи Суй во внутренние дала Каганата. Китайцы стали использовать не только военную силу, но и давно испытанный метод подкупа, шпионажа, хитрой дипломатии и провокации, как поступали их предки в борьбе с Хуннским каганатом. Китай приманил тюркскую знать предметами роскоши. Политика подкупа племенной знати была чрезвычайно активна. Это ясно излагается китайскими источниками. Родовая знать — символ естественной демократии тюрков — превратилась в ненавистную аристократию[22].

Роль подкупленных бегов усилилась при Шаболио-хане (588—600 гг.). Он воевал с Дану-ханом, в это время усилилась межродовая борьба среди тюрков, что привело к ослаблению государства. Шаболио признал себя данником Китая, послав сначала грамоту о своем подчинении Китаю, затем отправил своего сына с данью. В 588 г. дань Китаю состояла из 10000 лошадей, 20000 овец, 500 голов верблюдов и быков[23].

Войны, увлечение знати роскошью и богатством привели к обеднению народа, знать все меньше заботилась о благососто-



Каганаты Тугю и Кыргыз (VI—X вв. н.э.)

янии своего народа. Все это привело к распаду Великого Тюркского каганата на враждебные друг другу Восточно-Тюркский каганат и Западно-Тюркский каганат в 581 г. Восточный каганат был расположен на территории от Алтая до Великой Китайской стены. Его каганам удалось сплотить народ на борьбу с Китаем и еще полвека он процветал. В Восточном каганате сильным было стремление к единству тюрков и противостояние Китаю. Это сплотило воедино кагана и народ. Восточным тюркам помогло также потепление климата, что способствовало развитию скотоводства[24].

Западный каганат занимал земли от Алтая до Крыма, центральными регионами его были предгорья Тарбагатая, Сауры, Тянь-Шаня и Семиречья. Природные условия Западного каганата привели к разобщенности родов, усилились племенные вожди. Вместо прежнего унитарного государства — Тюркского иля там образовалась конфедерация десяти племенных вождей, что привело к потере престижа и силы рода Ашина[25].

Каган Западного Тюркского каганата пытался восстановить прежнюю самостоятельность государства, с этой целью в 593 г. объединил обе части Каганата, установив мирные отношения между ними. Период с 552 по 630 гг. называется периодом Первого Тюркского каганата.

После завоевания Прикаспийских и Причерноморских степей к тюркютам примкнули хазары, болгары-утургуры. Согдийцы и эфталиты были включены в состав каганата при подчинении государства эфталитов и Хорезма[26].

Среди древнего тюркского населения Восточной Европы были хазары, о них известно с IV в., после гуннского нашествия. Хазары не оказали сопротивления тюркютам, они поддержали их и не пострадали, даже ходили вместе с ними в походы, чтобы подчинить Азербайджан и Грузию[27]. После падения Первого Тюркского каганата хазары создали свое государство — Хазарский каганат. Каган и руководящее ядро хазарского государства были из рода Ашина. Сложившаяся ситуация для Хазар оказалась выигрышной. У тюркютов был опыт управления государством, сплоченность и престиж среди всех тюрков, а у хазар — воинственность и стремление создать собственное самостоятельное государство. Столицей Хазарского каганата был город Семендер в Дагестане, затем — Итиль в низовьях Волги.

Во второй половине VII в. хазары подчинили себе приазовских болгар, а также савиров в Дагестане. Кавказская Албания оказалась данником Хазарского каганата.

К началу VIII в. хазары владели Северным Кавказом, всем Приазовьем, большей частью Крыма, а также степной и лесостепной территорией Восточной Европы до Днепра. В 735 г. наступавшие с юга арабы разгромили армию Хазарского каганата. Каган и его приближенные приняли ислам. Новая религия распространилась и среди части населения. В первой половине VIII в. часть хазар приняла иудаизм. Основным занятием хазар было кочевое скотоводство, часть населения вела оседлый образ жизни, занимаясь земледелием, особенно садоводством и бахчеводством в низовьях Волги и между Доном и Донцом. Там возникали оседлые поселения. Во второй половине VIII в. Хазарский каганат установил отношения с Византией, откуда к хазарам проникло христианство. В конце IX в. государственной религией в Хазарском каганате стал иудаизм. Византия проводила политику натравливания кочевников на Хазарский каганат, что привело к его ослаблению. В X в. Хазарсий каганат перестал существовать.

В начале VII в. Предкавказье занимали два народа — хазары и болгары, включавшие племена утургур, унногундур, оногур и др., обитавших по правому берегу Кубани вплоть до Дона. В середине VI в. область низовьев Дона и Днепра занимали болгары-кутургуры. Византия страдала от набегов болгар — кутургуров на Фракию и дарами, интригами побуждала болгар — утургуров к военным действиям против кутургуров. Таким образом византийский император довел до истребления оба родственных народа.

К востоку от утургуров в районе Кумы обитало воинственное племя сабиров (или савиров). В древности они проживали в Сибири, откуда ушли на запад в начале нашей эры, оставив свой загадочный этноним как название огромной страны — Сибирь. Этническая принадлежность сабиров до сих пор является предметом спора между учеными, но преобладают доказательства тюркского происхождения сабиров. В VII в. они вели войны с Ираном. Остатки сабиров вошли в состав одного из племен тюркоязычного народа — кумуков, проживающих в настоящее время в Дагестане.

В 626 г. на Кавказе разразилась мировая война, в которой участвовали Иран, армяне, грузины под руководством Ираклия, Византия, авары и Западный Тюркский каганат. Последний подчинил Грузию, напал на Армению. Но скоро для Западного каганата начались неприятности. На востоке восточные тюркюты отняли его земли по Черному Иртышу, восстали карлуки. Поднялись племена дулу. Ханом дулу стал Кюмо Сибир-хан. К нему Китай относился отрицательно, он не хотел падения власти тюркютов и смены династии.

Трудностями Западного каганата воспользовался вождь болгар-унногундуров Кубрат, возвысившийся своими дипломатическими способностями. В 610 г. он посетил Константинополь, получил там сан патрикия, но от крещения отказался[28]. Кубрат избавился от ослабевших тюркютов. Воспользовавшись отдаленностью центра Каганата, Кубрат превратился в самостоятельного властителя, около 635 г. он нанес поражение аварам и снарядил посольство в Константинополь. Император Ираклий отправил ему дары. Скоро против аваров восстали кутургуры, их поддержал Кубрат, став хозяином Причерноморских степей и вождем кутургуров и унногундуров.

Побежденные авары продолжали относиться к болгарам-кутургурам как к покоренным. Кутургуры начали восстание против аваров, но были побеждены, часть кутургуров бежала на запад, в Баварию, но путь их был перерезан по приказу франкского короля Дагобера.

Болгары восточные пришли с Черного Иртыша в Причерноморье, присоединились к единоплеменникам — утургурам, вместе с ними образовав большой болгарский народ. Болгария граничила на востоке с враждебными хазарами, на западе — с аварами, на юге — с Византией. Тем не менее Кубрат довел Болгарию до уровня Великой державы. Кубратская Великая Болгария просуществовала до 679 г.[29]

В начале VII в. владетель Западного Тюркского каганата Кара-Чурин Богю-хан пропал без вести. После смены еще двух ханов в течение короткого времени наследником престола оказался младенец с титулом Нигю Чуло-хан Таман. Ослаблением власти воспользовались правители племенного союза дулу. До этого верховным военным, гражданским лицом и верховным священнослужителем были каганы и ханы, а в Западном

каганате в этот период беги лишили хана этой должности. По установившейся традиции каганы два раза в год сами совершали обряд жертвоприношения Тенгри, с проповедями. А теперь обряд совершал один из бегов из племен дулу, тем самым принижая значение рода Ашины и ханской власти[30].

В Западном каганате начались распри. Империя Суй усилила провокационную дипломатию. От Каганата стали отходить подчиненные племена.

В 604 г. вновь произошло разделение Каганата на Восточный и Западный. В Восточном каганате ханом стал Жангр, в Западном — Чуло-хан. В 618 г. неспособного Чуло -хана убили во время заговора. К власти пришел Шегуй-хан, прежняя власть восстановилась, тюркюты вновь стали во главе государства. Сила еще сохранялась при Джабгу-хане, который сумел сотрудничать с хазарами и болгарами[31].

Почувствовав опасность усиления самостоятельности тюрков, китайские правители пустили в ход давно испытанный метод — способ подкупа и провокационной дипломатии. Суйское правительство стало практиковать проведение пышных праздников, сопровождаемых подкупом, одариванием и роскошными угощениями. Один из таких "дружественных" праздников с богатыми дарами был устроен в 607 г. для Жангар-хана и 3500 старейшин. С 610 г. праздники стали регулярными и проводились в Лояне. Для гостей беспрестанно играли 18 тысяч музыкантов, их безвозмездно кормили и поили с целью убедить "вассалов", что Китай настолько богат, что за вино и пищу плату не берет[32].

В 630 г. китайские войска при поддержке телесских племен разбили Восточно-Тюркский каганат и он на 50 лет попал в зависимость от Китая. Тюркские племена были расселены на севере Ордоса и Шаньси. 500 наиболее уважаемых старейшин были назначены "военачальниками". Тюрки были обязаны участвовать в войнах Китайской империи. На небольших площадях, отведенных китайскими властями, тюрки не могли пасти свои стада, жизнь их ухудшилась. В рунических памятниках Кошо-Цайдама рассказывается о причинах антикитайского восстания тюрков, который начался в 679 г.[33]

В 659 г. Китай, используя силы подчиненных соседей, разгромил Западный Тюркский каганат. Период 630—680 гг. был

тяжелым для восточных и западных тюрков, они служили китайской империи Тан, которую по старой привычке тюрки называли Табгачской. В этот пятидесятилетний период Китай формально сохранил "ханский"титул" для тюрков, но самостоятельности не было. Эти годы были периодом замены родового строя феодальными порядками. Дань с огромной территории тюрков поступала. Знать пыталась освободиться от зависимости Китаю, но лишь с целью, чтобы оставить себе всю собранную дань. Рядовые тюрки не соглашались с потерей самостоятельности, неоднократно восставали, но у них не было руководителя, а знати было неплохо и в составе Китая.

В критичесие периоды истории верхи почти всегда предают интересы своего народа, лишь патриоты встают на его сторону. В 679 г. при Чеби-хане началось одно из грандиозных восстаний против Китая, которое продолжалось до выступления Гудулухана. Руководителями народного восстания были Ашина — Ниши-хан, затем — Фунян. В 681 г. началось восстание под руководством Гудулу. Он, по-видимому, был одним из богатых бегов, поэтому объявил себя ханом под титулом Эльтерес-хана[34].

В антикитайском восстании 681 г. тюрки победили, и в 682 г. Кутлуг Эльтерес-хан вновь возродил Восточно-Тюркский каганат. О нем много пишется в памятниках Кюль-тегина, Могиляна, а также Тоньюкука и на Онгинском камне. Для освобождения тюрков сделал многое Тоньюкук. Он воспитывался в Китае, за какие-то проступки сидел в тюрьме и отпросился на свободу, чтобы якобы бороться против тюрков. Получив свободу, он соединился с тюрками и возглавил их борьбу против Китая. Надпись Тоньюкука является крупным политическим документом своей эпохи, декларацией оппозиции против продавшейся тюркской верхушки. Тоньюкук становится советником ханов, военачальников, его называют "мудрым".

Идеолог тюрков Тоньюкук не только излагает ход сражений против Китая и против племен, окружавших тюрков, но и произносит обвинительную речь в адрес тех, кто впоследствии забыл заслуги его и Эльтерес-хана. Он обвиняет тюрков в том, что они предали хана и отдались Китаю. Затем перечисляются события. Сам текст надписи памятника Тоньюкука говорит о том, что он сочинен им самим и памятник поставлен при его жизни[35].

С 681 г. начинается история Второго Тюркского каганата. С 681 по 745 год тюрки были хозяевами Великой степи. При Капаган-кагане (691—716) Восточно-Тюркский каганат на короткий срок расширил свои границы от Маньчжурии до Сырдарьи. Но в дальнейших походах в 712—713 гг. тюрки потерпели поражение от арабов. Дальнейшая история Восточного каганата подробно описана в орхоно-енисейских надписях. Усиление агрессии китайской империи Тан совпало с распрями и народными восстаниями.

Капаган-хан, используя государственный переворот в империи Тан, принудил китайцев к позорному миру, вернул тюрков со службы в китайской армии. Потом одержал победу над восставшими уйгурами. Но скоро опасным врагом Каганата стало Кыргызское государство, которое к тому времени было более сильным, чем Восточный каганат. Своей решительностью Капаган и здесь одержал победу[36]. Но он боялся предательства своих сородичей и поэтому посылал их в самые опасные походы. Капаган-хан пошел на хитрость для завладения престолом ради своего сына, носившего титул "Кучук-хан". Капаган-хан хорошо разбирался в людях, умел подбирать на решающие посты нужных людей, сумел склонить к себе бегов. Шадом таргушей он назначил своего старшего племянника Могиляна, а это был самый опасный участок — западное крыло войска. 17-летнего Могиляна и его 16-летнего брата Кюль-тегина Капаган (оба царевичи) послал на войну в Джунгарию, захваченную тибетцами. Джунгарию у тибетцев стремились отнять танские табгачи. Джунгария была выгодным регионом — через нее проходил Великий Шелковый путь, приносящий большие доходы. Могилян и Кюль-тегин заняли Джунгарию, отбросили на запад остатки хуннов Юебань, подчинили согдийцев, расположенных также на этом пути. В 701—706 гг. Кюль-тегин разбил табгачей, стремившихся к Шелковому пути. Могилян и Кюль-тегин стали самыми популярными героями тюрков[37]. Затем Могилян и Кюль-тегин усмирили племена "уч-огуз" (карлуков), "отуз-огуз"(басмалов), азов, курыкан, байыку, токуз-огузов (уйгуров). Несмотря на крупные победы, положение Восточного Тюркского каганата было непрочным. Об этом пишет в своем памятнике мудрый Тоньюкук: только крупных врагов тюрков было три — в Западном Тюркском каганате

главенствовали тюргеши, враждебно настроенные против Восточного каганата, с востока угрожала империя Тан, с севера — Кыргызский каганат, который был сильнее восточных тюрков.

В 715 г. сложилась критическая ситуация для Восточного каганата — восстали все покоренные племена: карлуки, западные тюрки, татабы, кидани, изгили, уйгуры, байырку стали защищать свою свободу. Тоньюкук помог мудрыми советами, Кюль-тегин, в одиночку, богатырски сражался с врагами. В этот критический момент Капаган назначил своим наследником сына — "Кучук хана". С помощью воеводы Алып-Эль этмиша Кюль-тегин казнил "Кучук-хана", сам встал во главе всех войск, а на престол посадил своего брата под титулом Бильге-хан. Тоньюкук, Кюль-тегин, Бильге-хан блестяще спасли Восточный каганат. С 722 по 741 гг. в нем воцарился мир. В 727 г. был заключен мир с Китаем, по этому соглашению он ежегодно платил дань — по 100 тысяч кусков шелка.

В 731 г. умер непобедимый полководец восточных тюрков Кюль-тегин. В 734 г. отравили Бильге-хана. Сын Бильге-хана Йоллыг-тегин, заняв восточный престол, правил до 742 г. Могилян умер в 733 г. При правлении последующих ханов — сына его Ижаня — (умер в 739 г.), младшего брата Ижаня Бигя — Гудулу (739—742) продолжалась междоусобица. Последний хан Восточного Тюркского каганата Баймэй-хан Хулунфу, "выбранный" на "престол" в период больших смятений, не был даже представителем тюркской династии[38]. 745 г. Восточный Тюркский каганат был разгромлен уйгурами. Все эти события, начиная с воцарения Капаган-хана до 716 г., описаны в орхонских памятниках. Кюль-тегин, Тоньюкук, Могильян, Бильге-хан в течение 42 лет не только решали судьбу государства, но и оставили для поколений историю своих подвигов, указали причины падения государства. Этот героический и тревожный период истории тюрков не может подвергаться никаким фальсификациям, т. к. эта история написана теми, кто совершал подвиги.

Обособление знати, дальнейшая агрессия Китая, недовольство народа привели к распаду Восточного Тюркского каганата на удельные владения и гибели государства. На его месте возникло новое тюркское государство — Уйгурский Каганат, просуществовавший с 745 по 840 год.

Агрессия Танской империи дошла и до Западного Тюркского каганата. В 658—659 гг. он был оккупирован китайскими

войсками. В 704 г. Каганат освободился от китайской зависимости, однако близость таких государств, как Китай, Иран, Византия и др., а также внутренние противоречия привели Западно-тюркский каганат к гибели в 740 г.[39]

В середине VI в. Великий Тюркский каганат впервые объединил все племена и народности, населяющие Великую Степь Евразийского материка. Образование тюркского государства на просторах от Великой Китайской стены, а потом от Желтого до Черного моря и от Аму-Дарьи до верховий Ишима привело также к широкому распространению тюркской речи.

Нелегко было правящему крылу тюркютов — роду Ашина образовать такую огромную державу, но еще труднее было создать жизнеспособную социально-политическую систему. Тюркюты ее создали и назвали "иль" ("эль"). В центре этой системы управления государством была "орда" — ставка хана с семейством, слугами и, конечно, воинами.

Верховный правитель тюркютов назывался каган, (qagan — с гортанным "g"), реже кан (qan). Каган считался земным представителем верховного бога — Тенгри. Большими полномочиями обладала жена кагана — катун (qatun). Она также признавалась земным отражением женского божества — Умай. Каган был вождем отцовского рода, а катун — представительницей женского рода[40].

Первым лицом в государстве после кагана был ябгу. Он был из правящего рода. Но не любой ябгу был наследником престола. Наследник назывался тегином. Должность шад занимали принцы. Все высшие должности занимали лица из рода Ашина. Над каждым племенем были беги, которые подчинялись только кагану. Многие беги выбирались из среды данного племени по имущественному признаку[41]. Начальники низших чинов были из разных родов, но у каждого из них была своя орда с воинами и военачальниками. В период создания Каганата там господствовал родовой строй. Он был патриархальным, существовал левират. Дети принадлежали роду отца. Плано Карпини пишет: "Жен же каждый имеет столько, сколько может содержать; иной сто, иной пятьдесят, иной десять, иной больше, иной меньше, и они могут сочетаться браком со всеми вообще родственниками, кроме матери, дочери, сестры от той же матери. На сестрах же только по отцу, а также на женах отца после его смерти они могут жениться.

А на жене брата другой брат, младший, после смерти первого или иной младший из родства обязан даже жениться. Всех остальных женщин они берут в жены без всякого различия и покупают их у родителей очень дорого"[42]. Каждая жена имела юрту. Женщина занимала сравнительно высокое положение.

Существовала жесткая иерархическая система. Ябгу и шад были наместниками над племенами и становились князьками. Кроме них, существовали буюруки — подчиненные кагану начальники отрядов, которым иногда давались поручения. В этой системе были еще тарканы — сборщики дани. Эльтебером назывался глава племени, входящего в Каганат. Тутук — глава более мелких подразделений. В зависимости от родового старейшины — бега были кадаш — простые граждане. Все эти люди в совокупности представляли будун — общество. Свое общество тюрки называли "тюрк будун" и высоко ценили свою принадлежность к нему. Все члены "тюрк будуна" — от ябгу до простого кадаш имели обязанности перед "тюрк будуном". Эль — это не государство, а совокупность союза аристократии и союза кара будун. Тюркский эль — это государство народа с четкими обязанностями и правами каждого, кроме рабов. Таким образом, тюркское государство несло в себе черты Афинского государства, только с различием — афинское общество было рабовладельческим, а тюркское — ранней формой сложения примитивных феодальных отношений с сохранением патриархального рабства.

Существовала четкая система терминов родства: сын — огул, дочь — кыз огул, младший брат — ини, старший брат — ачи, старшая сестра, тетка — апа, младшая сестра — сенел, мать — ог, кровный родственник — карундаш. Дети — пленники и дети наложниц могли быть усыновленными, но они различались. В надписях пишется: уз оглум (собственный сын) и казгакум оглум (купленный сын). В надписях встречаются термины: адаш — тезка, йолдаш — попутчик, кадаш — сообщник[43].

Кроме свободных скотоводов, земледельцев, ремесленников в каганате были и рабы. Их называли кул. Рабами становились военнопленные, существовало и долговое рабство. Если в хуннском обществе не было продажи рабов, то у тюркютов рабы продавались, но внутри страны. Рабы исполняли военные и мирные работы. Их использовали на строительстве оборонных сооружений, в земледелии и других работах. Основным производителем был не кул — раб, а кара будун (черный народ).

Главной обязанностью кагана и буюруков было "прокормление народа", о чем часто упоминают надписи. Высшей оценкой умершему кагану в памятниках является утверждение "он хорошо кормил свой народ". Главное требование "тюрк будуна" своему кагану содержится в надписи Бильге-кагана: он должен "не сидеть без дела днем и не спать ночью". Советник Бильге-кагана умный Тоньюкук главным горем и бедой народа считает, когда каган народа оказывался бездельником. На памятнике Йоллыг-тегина написаны его мысли о причинах падения Первого Тюркского каганата: "Сели на царство неразумные каганы, сели на царство трусливые каганы! А их буюруки также были неразумны, были трусливы!"[44]

Доходы государству поступали в виде натуральной дани, отдаваемой кагану бегами, в свою очередь они собирали налоги от своего рода. В казну попадала часть военной добычи. Доходы государству поступали и от торговли, но они были незначительными. В стране не было своих денег, существовал натуральный обмен[45].

Основной обязанностью членов рода была военная служба. Главной формой хозяйства являлось скотоводство, соединенное с земледелием и домашними ремеслами. Ремеслами занимались в основном в зимнее время. Затем появились и профессиональные оседлые ремесленники. Самой мелкой экономической единицей была семья, которая имела частную собственность — скот, землю. Рабы и наложницы становились членами семьи. Были семьи по экономическому положению бедные — чигай и богатые — бай.

Покоренные народы при добровольном подчинении оставляли своего хана при обычном порядке. Эти народы не только должны были платить дань, они были обязаны также участвовать в походах, организованных тюрками.

Соседство феодального Китая и полувековое подчинение в 630—680 гг. этому государству постепенно повлияли на иерархическую систему тюрков.

Со всех концов огромной державы каганам поступало огромное богатство в виде дани. Л. Н. Гумилев приводит слова армянского историка Моисея Каганкатваци о системе обложения подданных в Великом Тюркском каганате. "Князь севера... отправил смотрителей за всякого рода ремесленниками, имеющими познания в золотопромывании, добывании серебра, желе-

за и выделке меди. Он требовал также пошлин с товаров и ловцов на рыбных промыслах великих рек Куры и Аракса, вместе с тем и дидрахму по обыкновенной переписи царства персидского"[46]. Кроме того, два китайских государства платили Тюркскому каганату ежегодную дань, Иран и Византия приносили дары в виде компенсации за мир или союз[47].

Византийский посол Менандр, посетивший Западный Тюркский каганат в 584 г. описывает огромные богатства Истеми-кагана. Каган сидел в шатре, обвешанном разными шелками. "Дизавул (так он назывет Истеми-кагана) сидел на ложе, которое все было из золота. На середине этого помещения были золотые сосуды и кропильницы и бочки также золотые". На следующий день они были в другой комнате, где изобиловали золотые и серебряные изделия[48]. Немалые богатства накопили и родовые старейшины. Ставка кагана из Алтая была перенесена на реку Орхон. Постепено в каганате, наряду с сохранением военной демократии, начинают складываться раннефеодальные отношения. Рост богатства в руках бегов привел в 582—603 гг. к усилению родовой аристократии и стремлению управления завоеванными территориями, что вызвало острый политический кризис между правящей верхушкой и родовыми старейшинами и усобицу между последними.

При создании Великий Тюркский каганат, кроме тюркских, объединил ряд разноязычных, этнически разнородных племен. Его ядром были племена, населявшие районы Алтайского горного узла. В 536 г. они включают в свой состав племена теле. В свою очередь теле также представляли собой коалицию ряда племен, которые обитали к юго-западу от Алтая, по соседству с коалицией тардушских племен. Позднее из теле вышли уйгуры, дуба, курыкане, теленгиты, байырку и гянь-гуни (енисейские кыргызы).

В других регионах Великой Степи также жили тюркоязычные племена. В бассейне Черного Иртыша и Урунгу обитали карлуки — часть тюркютов. В Центральном Тянь-Шане на реке Или — тюргеши, а к западу от них — карлуки; в Юго-Западной Джунгарии — нешети; на реке Манас и к востоку от нее — хулуши; в восточной части Джунгарии — басмалы и там же шато — остатки среднеазиатских хуннов[49]. В орхонских надписях упоминаются народ кенгерес (печенеги) и

тюргеши, которые жили по среднему течению Сыр-Дарьи. От Черного Иртыша до Сырдарьи обитали многочисленные племена — кыпчаки. О них пишут самые древние китайские источники и их происхождение китайские историки связывают с динлинами, а родиной кыпчаков указывают Ордос — северный берег Хуанхэ[50].

В Средней Азии с древних времен жили тюркские племена. Исследователь Б.Х. Кармышева установила, что 1200 лет тому назад — в VII—VIII вв. в Средней Азии до тюркютов жили тюрки, потомки которых в настоящее время живут обособленно от узбеков, считая себя выходцами из восточного "Татарстана"[51].

В Минусинской котловине жили кыргызы. Севернее кыргызов, в лесостепях Южной и Западной Сибири задолго до нашей эры жили различные народы: с VII по IV вв. до н.э. — племена скифского союза, с III в. до н.э. по IV в. н.э. — племена сарматского союза. Археологам предположительно известно, что в хунно-сарматское время, около рубежа н.э., тюркоязычными были этнические общности, имевшие различное происхождение, разный антропологический тип и своеобразие археологической культуры. Существовали конкретные тюркоязычные этнические группы и народности, взаимодействующие как между собой, так и с другими соседними иноязычными этносами. Складывались и расходились племена, образовывались новые. Такие этнические процессы происходили и в период существования Великого Тюркского каганата. Но у них еще не было объединяющего названия — тюрки. Это название у всех тюркоязычных племен появилось после их объединения вокруг рода Ашина[52].

Соседство большого тюркского мира способствовало постоянному проникновению в Западную Сибирь различных тюркских племен. В этом регионе жили не только тюркские племена. Археолог А. П. Окладников писал: "Этническое разнообразие Сибири в VIII в. было значительно больше, чем в XVIII в. Были многочисленные остатки различных народов, за 2000 лет перед этим стоявшие на пути интенсивного развития[53].

Китайская традиция связывает ту-кю с хуннами. Прямую связь тюрок с хуннами проследить невозможно. В тюркских письменных памятниках нет упоминания о связях тюрок с хуннами. Не совпадают и тотемы хуннов и тюрок. Тотемом

хуннов был бык, а тотемом последних — волк. Тем не менее китайские источники доказывают наличие связи тюрок и хуннов. Объединительное название некоторых тюркских племен — огуз (бык) является связывающим звеном между ними. Восточный Туркестан и некоторые прилегающие области населяли уч-огузы и токуз-огузы. Уч и токуз — количество родов в племени. Огуз — название племени в составе конфедерации теле. Некоторые тюркоязычные племена существовали параллельно с хуннами, некоторые образовались от смешения хуннов с другими племенами. Несмотря на многочисленность тюркоязычных племен, не существовало ни союза, ни их общего названия. Термин "тюрк" от названия правящего рода Ашина стал этнонимом всех тюркоязычных племен.

Самыми древними племенами, включенными в состав Великого Тюркского каганата, были тюркоязычные усуни и монголоязычные сяньбийцы. Они существовали с хуннского периода. Жужане образовались позже из разных китайских разноплеменных перебежчиков, принявших монгольский язык. В Западной Монголии жили кидани, племена монгольской группы. К непосредственным создателям Каганата относились огузы, карлуки, гянь-гуни (енисейские кыргызы), тардуши, толесы, чики, тюргеши, уйгуры и немногочисленные тонгра, басмылы и др.

На востоке представителей рода Ашины — тюркютов было больше, они здесь были более спаянной этнической группой. На западе была другая картина. Среди огромной массы тюркских племен тюркютов там было совсем немного. Несмотря на малочисленность, тюркюты благодаря своей сплоченности смогли сплотить вокруг себя тюрков Семиречья, Средней Азии, Прикаспия и Кавказа. В западной части Каганата, кроме тюркютов, были влиятельные тюркские племенные союзы. Одними из таких были союз племен дулу в Западной Джунгарии и Семиречье и племенной союз нушиба в Западном Тянь-Шане. Но дулу и нушиба признавали руководство тюркютов[54]. Древние авторы отмечают умение тюркютов находить общий язык с подчиненными народами. Даже арабы, пришедшие с войной против Каганата, отметили удивительную способность тюркютов находить общий язык с народами завоеванных территорий[55].

В период завоевания тюркютами Средней Азии, несмотря на почти полное отсутствие единой политической власти, экономически процветала Согдиана, особенно развивалось земледелие.

Завоеванием новых земель и увеличением размеров государства тюркютские каганы поставили судьбу империи на грань опасности. Нелегко было управлять таким государством и обеспечивать его безопасность.

Проанализировав ход исторических событий в Центральной Азии, Северном Китае, Восточной Европе и на Ближнем Востоке, Л. Н. Гумилев делает вывод, что на рубеже VI—VII веков в этих регионах наблюдался пассионарный толчок. Увеличилась активность людей, они сломали старые социальные и этнические перегородки, преобразовывались в новые этносы, возникали новые государства, преобразилась политическая карта этого огромного региона Европы, и особенно Азии[56].

Хозяйственная жизнь народов Великого Тюркского каганата была разнообразной. Главным занятием тюркютов Ашины было добывание железа. Тюркоязычные племена Южного Алтая и до прихода рода Ашина занимались этим, добывая железо и изготовляя из него различные изделия, военные доспехи и конское снаряжение, прежде всего по требованию жужанского хана. Тюрки постепенно готовили свое освобождение. Большинство занималось металлургией. Определенная часть из них была занята скотоводством. После того, как немного окрепли, тюрки стали менять у китайцев изделия из железа на продукты. А после столетней подготовки восстали и победили жужан.

Металлургия оставалась основным занятием тюрков, проживавших на Алтае и в период каганата, однако по мере развития скотоводства, земледелия, домашнего ремесла и торговли производство изделий из железа немного сократилось. Тюрки производили предметы вооружения, конского снаряжения, охоты, быта. Железо добывалось и в Минусинской котловине. Благодаря развитию металлургии Каганат содержал мощную латную конницу[57]. Тюрки, проживавшие на Алтае, в Минусинской котловине и сопредельных территориях, были превосходными металлургами. На своих сыродутных горнах они призводили высококачественное кричное железо. Из него изготовляли всевозможные изделия, прежде всего наконечники стрел и луков для охоты и вооружения армии. Благодаря металлургии тюркская латная конница считалась лучшей в Евразии. Делали кольчуги. У знати кольчуги украшались золотом и серебром. Раскопки погребений VI—VIII веков в Монголии говорят о наличии у орхонских тюрков развитого кузнечества и других видов металлургических ремесел.

Высококачественное оружие — свистящие наконечники стрел, сложные луки, латы, копья, палаши и сабли, а также принадлежности сбруи — все это является образцом степной техники того времени. Из железа производились разнообразные предметы быта, археологами, например, найдены железные сошники. Железные изделия были надежной валютой внутренней торговли. Их обменивали на необходимые изделия и предметы в соседних государствах, прежде всего на хлеб. На высоком уровне было налажено изготовление изделий из золота. Этого драгоценного металла у каганов, бегов и другой знати было много. Золото добывали на Алтае, оно поступало в виде дани, таможенных платежей на Великом Шелковым пути[58].

Воинская служба была главным делом всех слоев тюрков. В походах они участвовали примерно два-три раза в год. Остальное время были заняты мирными делами. Основным из них было кочевое или полукочевое скотоводство. Больше всего разводили лошадей, овец. Крупный рогатый скот создавал неудобства для кочевки, т.к. зимой он не мог добывать корм из-под снега. В большом количестве его разводили там, где зимой снега было мало. Но в определенном количестве его разводили повсеместно из-за ценного продукта — молока. Разводили и верблюдов. Для тюрков лошадь была не только средством транспорта, но и надежным источником питательного мяса и молока, из последнего делали кумыс.

Китайские историки представляют тюрков лишь как кочевых скотоводов, другие стороны их материальной жизни китайских летописцев почти не интересуют. Сведения о других занятиях летописцы дают при описании кочевого быта тюрков. Скот, передвижные войлочные юрты, их обстановка, быт кочевой жизни нашли отражение в китайских летописях. О том, что у тюрков было развито кочевое скотоводство, говорят и археологические материалы. Основной формой погребения оставалось захоронение человека вместе с конем в полной седельной сбруе. В загробный мир тюрок должен был отправляться всадником. Летом скот пасся на богатых пастбищах альпийских лугов, на зиму подтягивался ближе к зимовкам, на склоны долин. Археологами не обнаружены орудия труда для заготовки кормов, существовавших в Минусинской котловине. На первом месте была лошадь. Их скелеты, по одному, по два, по три археологи

обнаруживают в могилах. На втором месте были овцы. У тюрков в основном существовала аильная система кочевого скотоводства, при которой каждая семья имела свои пастбища и кочевала своей семьей. В пограничных опасных местах была куренная система скотоводства: несколько семей объединялись и вместе пасли свой скот, шатры и скот на ночь окружали телегами и организовывали коллективную охрану.

Мы отмечали, что в пазырыкский период на Алтае существовало земледелие и для орошения полей строились ирригационные сооружения. Несомненно, земледелие играло у тюрков определенную роль и в каганатах. Развитию земледелия способствовало традиционное наследие племен, занимавшихся этим занятием в пазырыкский период.

В целях сохранения независимости от Китая каганы пытались реорганизовать старое мотыжное земледелие кочевников на более широкой основе, как в Китае. Например, Мочжо-каган потребовал у китайцев 100000 ху проса на посев и 3000 земледельческих орудий труда. Находки в Забайкалье и на Енисее чугунных китайских плугов с отвалом говорят о наличии даже в самых северных районах каганата китайской земледельческой техники. Можно предполагать, что возделываемые участки были прежде всего на зимниках. На это указывают, хотя и редкие, следы оседлых поселений[59].

Значительную роль играла охота. Археологические находки свидетельствуют, что тюрки охотились на крупных копытных и пушных зверей. Крупные травоядные обеспечивали их мясом и кожей, пушные звери — мехом. Кроме того, пушнина была предметом обмена. С китайцами тюрки вели меновую торговлю, меняли мех, кожу, мясо на хлеб, предметы быта.

В погребениях встречаются куски пушного меха. Способы охоты были самые различные: стрельба из лука, использование капканов, ловушек, самострелов. В степях Азии тюрки занимались облавной охотой на копытных и реже — на пушных животных.

У покоренных племен Минусинской котловины, Хорезма и некоторых других было развито земледелие, в т.ч. ирригационное.

О занятии тюрков рыболовством свидетельствуют изображения двух рыб на седле, обнаруженном в кургане в Кудыргэ.

На высокой ступени развития была обработка цветных металлов — бронзы, серебра и золота. Из них изготавливались

личные и сбруйные украшения. Археолгами обнаружены различные предметы украшения из костей и рогов[60].

Через Каганат проходил Великий Шелковый путь, который находился под контролем государства. Шелк тюркюты получали из Китая. Первому Тюркскому каганату два китайских государства — Бей-Чжоу и Бей-Ци охотно платили дань за военную помощь или даже за нейтралитет. В VI в. шелк был валютой и ценился в Византии высоко, наравне с золотом и камнями[61].

Великий Шелковый путь — это караванная дорога из Китая в страны Средней и Передней Азии, открытая во II в. до н.э. Он соединял Запад и Восток, начинался в Чаньани и шел вдоль склонов Наньшаня, оттуда к Турфану и Гаочану. От Гаочана шелковый путь раздваивался. Северная дорога проходила через Турфан, далее пересекала Памир и шла в Фергану и казахские степи, через Яркенд вела в Бактрию. Южный путь — от Гаочана по южной Джунгарии через Урумчи в долину реки Или в Среднюю Азию, дальше в Хорасан, в Сирию и Константинополь. От Желтого моря до г. Герата путь продолжался 150 дней, оттуда до римской границы — 80 дней. Великий Шелковый путь сыграл большую роль в развитии экономических и культурных связей разных государств[62].

Во время Великого Тюркского каганата население весьма обогатилось. Во-первых, добыча поступала со всех сторон, во-вторых, дань из рук ханов поступала к их приближенным и, в-третьих, замирание степи и прекращение постоянных грабежей благотворно повлияло на развитие скотоводства. Богатство не растрачивалось, не делилось, сохранялось в больших семьях.

В Великом Тюркском Каганате часть населения жила в оседлых аулах, в столбовых граненых юртах, занимаясь пашенным земледелием и пастушьим скотоводством. Выращивали пшеницу, ячмень, просо, коноплю, рожь[63].

В эпитафии Кюль-тегина, Бильге-кагана и Тоньюкука употреблены тюркские термины: "балык" — город, "балыкдакы" — горожане, "барк" — здание. Также указано строительство столицы и храма[64].

Были развиты домашние промыслы. Занимались обработкой дерева: изготовляли посуду, детали юрты. Производили также керамические изделия. Хозяйство было натуральным, но существовал обмен. Была широко развита внешняя торговля с Китаем, Ираном, Византией и др.

Тюркюты домов не строили, жили в юртах и кибитках, удобных в условиях степи. Для изготовления юрт использовались деревянные конструкции и войлок. Бедные племена, проживавшие в лесистой местности, для этих целей использовали вываренную бересту[65].

Главным богатством тюрков был скот, как рабочий, так и продуктивный, находящийся в частной собственности. Главным средством производства была земля. Верховными собственниками и распределителями всех земель был каган и его представители на местах. Пахотная земля предоставлялась в пользование отдельным семьям — сначала на время, потом навсегда, переход ее в полную частную собственность совершался постепенно. Брак постепенно становился моногамным. Отдельная семья становится хозяйственной единицей общества. Показателем имущественного неравенства являются курганы, резко различающиеся по размерам и богатству сопровождающего инвентаря погребенных.

Войны раньше велись с целью защиты или расширения территории, в период Тюркского каганата стали средством грабежа, становились постоянным промыслом[66].

Основной пищей тюрков в летний период было молоко, главным образом кисломолочные продукты. Его заготавливали и впрок, на зиму. В зимнее время употреблялось мясо, но часто его не хватало. В оседлых регионах основной пищей были хлебные продукты. Мясо и шкуры кочевники также меняли на крупу и муку. Широко использовались в пищу продукты собирательста: орехи, дикорастущие ягоды, коренья, в основном кандык и сарана. Добывание пищи было одной из основных забот тюрков, детей и пожилых людей. Из напитков тюрки использовали кислое молоко, в т.ч. кумыс. Использовались отвары трав. Тюрки изготовляли ячменную и молочную водку.

В исторической литературе многократно затрагивались отдельные аспекты вопроса об облике древних тюрков, их физическом типе, прическе, одежде, украшениях и др. Однако выводы обычны были противоречивыми. Палеоантропологические исследования позволили прийти к выводу, что древние тюрки на востоке своего расселения (Монголия, Прибайкалье, Тува) характеризуются преобладанием монгольского расового типа, а на крайних западных территориях своего проникновения имеют наибольшую европеоидную примесь. Для древнетюркских камен-

ных изваяний характерна передача смешанного физического типа. Среди них мы можем найти отдельные изваяния скорее европеоидного, чем монголоидного облика[67]. Согласно точке зрения большинства исследователей, тюрки носили косы, некоторые исследователи настаивают на том, что древние тюрки носили длинные волосы, распущенные по плечам. Значительное число каменных изваяний свидетельствут, что тюрки носили усы и бороду.

На значительной части изваяний изображены головные уборы — округлые, вероятно, меховые шапочки, головные уборы в виде усеченного конуса, шапки типа ушанок и такие же шапки, но с опускающимся на затылок выступом[68].

Тюрки носили одежду, изготовленную из кожи и войлока. Обувь была кожаной. Знали ткачество, местами носили одежду из естественных волокон — крапивной пряжи и др. Одежда запахивалась справа налево. Существенной частью одежды тюрков был кожаный пояс, богато украшенный нашивными бронзовыми, серебряными и золотыми бляхами и пряжками. Пояса указывали на социальное положение носившего. Их сапоги, по-видимому, не отличались от тех, которые еще в XIX в. носили тюрки Алтая. Женщины и мужчины носили бронзовые, серебряные или золотые серьги. Костюм мужчины дополнялся обычно оружием, висевшем на поясе, — кинжалом или мечом[69].

Для изготовления юрт использовались деревянные конструкции и войлок. Бедные племена, жившие в лесных регионах, для этих целей использовали вываренную бересту.

Тюркютская армия была регулярной конницей, приспособленной к боевым действиям в степях и в горах. По наскальным изображениям, на верхнем Енисее тюркский воин "тяжеловооруженный всадник, одетый в пластинчатую броню от шеи до бедра, с рукавом до середины предплечья, с круглым щитком на груди, с мечом и колчаном у пояса, с боевой гирей в правой руке"[70].

Это изображение дополняет археологический материал, обнаруженный С.В. Киселевым при раскопках. "Всадник без головного убора... Полудлинный кафтан перетянут поясом. Сапоги мягкие, без каблуков. С правого бока висит колчан, расширяющийся книзу. Лук сложный, в виде буквы М. Конь степной, шрокогрудый, с подтянутой гривой и завязанным в узел

хвостом. На нем седельная сбруя; седло твердое, невысокой пупой... Бляха воина датируется VII веком"[71].

Тюрки в совершенстве владели оружием, почти всегда доводили бой до рукопашной схватки, проявляя ловкость и бесстрашие. К воинскому званию готовились поголовно с малых лет постоянными упражнениями, развивая в себе силу мышц и ловкость во владении копьем и луком. Народное правосознание тюрков вылилось в преклонение перед силой. Нравы их были суровы, законы жестоки. За возбуждение волнений в народе, измену, убийство, похищение стреноженной лошади полагалась смертная казнь. Виновный в изнасиловании замужней женщины подвергался сначала кастрации, а затем рассечению пополам. Растлитель девушки покрывал свое преступление немедленным браком и большой оплатой. За увечье в драке потерпевший получал его имущество, иногда отбирал его жен и дочерей.

У тюрков существовало сословное деление — белая и черная кости, которых у хуннов не было. Все управительские должности были наследственными, их могли занимать лица привилегированного сословия. Брак между простолюдином и женщиной этого сословия не допускался[72].

Китайский император суйской династии дал такую характеристику тюркам: "Сила тюкю заключается в верховой езде и стрельбе из лука. Они бушуют, как буря и молния и не знали устойчивого боевого порядка. Лук и стрелы являются их когтями и зубами, а кольчуги и шлем — повседневным одеянием. Они поселяются там, где находят воду и траву, а их овцы и лошади представляют собой военный провиант".

Источником религиозной жизни древних тюрков являются китайские летописи "Вэй-шу" и "Сэй-шу" (вэйской и суйской династий). Китайские летописцы, по-видимому, плохо были осведомлены о религиозных верованиях тюрков, поэтому их сообщения противоречивы.

В глубокой древности тюрки, как и все народы, прошли период язычества. В период каганатов их религия мало чем отличалась от хуннской, хотя сохранившиеся письменные источники тюрков не упоминают хуннов. Но и после хуннов тюркское общество развивалось интенсивно. В Каганате на высоком уровне были международные связи с народами

Китая, Тибета, Ирана, Кавказа, Западного и Восточного Рима. Тюркские купцы ездили торговать в соседние страны. Сопредельные государства также интенсивно вели торговлю с каганатом. Все это не могло не повлиять на культуру и религию тюрков.

Главным богом у тюрков был Тенгри, что означает культ солнца, культ неба. Тенгри указан в орхоно-енисейских надписях: "Вначале было вверху голубое небо, внизу темная земля; появились между ними сыны человеческие". Своего бога тюрки называли Кок Тенгри (Голубое небо). Ему ежегодно приносили жертву — животное. В дальнейшем дух неба получил персидское название Кудай — Худай (бог). В отличие от язычества тенгрианство ближе к единобожию. Но наряду с Тенгри тюрки верили и женскому божеству Умай. Но Тенгри был верховным богом всех тюрков[73].

Высшее божество — небо в древнетюркских текстах характеризуется как невидимое и не участвующее в повседневных обыденных событиях в жизни человека. Богиня Умай, которая иногда квалифицируется как богиня плодородия, олицетворяет родящее, женское начало, что подтверждается параллелью сравнений: отец-каган, подобно небу, — мать-катун, подобная Умай.

Кроме Тенгри, тюрки верили в силу Йер-су (Земля-вода) — божеству, которого можно характеризовать следующими атрибутами: а) благодетельная функция: "...тюркская священная земля-вода вот так сказали: "Да не исчезнет тюркский народ! Да будет он народом!"; б) карающая функция: "Небо, Умай, священная земля- вода покарают нас..."[74] Отдельные роды наряду с Тенгри имели своего местного заступника, племенного маленького божка, что являлось пережитками прежней, языческой религии. Тюрки верили в бессмертие души и загробную жизнь. Существовал культ предков. Служителя культа называли кам. В период Великого Тюркского каганата у тюрков шаманства не было, оно проникло к тюркам Сибири намного позже — после распада тюркских государств.

Похоронный обряд тюрков отличался большой сложностью. Тело бальзамировали, держали в палатке, умерших весной хоронили осенью и наоборот. Перед палаткой родственники закапывали лошадей и, семь раз верхом объехав палатку, собирались толпой для выражения скорби царапаньем лица до крови. Выражение скорби продолжалось семь дней. День

похорон указывал кам. Тело покойного клали на его любимую лошадь, убивали ее и вместе с его любимыми вещами сжигали труп, лошадь, золу предавали земле. Над могилами именитых людей сооружались здания, где помещали портрет покойного и каменную плиту с описанием его заслуг, сражений. Число врагов, убитых покойным, обозначали камнями перед могилой, которые назывались балбалами[75].

В период массового рапространения ислама тюрки, исповедовавшие близкую к единобожию религию — тенгрианство, легче своих нетюркских соседей — язычников приняли ислам. К этому их подготовило многовековое исповедование тенгрианства.

Своим родоначальником тюрки считали волка (серого, белого). Покойников в древности сжигали, с VII в. стали хоронить.

До создания Великого Тюркского каганата тюркские племена были разрозненны. Выйдя из относительной изоляции, объединившись и укрепив свое положение, на основе многовекового наследия создали свою цивилизацию. И каждое тюркоязычное племя внесло свою долю в эту цивилизацию — в государственное строительство, обустройство общества, военное искусство, материальную и духовную культуру. Цивилизация древних тюрков была сугубо оригинальной, самобытной, исходящей из требований степной жизни и резко отличающейся от китайской, ближневосточной, иранской и европейской. В то же время эта цивилизация отвечала всем требованиям жизни человека в условиях суровой степи от рождения до его смерти.

В исторически короткий срок древние тюрки сформировали новый тип культуры, основанной на овладении письменностью. Вступая в различные отношения и связи с древними цивилизациями Средней Азии, Ирана, Византии и Китая, переняли у них жизненно необходимое, в то же время сами повлияли на уровень этих цивилизаций. До сих пор в лингвистике и общественных науках господствует ирано-европеистический подход к тюркской цивилизации. Эта теория рассматривает почти всех тюрков не автохтонными на своей родине, достижения материальной и духовной культуры тюрков — приобретенными из чужих цивилизаций. Немало исследователей прошлого источники тюркской цивилизации искали в нетюркских народах или племенах.

Самым ярким показателем уровня культуры древних тюрков является письменность. Уровень распространения в Каганате письменности виден по орхоно-енисейским надписям.

Памятники Кюль-тегину и Бильге-кагану находятся на расстоянии около одного километра друг от друга. Они составляли единый комплекс погребальных сооружений. В комплекс входил и заупокойный храм, от которого остались только руины. Заупокойный храм и стела Кюль-тегина сооружены китайскими мастерами по просьбе Бильге-кагана после смерти Кюль-тегина, последовавшей 27 февраля 731 г., которому было 47 лет.

Памятник Кюль-тегину расположен на площадке размером 67,25Х28,85 м, она обнесена рвом. Там же находятся и другие изображения. Стела Кюль-тегина с надписью имеет форму усеченной пирамиды, высота которой — 3,15 м, ширина в основании — 1,24 м, толщина — 0,41 м. На одной стороне стелы вырезана китайская надпись, там же указана дата сооружения памятника — 1 августа 732 г., но события описаны до 716 г. Остальные 3 стороны занимают надписи руническим текстом.

Памятник Бильге-кагану имеет аналогичные размеры, установлен на такой же площади. Бильге-каган умер "в год собаки, в десятый месяц, двадцать шестого (дня), т.е. 25 ноября 734 г., был похоронен "в год свиньи, пятый месяц, в двадцать седьмой (день), т.е. 22 июня 735 г.[76]

Надписи на стелах являются не только надгробными эпитафиями — в них описывается прошлое тюркского народа, подтвержденное данными китайских летописей. Затем идет рассказ о том, как возвышался тюркский народ и подчеркиваются заслуги погребенного в возвышении тюркского народа. Текст заканчивается перечислением походов. Сила и могущество покойного подчеркиваются перечислением тех народов, которые пришли на поминки. Потом идет подпись составителя, указание времени, когда был воздвигнут памятник.

Таким образом, тексты этих памятников являются долговечными летописями, т.к. каждый из памятников — это отдельная глава истории тюрок. Надписи выходят далеко за период жизни погребенного.

Храм был размером 10,25х10,25 м, были установлены статуи Кюль-тегина, но разрушены. К памятнику тянется цепь балбалов на три км. До наших дней уцелело 169 балбалов[77].

Текст малой надписи Кюль-тегина начинается с обращения кагана к родовой аристократии и народу. Далее текст вспоми-

нает о том периоде, когда тюрки были под властью Китая. Указываются причины распада государства.

Отрывок, рассказывающий об этом по-тюркски звучит так:

Табгач будунка бәглек уру оглун кул болду
Силик кыз оглун кюң болду.
Тюрк бәгләр Тюрк атын уту
Табгачку бәгләр табгач атын тутупан.
Табгач каганка көрмиш.

Русский перевод этого отрывка:

Китайскому народу мужественные сыновья твои
Рабами стали.
Китайскому народу чистые девушки
Твои рабынями стали.
Тюркские беги тюркские свои имена сняли.
Китайским бегам и китайскому кагану
Китайские имена взяв, в глаза смотрели[78].

Большая надпись Кюль-тегина значительно богаче своим историческим содержанием. Шире указываются причины политического кризиса, освещается история освобождения тюрков от власти Китая. Перечисляются многие события и заслуги Ильтерес-кагана, Гудулу-кагана, Капаган-кагана, Могиляна, Кюль-тегина, Тоньюкука и др.

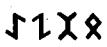
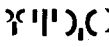
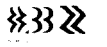
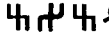
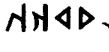
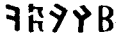
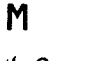
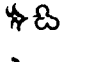
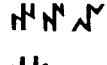
Памятник Тоньюкука открыл Е.Н.Клеменц в 1897 г. Он расположен в урочище Баин-Цокто, в 66 км к юго-востоку от Улан-Батора, на правом берегу реки Тола.

Ценнейшими историческими письменными памятниками являются Онгинский камень, или памятник Гудуле-хану, текст памятника Куль-Чура и мелкие надписи в Монголии и Южной Сибири. Памятники датируются VII—XI веками. Все они написаны руническим письмом. Всего известны 7 групп орхоно-енисейских надписей: ленско-прибайкальская, енисейская, монгольская, алтайская, восточно-туркестанская, среднеазиатская, восточно-европейская. Самыми богатыми в историческом плане являются памятники Восточно-Тюркского каганата, в которых излагается его история.

Орхоно-енисейские надписи не только повествуют историю определенного периода, но и отражают идеологию Восточно-Тюркского каганата.

Древнетюркское письмо было довольно разнообразным, но оно имело в основном две разновидности: орхонскую и енисейскую.

ДРЕВНЕТЮРКСКИЙ РУНИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ

Начертание	Значение		Начертание	Значение	
	русск.	лат.		русск.	лат.
	а, ä	a, ä		ң	ñ
	б[1]	b[1]		нт	nt
	б[2], ä	b[2], ä		нч	nč
	ƃ	ɣ		о, у	o, u
	г	g		ö, ÿ	ö, ü
	д[1]	d[1]		п	p
	д[2]	d[2]		р[1]	r[1]
	з	z		р[2]	r[2]
	ы, i	y, i		с[1]	s[1]
	j[1]	j[1], ǐ		с[2]	s[2]
	j[2]	j[2], ǐ		т[1]	t[1]
	k	q		т[2]	t[2]
	к	k		ч	č
	л[1]	l[1]		ш	š
	l[2]	l[2]			
	лт	lt			
	м	m			
	н[1]	n[1]			
	н[2]	n[2]			
	ң	ŋ			

Часть надписи на памятнике Кюль-Тегина

Малая надпись

Разнообразие алфавита говорит о развитии письменной культуры в Каганате и посткаганатских тюркских государствах[79].

Буквенное руническое письмо, по предположению многих исследователей, было заимствовано древними тюрками у своих западных соседей — согдийцев, пользовавшихся алфавитами арамейского происхождения. Когда древние тюрки стали пользоваться руническим письмом — для науки этот вопрос остается открытым. Можно предполагать, что потребность в этом появилась после образования государственности. Огромные размеры Великого Тюркского каганата, большие расстояния, политические, хозяйственные и культурные связи его с Китаем, Ираном, Византией вызвали необходимость иметь письменность. Подтверждением является сообщение Менандра о том, что тюркский посол принес византийскому императору Юстину II письмо от кагана, написанное "скифскими письменами"[80]. С.Г.Кляшторный предполагает, что приспособление согдийского алфавита к тюркскому языку началось очень рано — в V веке, в период обитания племени Ашина в Гаочане и других оазисах Восточного Туркестана[81].

Обилие рунических письмен не только на памятниках, эпитафиях, на скалах, но и на предметах быта свидетельствует уровень распространения грамотности среди знати. История пока не располагает никакими источниками, говорящими о грамотности отдельных слоев тюркского общества. Надписи на предметах быта говорят о наличии грамотных людей и среди рядовых членов тюркского общества.

На камнях писали, безусловно, в исключительных случаях. По сведениям арабского географа X века Абу Дулафа тюрки писали тростниковыми перьями, очевидно, на бересте, на коже, на бумаге[82].

В 60 годы VI в. были переведены на тюркский язык некоторые буддийские книги. Позднее был составлен китайско-тюркский словарь, к сожалению, утерянный[83].

Распространение грамотности предполагает наличие у тюрков собственной системы образования. Не могли же тюрки обучаться рунической грамоте в Китае или других государствах.

Исследователей всегда привлекало жанровое многообразие рунических надписей тюрков. Л.Р Кызласов подразделяет их на следующие группы: эпитафийные надписи, межевые, надписи

названий местностей, объектов, покаянно-уничижительные, молитвенные, хвалебные, посетительские, благопожелательные, пояснительные[84].

Наличие письменности предполагает распространение письменной оригинальной и переводной литературы древних тюрков. Пока наука не располагает такими источниками. Л.Р.Кызласов приводит примеры распространения письменной литературы среди енисейских кыргызов в X—XI вв., о наличии людей, получивших образование в соседних государствах[85].

В.В.Радлов, один из основоположников исследования древнетюркских рунических текстов, язык этих памятников считал "северным диалектом" древнетюркского языка. И.А.Батманов отмечает, что язык орхоно-енисейских памятников "носил межплеменной характер". Таким образом, исследователи признали существование единого литературного языка в Великом Тюркском каганате. С.Г.Кляшторный предполагает, что в основе этого литературного языка лежит диалект Ашина, превратившийся потом в государственный язык каганата[86].

Тюркская культура периода Тюркских каганатов сильно повлияла на культуру соседних народов, особенно на китайскую. Тюркская одежда и нравы импонировали китайской знати, и возникла мода на все тюркское. Тюркская одежда, особенно шаровары, зеленые, коричневые халаты с воротником, запахнутые налево и подпоясанные ремнем, стали в Танскую эпоху Китая обычной одеждой. Пользовались большим успехом тюркские блюда. Тюркская пентатоническая музыка исполнялась в китайском императорском дворце[87].

Кроме памятных каменных плит с надписями, тюрки оставили большое количество каменных памятников — балбалов. Они были рассыпаны по огромной территории степи от Алтая до Днепра. У древних тюрков существовало богатое устное народное творчество. Некоторые его образцы, несмотря на многовековой разрыв времени, дошли до наших дней. Среди них тюркский героический эпос "Сай-Солонг", содержащий детали древнетюркской жизни и бытия. Богатырская сказка об Алпамыше, в настоящее время известная почти у всех тюркских народов, содержит сюжеты эпохи Великого Тюркского каганата[88].

О богатстве народного изобразительного искусства древних тюрков можно судить по древнетюркским мотивам современных

тюркских народов: богатый растительный орнамент, особенно изображение тюльпана, символ Солнца — Тенгри в декоративном искусстве татар, башкир, казахов и других тюркских народов.

С древнетюркского периода осталась и развивалась пентатоническая музыка татар, башкир и других тюркских народов. В древний кочевой период были заложены основы конских состязаний казахов, киргизов, татар, башкир и др. Необходимо особо выделить весенний праздник татар, башкир — Сабантуй. Толкование Сабантуя как праздника плуга не имеет оснований. Сабан в древности означал не соху, а весну. Сабантуй — праздник встречи весны. Не нужно иметь глубоких знаний, чтобы понять, что конские скачки, борьба и другие игры Сабантуя — это виды развлечений древних кочевников.

Период Тюркских каганатов VI—VIII вв. является важнейшим этапом в консолидации, развитии и этнической истории тюркских народов. Тюрки были защищены от экспансии и агрессии соседних государств. Развитие на протяжении почти двух веков ремесел, особенно добыча и обработка металла и производство из него различных изделий, развитие кочевого животноводства, появление полуоседлого и местами оседлого земледелия позволили создать высокую материальную и духовную культуру и военное искусство тюркского государства. В составе Тюркских каганатов тюркские племена приобрели признание и опыт международной жизни. Именно в этот период создавались условия для формирования родственных по происхождению тюркоязычных народностей. Многие тюркоязычные народы Евразии в этническом объединении того времени имеют своих далеких предков.

В недрах Западного Тюркского каганата рождались Хазарский каганат и Великая Болгария в Приазовье. В дальнейшем как наследники Тюркских каганатов, на его бывшей территории образовались многие тюркские государства. Особое значение Тюркские каганаты имели в дальнейшей судьбе тюркоязычных племен Западной Сибири, объединенных под названием сибирские татары.

Великий Тюркский каганат имел огромное значение не только в истории Азии, но и для термина "тюрк", он стал политическим термином. Огромное значение в консолидации

тюркских племен, создании Тюркского государства и в его развитии в экономической, духовной и международной областях играли тюркюты — кок тюрки (голубые тюрки), которые погибли вместе с каганатом. В то же время необходимо сказать, что в период почти двухвекового существования Великого Тюркского каганата развитие производительных сил и общественных отношений шло недостаточными темпами. Основная причина — непрестанные войны с империями Суй и Тан, Ираном, Арабским халифатом, борьба с покоренными народами, стремящимися к независимости, особенно с токуз-огузами.

Цивилизацию, созданную Великим Тюркским каганатом, восприняли многие народы: кыпчаки, кимаки, уйгуры, печенеги, огузы, карлуки, кыргызы, тюргеши, хазары, болгары и другие и сохранили ее после гибели каганата.

Примечания

[1] Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. — Спб., 1994. С.116; Древние тюрки. — М., 1993. С.13.
[2] Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. — Спб., 1994. С.202.
[3] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т.II. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. — Л., 1926. С.210.
[4] Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — Спб., 1993. С.63.
[5] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т.II. — Л.1926. С.211.
[6] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т.II. — Л., 1926. С.221.
[7] Гумилев Л. Н. Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока. — М., 1961. С.104—18.
[8] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т.II. — Л., 1926. С.220.
[9] Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М., 1993. С.23—24.
[10] Абульгази. Родословное древо тюрков. — Казань, 1914. С.8.
[11] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. — Л., 1926. С.223.
[12] Абульгази. Родословное древо тюрков. — Казань, 1914. С.8.
[13] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. — Л., 1926. С.225.
[14] Кляшторный С.Г. Первый Тюркский Каганат и его значение для истории Восточной Европы // Татарская археология. 1997. № 1. С.23.
[15] Византийские историки. Перевод с греческого Спиридона

Дестуниса. — Спб., 1861. С.376

[16] Кляшторный С.Г. Формирование тюркской государственности: от племенного союза до Первого Тюркского Каганата // Панорама-форум. 1997, № 1. С.20.

[17] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I. — М.-Л., 1950. С.228.

[18] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Т.I. — Л., 1926. С.73.

[19] Кляшторный С.Г. Первый Тюркский Каганат и его значение для истории Восточной Европы // Татарская археология. 1997. № 1. С.23.

[20] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I. — Л., 1926. С.228.

[21] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т.II. — Л., 1926. С.224.

[22] Бернштам А. Социально — экономический строй орхоно — енисейских тюрок VI—VIII веков. — М.-Л., 1946. С.131.

[23] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I. — М., 1950. С.283.

[24] Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — Баку, 1991. С.193.

[25] Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — Баку, 1991. С.148.

[26] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т.II. — Л., 1926. С.288, 289.

[27] Артамонов М.И. История хазар. — М., 1962. С.146—156.

[28] Артамонов М.И. История хазар. — Л., 1962. С.162.

[29] Феофан Византиец. Летопись византийца Феофана от Диаклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Пер. В.И.Оболенского и Ф.А.Терновского. — М., 1890. С.262.

[30] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I. — М.-Л., 1950. С.279.

[31] Бичурин Н.Я. Собрание сведений от народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.II. — М-Л., 1953. С.272—274.

[32] H. Cordier. Histoire generale de la Cine. Vol I. — Paris. 1920, p.397.

[33] Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М., 1964.

[34] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I. — М.-Л., 1950.

С.322.

[35] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I. — М.-Л., 1950. С.324—325.

[36] Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — Баку, 1991. С.161.

[37] Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.-Л., 1959. С.20.

[38] Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. — М.-Л., 1946. С.184.

[39] Кляшторный С.Г. Тюркский каганат // БСЭ. Т. 26. — М., 1977. С.416.

[40] Мелиоранский П. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями // Журнал Министерства народного просвещения. 1938. № 6, с.266.

[41] Мелиоранский П. Указ. соч. с.270—271.

[42] Плано Карпини. История монголов. Пер. С.Малеина. — Спб., 1911. С.5.

[43] Бернштам А. Социально — экономический строй орхоно — енисейских тюрок VI—VIII веков. — М.-Л., 1946. С.97—101.

[44] Бартольд В.В. Новые исследования об орхонских надписях // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. С.235.

[45] Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. — М.-Л., 1946. С.121—124.

[46] История агван Моисея Каганкатваци, писателя X в. Перев. с армянского К.Патканова. — Спб., 1861. // Цитата приводится по книге Гумилева Л.Н. Древние тюрки. — М., 1993. С.55.

[47] Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М., 1993. С.56.

[48] Менандр // Византийские историки. Пер. С Дестуниса. — Спб., 1860. С.378—379.

[49] Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М., 1993. С.265.

[50] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. — Т.I. — Л., 1926. С.314.

[51] Кармышева Б.Х. Этнографическая группа "тюрки" в составе узбеков // Советская этнография. 1960. № 4, с.12.

[52] Кызласов Л.Р. Первый Тюркский каганат и его значение для истории Восточной Европы // Татарская археология. Журнал Ин-та истории АН РТ. — Казань, 1997. № 1. С.23.

[53] Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — Т.III. М.-Л., 1955. С.9.

[54] Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М., 1993. С.150.
[55] Умняков И. История Фахрэтдина Мубаракшаха // Вестник древней истории. 1938. № 1. С.10.
[56] Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — Баку, 1991. С.153.
[57] Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. С.515.
[58] Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I. — Л., 1926. С.230; Liu Mai tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der ost Turken. Buch I—II. — Wiesbaden. 1658, s. 10.
[59] Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1964. С.509.
[60] Киселев С.В. Указ. соч., с.520—524.
[61] Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — Баку, 1991, 147.
[62] Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. — Спб., 1908. С.542.
[63] Кызласов Л.Р. Первый Тюркский Каганат и его значение для истории Восточной Европы // Татарская археология. 1997. № 1. с. 25.
[64] Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. — Изд. Краснояр. ун-та, 1992. С.83.
[65] Моргулан А.Х. Казахская юрта и ее убранство // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. — М., 1964. С.9.
[66] Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М., 1993. С.64.
[67] Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Об облике древних тюрков // Тюркологический сборник. — М., 1966. С.177.
[68] Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Указ. соч., с.182.
[69] Там же.
[70] Aspelin J.R. Tupes des penles de l'ancienne Asie Centrale. — Helsingfors, 1890, p. 12
[71] Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаа-тас у села Копены // Труды исторического музея. — М., 1940. Т.XI.
[72] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т.II. — Л., 1926. С.215.
[73] Банзаров Д. Черная Вера. — Спб., 1891.
[74] Стеблева М.В. К реконстукции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник. — М., 1971. С.215.
[75] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т.II. — Л., 1926. С.213—214.

[76] Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М., 1964. С.68—69.
[77] Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. — М.-Л., 1946. С.34.
[78] Бернштам А. Указ. соч., с.33.
[79] Бернштам А. Указ соч., с. 34—43.
[80] Дестунис С. Византийские историки. — Спб., 1860. С.374.
[81] Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М., 1964. С.49.
[82] Григорьев В. Об арабском путешественнике Абу-Дулафе, странствованиях его по Средней Азии. — Спб., 1872.
[83] Liu mai tsai ..., b. 34, 37, 38, 43,469,470.
[84] Кызласов Л.Р. Рунические письменности Евразийских степей. — М., 1994. С.180—208.
[85] Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. — Изд. Краснояр. ун-та. 1992, С.110.
[86] Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М., 1964. С.51.
[87] Liu mai tsai. Die Chinesischen Nachrichten zur Geschichte der ost Turken. Buch I—II. Wiesbaden. 1958, b.469, 470.
[88] Малчи-Мерген. Алтайский героический эпос. Ойротское нац. изд. 1947. С.227—228; Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. — М., 1960. С.90.

Глава IV
УЙГУРСКИЙ КАГАНАТ

После распада Восточного и Западного Тюркских каганатов в Великой степи этнические и политические процессы продолжались и развивались. В ходе борьбы за существование отдельные этносы усилились, другие ослабли.

Одним из сильных племен в период распада Второго Восточного Тюркского каганата были уйгуры, которые сыграли решающую роль в его гибели. Уйгуры были древнейшим народом, происходили из группы тюркоязычного народа теле. Уже в конце IV в. предки теле становятся известными как скотоводы. Китайцы называли их "высокотележными", т. к. они ездили на высоких телегах. Они жили разрозненными группами в степях к северу от пустыни Гоби.

В IV в. уйгуры попали в зависимость к жужанам. В 536 г. выступили против них, но были плохо организованы. Тогда их подчинил себе правитель тюркютов Бумын и использовал в борьбе против жужан. В 552 г. уйгуры оказались в составе Великого Тюркского каганата. Уйгуры не были согласны с зависимым положением и стремились к самостоятельности. С 606 г. они неоднократно пытались освободиться от власти тюркютов и создать самостоятельное государство. Во главе этой борьбы стоял род Яглакар.

После смерти Бильге-кагана уйгуры встали во главе объединения племен Центральной Азии, стремившихся к самостоятельности. После убийства кагана Второго Восточного Тюркского каганата и распада этого государства в 745 г. эта борьба завершилась победой уйгур. Они в том же году создали свое государство — Уйгурский каганат и стали хозяевами Центральной Азии. Таким образом, на землях Второго Восточного Тюркского каганата появилась новая держава — Уйгурский каганат[1].

Но Уйгурский каганат не был единственным государством, возникшим на территории Восточного Тюркского каганата. Еще

в 657 г. карлуки не стали признавать власть тюркютов и вошли в состав империи Тан. В то же время они сохранили свою относительную самостоятельность и играли определенную роль в распаде Второго Восточного Тюркского каганата, в тот период став союзниками уйгур. После распада каганата они остались под покровительством империи Тан. Одновременно с образованием Уйгурского каганата создали свое государство тюргеши. Таким образом, на восточных землях Второго Восточного Тюркского каганата с середины VIII в. существовали три тюркских государства. Кроме того, на севере, в Минусинской котловине, енисейские кыргызы восстановили свое государство — Кыргызский каганат, но в 750 г. Уйгурский каганат подчинил его себе.

Уйгурский каганат состоял из девяти токуз-огузских родов. Кроме них, в его состав вошли подчиненные басмалы и восточные карлуки, также шесть родов телесских племен — бугу, хунь, байырку, тонгра, сыге и кибо. В правах и обязанностях они были приравнены к токуз-огузам.

Первым каганом Уйгурского государства по уйгурским источникам был Кюль-Бильга-каган, по китайским источникам — Хан-Пэйло, получивший от китайского императора титул Гудулу-Бигя-Кюэ-Хуайжень-хан. Он признал себя вассалом империи Тан, чтобы с ее стороны не вызвать агрессию. При его сыне кагане Моюн-чуре отношения с империей Тан были близкие.

В 1909 г. известным финским лингвистом, профессором Хельсинкского университета Густавом Йоном Рамстедтом на Селенге было открыто несколько памятников. Один из них известен под именем "Селенгинский камень" и был поставлен в честь второго кагана Уйгурского каганата Моюн-чура. В тексте рассказывается начальная история Уйгурского каганата, описывается деятельность кагана после убийства последнего хана Второго Восточного Тюркского каганата Озмыша в 745 г. до смерти Моюн-чура, т.е. до 759 г. В 756—759 гг. в Китае шло восстание антифеодального характера. Моюн-чур участвовал в подавлении восстания. В Уйгурском каганате было немало князей, недовольных Моюн-чуром, они выступили против этой деятельности. По-видимому, были и другие причины, побудившие народные массы к восстанию, которое переросло в гражданскую войну. Во главе восставших был Тай-Бильга —

Тутук, которого они провозгласили каганом. К восставшим присоединились кидани и татары, но вскоре были отбиты[2]. Поняв опасность своего положения, Моюн-чур стремился к компромиссу с народом. "Я собрал войска и выступил в поход (против них). Я их победил, — гласит текст памятника. — Но их черный простой народ (qara igil budun) я не истребил, их юрты и дома, их табуны не захватил. Я только наложил на них наказание и, велев жить по-прежнему, я их оставил"[3].

Таким образом, выступая на стороне простого народа, Моюн-чур истребил всех противников из знати и добился поддержки народа.

Исследователь истории тюрков Центральной Азии А. Бернштам создание Уйгурского каганата считает не образованием нового государства, а лишь сменой тюркской династии на уйгурскую. Он пишет, что уйгурская династия вырастала непосредственно из тюркской. Отец Моюн-чура был шадом Второго Восточного Тюркского каганата, тюрком по происхождению и он поднял восстание против тюрков. В нем участвовали токуз-огузы, которых Моюн-чура называл своим народом. В тексте памятника и сам Моюн-чур пишет, что после взятия в плен Озмыш- хана "династия тюрок с той поры была уничтожена"[4]. Династия тюркютов была уничтожена, а общественные отношения сохранились.

После подавления восстания Моюн-чур получил от танского императора признание и заключил с Китаем договор "мира и родства", император отдал ему в жены свою дочь. За услуги уйгуры ежегодно получали из Китая десятки тысяч кусков шелка и прочей роскоши[5]. Выиграв в первое время от признания себя вассалом Тан, уйгурская держава многое проиграла — открылась возможность для провокационной деятельности Китая внутри государства.

Уйгуры долго стремились и боролись за получение свободы, но получив, не смогли ею воспользоваться. Во-первых, была слаба центральная власть. Уйгурские каганы, стремясь расширить свое государство, вели агрессивную политику в отношении своих соседей, что вызвало их враждебное отношение к себе. В Тюркских каганатах тюркюты до гибели государства оставались во главе всех племен, проявляя организованность и сплоченность. Уже в 780 г. токуз-огузы потеряли свое преиму-

щество перед остальными племенами, они были недостаточно сплочены. Постепенно племенные вожди сосредоточили в своих руках значительную власть, что привело к ослаблению власти кагана. Была ослаблена система наследственности при смене ханов, преобладал принцип выборности[6].

Крупной ошибкой уйгурских правителей было принятие преследуемой всюду на востоке религии манихеев. Идиганькаган принял манихейство как государственную религию, тем самым ускорив распад государства. Эта религия представляла собой смесь халдейско-вавилонских, персидских и христианских мифов и ритуалов. Основное содержание манихейства составляло пессимистическое учение об изначальности зла, оно боролось против материального мира, проповедовала неприятие жизни, сострадания и милосердия, отрицала семью, внедряла сексуальные оргии, установила аскетизм, распутство и жестокость. Эта религия поссорила уйгур почти со всеми соседями[7].

Северная граница каганата проходила по Байкалу, восточная достигла верховий Амура и современной Маньчжурии, южного Китая, западная граница проходила по монгольскому Алтаю.

В период Уйгурского каганата в Центральной Азии и Южной Сибири продолжался процесс феодализации, начатый в период Тюркских каганатов. Каган раздавал лучшие земли своим феодалам. Основные средства производства — скот и земля находились в собственности уже на основе феодального права.

Уйгуры построили столицу Орду-Балык на Орхоне, города Хатун-Балык, Бай-Балык и другие города и крепости. Исследователь истории Центральной Азии археолог Кызласов Л.Р. сообщает, что только в Туве изучены 17 крепостей, построенных уйгурами. Все они соединены между собой отрезками длинных глинобитных стен со рвом — так была сооружена мощная оборонительная система от вражеского вторжения со стороны Кыргызского каганата. Строительство оборонительных систем потребовало большого богатства и людских сил. Одновременно развивалась и городская культура[8].

Хозяйство уйгурского каганата было комплексным. Токуз-огузы занимались преимущественно оседлым земледелием. Возделывали просо, ячмень, овес, пшеницу. Довольно широко была развита ирригация. Земледелие было пашенное с использованием тягловой силы животных. Орудиями распашки земли были

деревянная соха и плуги с железными сошниками. Хлеб убирали серпом и косой-горбушой. Зерно мололи в муку и делали крупу на ручных жерновах. Оседлые земледельцы занимались пастушеским скотоводством с полустойловым содержанием скота.

Основным занятием других племен было кочевое скотоводство. Разводили овец, крупный рогатый скот и верблюдов. Отдельные племена промышляли индивидуальной и облавной охотой.

В Туве развивалась металлургия. Металлурги выплавляли железо, добывали золото и серебро. Из черного металла изготовлялись изделия для обработки земли, быта, военного и конского снаряжения. Ремесленники производили также изделия из дерева. Широко развивалась обработка шкур домашних животных и пушнины. Китайские источники сообщают о стремлении уйгур к оседлой жизни и городской культуре.

Развивалась международная торговля. Уйгурский каганат держал в своих руках одну из веток Великого Шелкового пути. Кроме китайских, в Уйгурский каганат приезжали арабские купцы с тканью. В Минусинской котловине найдено много китайских монет. Уйгурские купцы торговали лошадьми и другим скотом, рабами, пушниной и белой тканью местного производства[9]. Один из памятников, обнаруженных в 1909 г. Рамстедтом, находится в урочище Суджи, недалеко от реки Селенги. Судя по тексту, он поставлен в честь представителя Кыргызской правящей знати. Памятник дает представление о характере хозяйствования правящей знати и должностного лица. Он относится к периоду после кыргызского завования Уйгурского каганата, т. е. его распада. "У меня было десять загонов (для скота) и табунов без числа", — сообщается в памятнике.

С развитием материальной культуры развивалась и духовная культура. Уйгуры в VIII в. пользовались орхонским алфавитом, затем переняли новый алфавит из Ближнего Востока, который называется уйгурским. Его письмо вертикальное, пишется сверху вниз по направлению налево. Это письмо было совершеннее рунического письма. Уйгурское письмо способствовало дальнейшему распространению грамотности и письменной культуры не только уйгур, но и других народов Центральной Азии. На этом алфавите были созданы научные труды. Например, известный труд М.Кашгари "Диване лугат ат-турк" написан уйгурским

алфавитом. Эти письмом долго пользовались в Золотой Орде. Многие важные документы этого государства, т.ч. дипломатические, написаны уйгурским алфавитом.

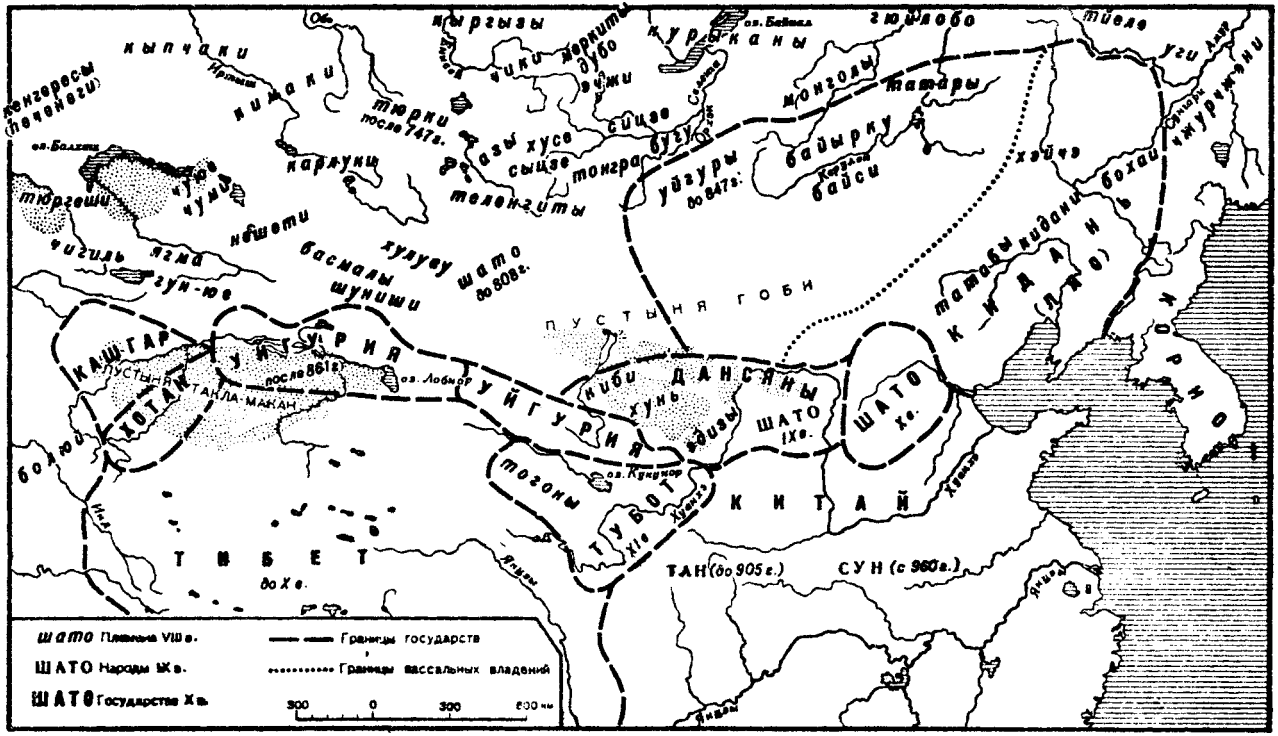
О распространении грамотности и существовавших у уйгур житейских порядков свидетельствуют рунические уйгурские тексты на бумаге, найденные в г. Урумчи в начале XIX в. Среди них — юридические документы — расписки и обязательства и документ о продаже девушки-рабыни за сто кусков золота. Документы датируются VIII в.[10]

Территория Тувы была завоевана Уйгурским каганатом в 750—751 гг. Уйгурским войскам пришлось вести упорные военные действия с племенем Тувы — чиками, которые ожесточенно защищали свои земли. Не только чики, но и другие племена, подчиненные Уйгурскому каганату, упорно боролись за свою свободу, создав коалицию племен Саяно-Алтайского нагорья. По вопросам границы против Уйгурского каганата выступили его бывшие союзники — карлуки.

В период всей истории Уйгурского каганата Тува оставалась самым непокорным регионом. Поэтому для управления Тувой каганом был поставлен специальный военный наместник с титулом "тутук". Ему подчинялись ставленники кагана — управители регионов, носившие титулы "ышбаров" и "тарханов". Там же находились и войска[11].

Восточными соседями Уйгурского каганата были кидани. Они поддерживали мирные отношения с уйгурами из-за вражды с Китаем. Севернее киданей на Амуре жили татары, которые занимались рыбной ловлей. Отношения с ними были немирными. На севере Уйгурскому каганату угрожали сибирские племена — йеде — предки шорцев, кучугур, ку-ижи, саяно-алтайские угры. В Джунгарии располагались байырку и тюргеши[12].

Больших усилий от каганов требовало подчинение енисейских кыргызов Уйгурскому каганату. Только четыре года после поражения Второго Восточного Тюркского каганата Кыргызское государство было независимой державой, потом его подчинили уйгурские каганы, но оно сохранило автономию. Кыргызы не примирились со своим вассальным положением, стремились к свободной связи с Восточным Туркестаном, Семиречьем и Средней Азией, пути к которым отрезал Уйгурский каганат[13].



Племена Великой степи с VIII по X век.

К началу VIII в. кыргызские правители усилились, это беспокоило уйгурских каганов. Около 820 г. каган уйгур Бао-и начал войну с енисейскими кыргызами. В первое время борьба была успешной. Но кыргызы сохранили государство.

Борьбу кыргызов против Уйгурского каганата поддержали и другие племена. Около 818 г. кыргызский князь объявил себя ханом, в 835 г. от Каганата отошли татабы. Народные массы, уставшие от манихейства, не признавали свою знать. Правители потеряли поддержку народа. Кыргызы воспользовались внутренними распрями внутри Уйгурского каганата и в 840 г. начали против него войну. Против Уйгурского каганата восстал уйгурский полководец Кюлюг Баг тархан. Объединенные силы его повстанцев и кыргызской армии составляли 100000 воинов. Был взят город Орду-Балык, он был разграблен и сожжен, был убит и уйгурский каган. Уйгурская держава пала[14].

В войну вмешалось Китайское правительство, разгромило остатки уйгурской армии. Значительное количество уйгур осталось в Туве, часть их расселились по всей Центральной Азии, даже в Маньчжурии. Жили они компактно[15].

Значительная часть уйгур во главе с министром Пан-тегином переселилась в Восточный Туркестан, создала новое Турфанское уйгурское княжество. Часть уйгур ушла в Китай[16].

Так закончилась история еще одного древнего тюркского государства. Но в Центральной Азии образовались другие тюркские государства, самым значительным среди них был Кимакский каганат.

Примечания

[1] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I. — М.-Л., 1950. С.49.
[2] Бичурин Н.Я. Указ. соч., с.49.
[3] Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. — М.-Л., 1946. С.189, 191.
[4] Бернштам А. Указ соч., с.192.
[5] Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. — М., 1984. С.47
[6] Васильев В.П. Китайские надписи в орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т.III. — Спб., 1897. с.24.
[7] Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М., 1993. С.423.
[8] Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной

Азии. Изд. Краснояр. ун-та, 1992. С.83.
[9] Бичурин Н.Я. Указ. соч., с.353.
[10] Бернштам А. Указ. соч., с.54.
[11] Кызласов Л.Р. История Южной Сибири. — М., 1984. С.50.
[12] Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М., 1993. С.374.
[13] Бартольд В.В. Соч. Т.II. Ч. 1. С.487.
[14] Бичурин Н.Я. Указ. соч., с.334.
[15] Материалы по истории уйгур в XII в. Прилож. 484—486. — Новосибирск. 1975. С.81, 82; Лун-ли. История государства киданей. Перев. С.В. Таскина. — М., 1979. С.499.
[16] Якубовский А.Ю. Арабские и персидские источники об уйгурском Турфанском княжестве в IX—X вв. // Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. — Л., 1947; Бичурин Н.Я. Указ. соч., с.334, 337, 338, 356.

Глава V
КИМАКСКИЙ КАГАНАТ И ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

Енисейские кыргызы, разрушившие Уйгурский каганат, не смогли возглавить племена, ранее входившие в Уйгурскую державу. После падения Уйгурского каганата центрально-азиатские племена оказались предоставленными самим себе. Среди многочисленных племен кимаки готовы были возглавить новый политический союз племен и создали новое государство. Оно называлось Кимакским каганатом и представляло федерацию семи племен, семи ханств.

Для историков, исследующих историю древних тюрков, создание Кимакского государства кажется неожиданным событием, т.к. до этого ни китайские историки, ни арабские и персидские географы, путешественники и историки ничего не сообщали о народе или племени кимак. Ничего не сообщали о них и византийские авторы, но о других тюркских племенах они оставили немало сообщений. Это произошло потому, что кимаки как народ сложились позже своих соседей. По существующей гипотезе они происходят от потомков "малосильных хуннов", которые после трагических событий 93 г. ушли в горы Тарбагатая и Сауры, потом в Семиречье и Джунгарию. Эти хунны жили во II—VIII вв. к западу от горных хребтов, отделяющих внутреннюю Азию от внешней и создали свое государство Юебань. В VI—VIII вв. они назывались"чуйскими племенами". Часть их — тюрки-шато в 808 г. пробились в Китай и там поддерживали династию Тан до ее падения. Оставшуюся часть потомков "малосильных хуннов" китайские историки называют "чумугунь", они сообщают, что те обитали западнее Тарбагатая и Алтая, сохранив самостоятельность. Там и образовались кимаки. Таким образом, кимаки, как потомки хуннов, дольше всех продолжали их историю. К середине VII в. кимаки располагались севернее Алтая, в Прииртышье и входи-

ли в Западный Тюркский каганат. После его распада часть кимаков была в составе Уйгурского каганата, другая часть осталась за его пределами. В этот период возникает ядро кимакских племен. Глава племени носил титул "шад тутук"[1].

Много сообщений о кимаках содержится у арабских и персидских географов, путешественников и историков, но в основном начиная только с X в. Эти авторы, несмотря на отдаленность Халифата и Персии, дают исторические сведения о племенах, языке, хозяйстве племен Кимакского каганата. Самые ранние сообщения о кимаках дает персидский путешественник Гардизи, которых он указывает там, где жили потомки хуннов, называемые китайскими авторами "чумугунь"[2]. Первые упоминания о кимаках содержатся также у Тамима ибн Бахра, относящееся к первой половине IX в.[3]

По сообщению Гардизи, Кимакская федерация состояла из семи племен: кимак (имак, имек, йемек), ими, татар, баяндур, кыпчак, ланиказ и аджлад.

Первоначально кимаки обитали на Иртыше между Алтаем и Тарбагатаем. Во II половине VIII — начале IX в. происходит движение кимакских племен в двух направлениях: на северо-запад к Уралу и на юго-запад в северное Семиречье. Основная их масса осталась в Прииртышье. После распада Уйгурского каганата в 840 г. к ядру кимакских племен присоединилась часть тюркских племен: эймюр, баяндур и татар. Кимаки располагались в западной части Каганата, занимали земли по берегу Иртыша. В создании Кимакского каганата участвовали также татарские племена. Махмуд Кашгари отмечает близость языка кимаков, огузов и других тюркских племен[4].

Сведений больше всех содержится о кыпчаках, которые были самыми многочисленными после кимаков. Китайские источники знают их с III в. до н.э. под именем "цюйше". Название "кыпчак" имеется в памятнике Моюн-чура (VIII в.). Много пишут о кыпчаках мусульманские авторы. Предками кыпчаков считаются динлины, в древности населявшие Минусинскую котловину. Уже в эпоху бронзы они были владельцами богатой культуры, о чем свидетельствуют минусинские и алтайские могильники. Кыпчаки входили в состав Хуннского, Великого Тюркского и Уйгурского каганатов. В 630 г. часть кыпчаков была истреблена тюркютами и Китаем. Грумм-

Гржимайло сообщает, что оставшиеся кыпчаки разделились, одна часть смешалась с канглами и образовался народ, известный под именем команов, или половцев. Из-за великих потрясений в тюркском мире большая часть богатого культурного наследия предков кыпчаками была забыта[5]. Хотя кыпчаки были близкими родственниками кимаков, они расселялись отдельно от них. Каждое крупное племя, входившее в Кимакский каганат, имело свое ханство. Кыпчаки также имели свое ханство, но политически были зависимы от кимаков. Ханы отдельных племен назначались или утверждались хаканами[6]. Махмуд Кашгари отмечает, что кимаки и кыпчаки говорили на одном и том же языке. Кыпчаки не отождествляли себя с кимаками, а кимаков считали своей отдельной ветвью. Племенной состав кыпчаков был сложным, он состоял из 9 племен.

И.Маркварт и Б.Е.Кумеков подчеркивают, что татарские племена участвовали не только в создании Кимакского государства, но и в этногенезе кимаков[7]. Впервые термин "татар" упоминается в надписях в Кошо-Цайдаме на памятниках в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана. В большой надписи в честь Кюль-тегина среди народов, приславших послов на похороны первых тюркских каганов Бумына и Истеми (середина VI в.) есть "отуз-татар". В той же надписи отуз-татары указаны среди врагов отца Кюль-тегина, основателя Второго Восточного Тюркского каганата. — Ильтереш-кагана[8].

В надписи Бильге-кагана впервые зарегистрированы "токуз-татары" — союзники восставших против Бильге-кагана в 723—724 гг. токуз-огузов. В надписи уйгурского кагана Муюн-чура (747—759) вновь названы токуз-татары — союзники восставших против кагана огузских племен[9].

Таким образом, татары впервые упоминаются в тюркских рунических надписях в связи с событиями середины VI в. В VIII в. татары населяли северо-восточную часть Монголии. В 740—840 гг. татары входили в состав Уйгурского каганата. В китайских источниках татары (да-да, да-дань, татань) впервые упоминаются в связи с событиями 842 г. в качестве союзников последнего уйгурского кагана[10]. После крушения Уйгурского каганата татарские племена вместе с уйгурами эмигрировали в Восточный Туркестан. В IX в. татары были соседями тангутов. В Тангутском государстве татары обитали в степях Ганьсу и в

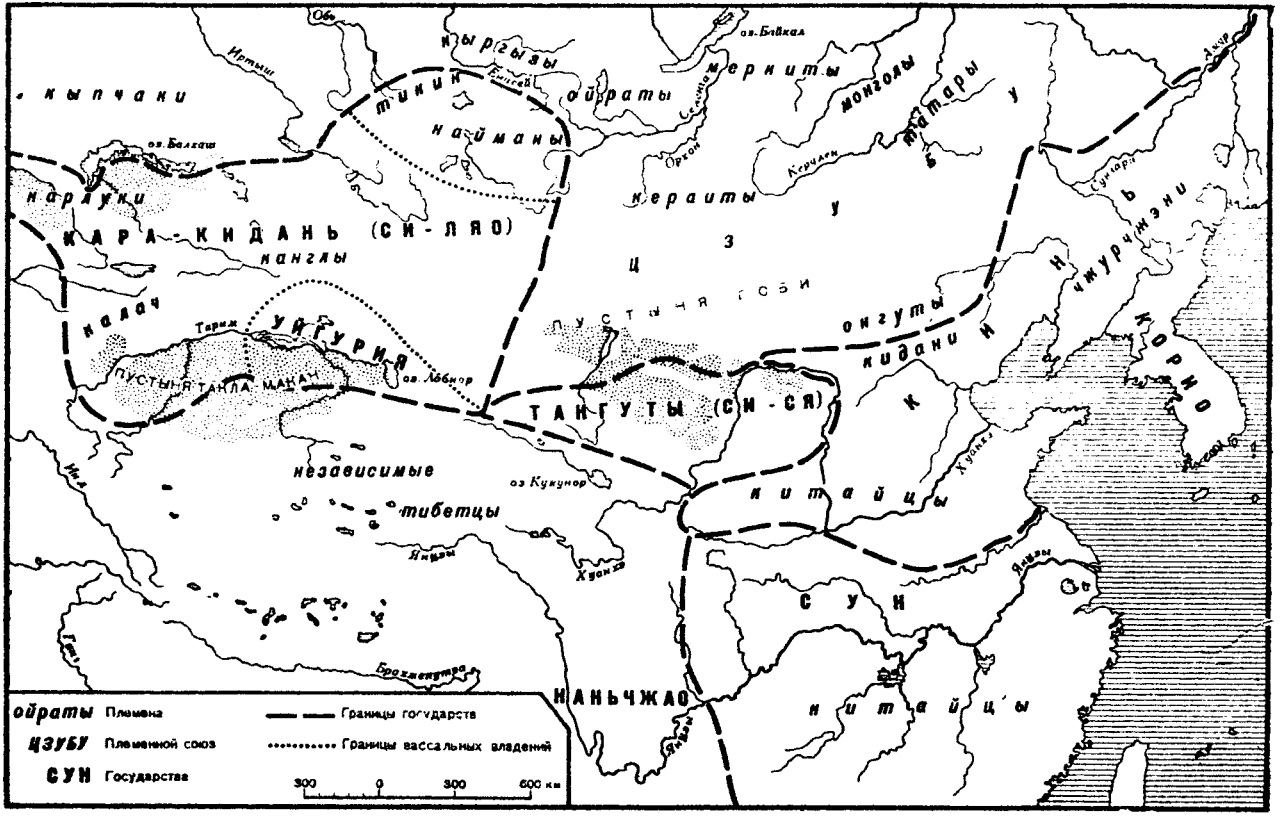
горах Алашань (Тянь Шань)[11]. Название "татары" содержится в хотано-сакских документах IX—X вв. "Худуд ал-алам" прямо причисляет татар к токуз-огузам[12]. Среди племен, говоривших по-тюркски, татар упоминает Махмуд Кашгари. В Кимакской федерации татары, возможно, появились после 840 г.[13]

Как пишут китайские источники, в начале IX в. татарские племена, которых китайские авторы называли в тот период шивэй, передвинулись к горам Иньшаня и рапространились на запад до Керулена. В 966 г. они заключили союз с империей Сун для борьбы против киданей[14]. Но этот союз не помог татарам и в 984—985 гг. они потерпели поражение от киданей. У китайцев была привычка менять названия народов и племен. И татар они стали называть "цзюбу." Этноним татары был и их самоназванием. В XII в. на некоторое время татары захватили гегемонию в степях и термином "татар" стали называть все население от Великой Китайской стены до тайги. В этноним "татары" большую путаницу внесли китайские историки. До XII в. они монголов рассматривали как часть татар, в XIII в., наоборот, китайская историография рассматривает татар как часть монголов. В XIII в. татары и монголы стали синонимами. Но китайские историки делили татар на три группы: белые татары, черные татары и дикие татары[15].

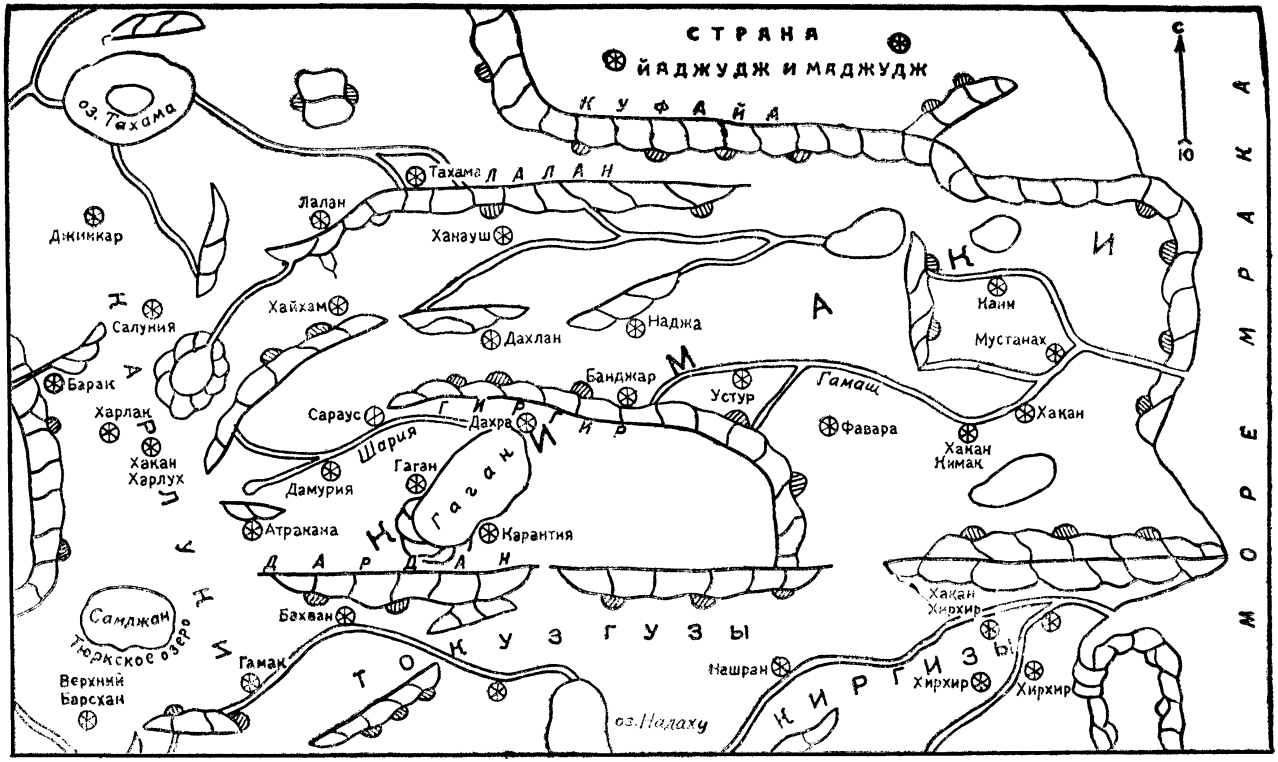
К белым татарам относились собственно татары, онгуты (потомки шато), обитавшие южнее пустыни Гоби. Они были цивилизованными, носили шелковую одежду, ели из фарфоровой и серебряной посуды, их вожди знали грамоту и учение Конфуция[16].

Черные татары, в том числе кераиты, были кочевыми скотоводами, жили вдали от культурных центров. Выше всего ценили независимость. На ночь огораживались от нападения других племен кольцом из телег, вокруг них выставлялась стража. Они презирали и жалели белых татар, потому что те за шелковые тряпки и чужие плоды цивилизации продали свою свободу.

Дикими татарами китайцы считали охотников и рыболовов Южной Сибири, не признававших никакой власти, кроме власти своих старейшин, которым добровольно подчинялись. Их постоянно подстерегали голод и нужда, но дикие татары презирали труд. Сочувствовали черным татарам, вынужденным ухаживать за стадами[17].



Срединная Азия в XII веке.



Страна кимаков на карте ал-Идриси.

В 1161 г. татары нанесли серьезное поражение монголам у озера Буир-нур, в результате чего распалось древнемонгольское ханство. Но монголы продолжали борьбу. Победу одержал внук Хабул-хана Есугей богатырь. Он захватил в плен татарского богатыря Темучина и в честь этой победы своего новорожденного сына назвал Темучином. Это был будущий Чингиз-хан[18]. В западных походах монголов передовой отряд войска составляли татары, из-за этого монгольское войско называлось татарским, и пошла путаница среди историков того времени.

В XIII в. название татары в Центральной Азии уже не употреблялось, оно перешло как этноним к населению Золотой Орды.

Кимаки, передвигаясь с Иртыша, занимали большую территорию между Уралом и Эмбой, а также степи Приаралья и Прикаспия.

До середины VIII в. их южными соседями были карлуки, на востоке — енисейские кыргызы. Страна токуз-огузов находилась южнее кимаков. Резиденция хакана была в г. Имакия на Иртыше[19]. Кимаки постепенно занимали и другие области федерации, много их было в Семиречье.

По-видимому, первоначально кыпчаки жили вместе с кимаками, но по какой-то причине в конце IX в. отделились от них и поселились на западных землях каганата. Южнее кыпчаки соседствовали с печенегами, которые в VIII — начале IX в. проживали в бассейне Сырдарьи и Приаралье[20]. Потом они расселились до Урала. Культура кыпчаков и кимаков в VII—XII вв. была тождественной[21].

Кимакская федерация занимала огромную территорию от Тобола и Иртыша до Каспия и Сырдарьи, от тайги до казахстанских полупустынь. Границы Кимакского государства защищались от врагов самой природой. Северной границей его была сибирская тайга, восточной — Алтайские горы, южной — безжизненная степь Бет Пак дала. Поэтому кимаки жили спокойно. Мусульманские авторы указывают северной границей Кимакского каганата мифическую страну Йаджуж-Маджуж[22].

Во второй половине IX в. кимаки стали передвигаться на запад. Они занимали земли печенегов. Ядром печенегов были племена политического союза Кангюй, в образовании печенежского племенного союза участвовали, кроме тюркских племен, сарматы и финно-угры. Они занимались скотоводством, жили

при родовом строе. Но во второй половине IX в. положение печенегов ухудшилось, их союз потерпел поражение от союза огузов, кимаков и карлуков. Кимаки вместе с огузами овладели землями печенегов по Сырдарье и в Приаралье, стали кочевать на Южном Урале. Под натиском кимаков печенеги с Приаралья ушли в нижневолжские степи, а оттуда — в донско-днепровское междуречье, оттеснив на запад венгров. В конце IX в. на юге восточно-европейских степей сложился новый кочевой союз печенегов. Византийцы называли их пацинаками, арабы — баджнаками. Началось формирование нового политического союза печенежского этноса. Их соседями были более сильные и известные племена — огузы, кыпчаки, мадьяры и Хазарский каганат. Пользуясь слабостью Хазарского каганата, они двинулись через его земли на запад. Огузы в союзе с хазарами потеснили печенегов, которые спешно продвинулись на запад в конце IX—X вв. Их передвижения сопровождались грабежами и пожарами. Они поселились в днепро-донском междуречье. Вторая ветвь печенегов поселилась в предгорьях Кавказа[23]. К середине X в. печенеги заняли большую территорию от Волги до Дуная. Играли заметную роль в жизни соседних народов. Уничтожили Хазарский каганат. Византия стремилась столкнуть печенегов с Русью. Русские земли подверглись нападению печенегов в 915, 920 и 968 гг.[24]

Печенеги нанесли большой урон русским и другим соседям: пленников продавали в рабство, частично поселили на захваченных землях, многих под выкуп отпускали на волю. Русские князья использовали печенегов для ограбления соседних государств. Например, в 944 и 971 гг. русские князья Игорь и Святослав Игоревич водили отряды печенегов на Византию и Дунайскую Болгарию. В 1036 г. Ярослав Мудрый нанес им сокрушительное поражение. В XI—XII вв. многие печенеги были расселены на юге Киевской Руси для защиты ее рубежей. В X—XII вв. проникли в Венгрию, где их расселили по границам и внутри страны. Отдельные отряды ушли в Византию. В XIII—XIV вв. прекратили существование как отдельный этнос, слились с торками, венграми, половцами, славянами и монголами[25].

Расширяя географию своего обитания, кимаки оказались между карлуками, огузами и кыргызами[26].

Южные соседи кимаков — карлуки после падения Западного Тюркского каганата сохранили свою самостоятельность. 200 лет

населяли они территорию Семиречья вдоль караванного пути из Средней Азии в Китай. В 657 г. карлуки входили в состав империи Тан[27]. Им было легче в составе этой империи, т.к. сохранили свою относительную самостоятельность и боролись против Второго Восточного Тюркского каганата. После распада Второго Тюркского каганата единственным их соперником являлось Тюргешское ханство. В 756 г. в этом ханстве вспыхнула распря между родами, и в 759 тюргеши подчинились карлукам, часть их ушла на восток, к уйгурам. В 757—766 гг. карлуки заняли всю территорию государства тюргешей. Столицей карлукского государства с 766 по 940 г. был г. Суяб на реку Чу, затем ставка ябгу была перенесена в г. Койнаклы на р. Или. Карлуки в течение 200 лет сохраняли свою самостоятельность, долго противостояли исламу, но в 960 г. добровольно приняли эту религию, после чего с Китаем не поддерживали никаких отношений. В конце X в. вошли в состав государства Караханидов. Китай на западных землях потерял свои позиции, сохранил только четыре крепости: Кучу, Карашар, Хотан и Кашгар. Источники почти ничего не сообщают об отношениях между карлуками и кимаками, т.к. между их землями была безжизненная пустыня Бет-Пак дала[28].

В конце IX в. в Приаралье и Прикаспии создается государство огузов с центром в г. Янгикенте. Часть огузских племен пришла сюда после поражения токуз-огузов Уйгурского каганата от енисейских кыргызов. Огузы в IX—X вв. были в союзе с кимаками. Они, по-видимому, занимали небольшую часть Прикаспия, т.к. арабские источники сообщают, что государство кимаков расположено от Иртыша до Каспия. Каспийское море в "Шахнаме" Фирдоуси названо Кимакским морем. В XI в., когда началось интенсивное движение кыпчаков на запад, Огузское государство было разгромлено последними. Северная ветвь огузов ушла в Придонско-Приднепровские степи, занимая земли, где поселились печенеги. Огузы вступили в сношения с русскими княжествами, где их называли торками. В 985 г. заключили союз с Владимиром Святославичем и в 90-е годы X в. дважды ходили с ним в поход против Волжской Булгарии, которая в это время была сильным государством и Владимир, один без помощи тюрков, не решился в поход против нее[29].

В 1055 г. Византии удалось втравить русского князя Всеволода Ярославича в поход против торков, и они были разбиты.

Остатки торков перекочевали к границам Руси и в XI в. обосновались в южно-русских степях. Стали вести оседлый образ жизни, переходить к земледелию. Вошли в состав черных клобуков и гагаузов. Часть оставшихся смешалась с половцами, часть ославянилась. Печенеги, торки и позднее половцы и куманы играли значительную роль в сложении русских казаков и украинцев.

Вторая ветвь огузов, кочевавшая в Приаралье, во главе с племенем сельджук через Среднюю Азию прошла в Переднюю Азию и создала там Сельджукское государство, Конийский султанат и другие государства. Огузы сыграли важнейшую роль в этногенезе туркмен, азербайджанцев, турок и каракалпаков[30].

В арабских источниках конца IX — начала X вв., в частности, в сочинении ал-Йакуба появляется первое упоминание о государстве кимаков. В отличие от правителей тюркских каганатов, правителя кимакского каганата арабские источники называют хаканом. Он имел 11 управителей. Власть хакана и хана племен переходила по наследству[31].

У кимаков сохранилась военная демократия. Управители были в то же время военачальниками. Удельные владения из своих военных контингентов выделяли часть войск хакану. 11 управителей показывают количество административных областей в государстве. Превышение управителей над числом ханств (их было семь) показывает, что в некоторых ханствах был не один управитель.

Прослеживается большая связь между государственным устройством предшествующих тюркских государств и Кимакского каганата, что указывает на преемственность между ними.

В Кимакском государстве было 16 городов, 11 из них были расположены на Иртыше, резиденция хакана располагалась в г. Имакия, также на Иртыше. Место его не известно. Управители со своим окружением и войском жили в других городах, укрепленных и окруженных стенами. Источники сообщают о поступлении части налогов хакану. У хакана был государственный аппарат[32].

В источниках достаточно сообщений о классовом расслоении в кимакском обществе. Различие слоев отмечается по одежде (богатые ходят в шелковой одежде), питанию, участию в конных или пеших войсках. Об этом свидетельствуют и захоронения.

Хозяйство кимаков было комплексным. Во второй половине IX в. основным занятием племен каганата было кочевое скотоводство. Разводили лошадей, овец, коз, крупный рогатый скот и верблюдов. Разорившиеся кочевые скотоводы постепенно переходили к полуоседлости. Этот процесс проходил интенсивнее, чем у других племен, у кимаков. Комплекс письменных и археологических источников дает возможность утверждать, что в X в. хозяйство кимаков носило полуоседлый характер. Были и оседлые поселения. От кимаков сохранились остатки ирригационных сооружений, развалины феодальных замков[33].

Б.Е. Кумеков выделяет нижеследующие хозяйственно-культурные типы в кимакско-кыпчакском обществе: оседлое хозяйство с применением искусственного орошения; полуоседлое хозяйство, сочетающее земледелие с пастушеским скотоводстом; кочевое скотоводческое хозяйство[34].

Оседлое земледельческое с применением ирригации и полуоседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство было распространено в основном у кимаков. Земледельцы возделывали просо, ячмень, пшеницу, бобовые, и даже такую трудоемкую культуру, как рис. Выращивали также виноград, занимались пчеловодством. Любимым животным населения Кимакского каганата была лошадь. Она применялась для верховой и упряжной езды, в земледелии, конское мясо считалось лучшим. В оседлых и полуоседлых хозяйствах разводили в основном лошадей и крупный рогатый скот, меньше — овец. Арабские авторы отмечают тысячные табуны лошадей[35]. Основным видом скота у кочевников были также лошади и, кроме того, они имели большие стада овец. Крупного рогатого скота у кочевников было мало, т.к. для него необходимо было заготавливать сено на зиму.

Кимакские города возникали в основном на торговых путях. Торговля носила меновой характер. Земледельцы зерно и муку меняли на баранов и кожу. Существовала и денежная торговля[36].

В Кимакском каганате были развиты различные ремесла. Среди них первое место занимали обработка кожи, изготовление войлока, одежды и обуви, конского снаряжения из кожи и войлока. Кимаки и другие племена каганата сами изготовляли оружие, предметы быта, орудия земледельческого труда. В лесостепных районах широко применялась обработка дерева. Из него делали посуду, детали юрты и др. В каганате добывали и обрабатывали железо, из него изготовляли различные изделия.

Добывалось золото и серебро. В курганных захоронениях Прииртышья в археологических исследованиях обнаружены железные изделия, украшения из золота, серебра и бронзы, остатки шелковой ткани, кошмы, кожи, деревянная посуда, оружие, сбруя, керамика. У племен кимакского государства ремесло носило подсобный характер, но были и профессиональные ремесленники[37].

Население каганата в основном жило в войлочных юртах. В городах были подземные и полуподземные жилища с глинобитной стеной. Кимаки строили укрепленные города, в них процветали ремесла. В городе, где располагалась ставка кагана, была сосредоточена кимакская аристократия. Аль-Идриси подробно описывает находившиеся там базары и храмы. Источники насчитывают в стране 16 городов: Имакия (столица), Карантия, Гаган, Дамурия, Сараус, Банджар, Халауш и др.[38]

Кимакские племена не оставили письменных памятников, как тюркюты и уйгуры. В стране существовала письменность, о которой косвенно сообщает Абу Дулаф: " У них растет тростник, которым они пишут". Ф.А.Арсланова обнаружила бронзовые зеркала с надписью, которые были датированы X—XI веками[39].

Религия у кимаков была такой же, как у большинства тюрков — они верили в Тенгри. Существовали культ предков и другие дотенгрианские пережитки. Почитали огонь, реку Иртыш. На границе с уйгурами было и манихейство. Широко распространен был обычай ставить каменные изваяния, которым поклонялись кимаки и кыпчаки[40]. Характерным признаком степей до прихода монголов были каменные изваяния. Многочисленые изваяния стояли в XII — начале XIII вв. на нижнем Днепре, на правобережье Северного Донца и Дона. Кроме того, они встречаются в Предкавказье, между Доном и Волгой. Лицом они были обращены на восток, проходящие мимо им поклонялись, приносили жертву[41].

Кимаки, кыпчаки, огузы, печенеги, угры и другие народы и этнические группы жили мирно в составе государства. Кимакский каганат процветал. О нем знали на всем Востоке. Из мусульманских стран в Кимакию устремились географы, путешественники, историки, которые оставили свои сочинения о богатой этой стране. В результате экономического роста к концу X в. усилились отдельные ханства, заработали центробежные силы, ослабла центральная власть. Усилившиеся кимаки

и кыпчаки оттеснили огузов на юг, печенегов на запад, карлуков на юго-восток, угров на север, в сибирскую тайгу и тем самым ослабили и себя.

В XI в. институт центральной власти Кимакского каганата деградировал. Хакан был только военным вождем добровольцев. Не было единой армии. Каждый хан имел также небольшое число воинов-добровольцев. Некому было заставить соблюдать законы. В каганате развивалась работорговля. Продавали своих "неугодных", и даже родственников. Эта торговля стала судьбой многих — их продавали кидани, которые беспрерывно устраивали нападения и облавы. Эта трагедия продолжалась 200 лет.

Кимакский каганат просуществовал до середины XI в. Основной причиной падения его считается внешний фактор — миграция кочевников Центральной Азии. К миграции центральноазиатских племен толкало образование 916 г. в Северном Китае государства монголоязычных киданей — Ляо. До X в. монголоязычные племена обитали восточнее и северо-восточнее современной Монголии, по южным берегам Амура. К западу от них на всей территории Центральной Азии (Восточный Туркестан, Джунгария, Монголия, Внутренняя Монголия) жили тюркоязычные этнические группы: тюрки-шато, тюргеши, карлуки, огузы, енисейские кыргызы, азы, чики, дубо, чигили, кимаки, кыпчаки, курыкане, уйгуры и др.

Значительная часть восточных тюркоязычных народов — уйгуры, куны, каи, тюрки-шато, белые татары (онгуты), потомки тюркютов, огузов обитали не только вдоль Китайской стены, но и в Ордосе, на равнинах Маньчжурии[42].

Первое вторжение киданей в Центрально-азиатские степи, которое началось в 924 г., превратилось в настоящую катастрофу для тюрков — привело к изменению этнической карты Центральной Азии. Киданский напор X—XI вв. вызвал бегство многих тюркоязычных племенных объединений и этнических групп от границ Китая на запад и предопределил выдвижение древних монголоязычных племен из бассейна Амура и Маньчжурии на степные просторы Центральной Азии. В 1010 и 1017 гг. киданские войска вторглись в Северо-западное Семиречье, но потерпели поражение[43].

В 30 гг. XI в. из-за наступления киданей тюркоязычные каи, обитавшие у Великой Китайской стены, заняли земли тюркоязычных кунов. Куны переселились на земли шаров (сары

кыпчаков), а шары переселились на земли туркменов. Туркмены заняли восточные земли огузов, а огузы оттеснили печенегов, которые в этот период обитали уже поблизости от Черного моря и селились на их земли[44].

Миграция тюрков, начавшаяся у Великой Китайской стены под давлением киданей, превратилась в настоящую трагедию для тюрков, разрушила процветающее государство — Кимакский каганат и увлекла многие народы на запад. Под давлением киданей кочевники занимали земли западнее Иртыша. Эти племена большой массой пришли на земли кимаков и кыпчаков, которые сыграли главную роль в крахе их государства[45].

Двигавшиеся за киданями монголоязычные найманы в XI—XII вв. вытеснили с Алтая и Верховий Иртыша остатки тюркоязычных кимаков и кыпчаков. Часть кимаков и кыпчаков ушла в Западную Сибирь. Найманы разрушили Государство Енисейских кыргызов.

Самым большим уделом Кимакского каганата было кыпчакское ханство. К концу X в. центральная власть ослабла, и кыпчаки получили самостоятельность. Они оттеснили всех соседей и стали хозяевами древнего Кангюя. Их страна стала называться Дешт-и-Кыпчак. С начала XI в. они двинулись ордой, всем ханством на запад, занимая земли, ранее принадлежавшие огузам. После захвата огузских земель кыпчаки значительно усилились, кимаки оказались в зависимости от кыпчаков. Примерно в 30-х годах XI в. персидский автор Байхани указывает их на границе Хорезма, в середине XI в. восточные авторы приаральские степи называют не огузскими, как писали их предшественники, а кыпчакскими. Таким образом, огромные массы кыпчакской орды в начале XI в. поднялись с насиженных мест. Это была не обыкновенная кочевка, а целенаправленное нашествие — захват более богатых пастбищ. Часть кимаков осталась на своей древней земле — в Прииртышье, другая ушла вместе с кыпчаками на запад. Осталась там и часть кыпчаков.

Кыпчакские орды пошли по пути, по которому под натиском огузов пошли сначала печенеги, а потом, под натиском кимаков и кыпчаков — огузы, перешли Волгу, Дон, Днестр, Днепр, дошли до Дуная. По пути к кыпчакам присоединились остатки печенегов и огузов. В то время в Приазовье еще оставались хазары, аланы, болгары. В период таких бурных событий

происходят глубокие межэтнические процессы, исчезают отдельные этносы, образуются новые. Пришедшие на просторы от Волги до Дуная кыпчаки уже были не теми кыпчаками, которые жили в Кыпчакском ханстве в составе Кимакского каганата. Перемешавшись с печенегами, огузами, остатками хазар и болгар, с аланами, они пришли сюда в качестве нового этноса, который русские называли половцами. Существует мнение, что называли их так по цвету волос — как будто их волосы были цвета половы — желтыми. Может быть, какие-то группы их были желтоволосыми, но в основном они были черноволосыми. Потомков кыпчаков, поселившихся западнее Днепра, византийцы и другие западные народы называли не кыпчаками, не половцами, а совершенно по другому — куманами. Не обнаружено источников, отвергающих гипотезу ряда исследователей, полагающих, что в степях от Волги до Дуная в XI—XII вв. произошло сложение двух этносов — половцев и куманов. Таким образом, кыпчаки, половцы и куманы не один этнос, как пытаются утверждать некоторые авторы. Кыпчаки — более древний народ, известный со II в. до н.э., потомки динлинов, половцы- этнос, образованный в степях от Волги до Днепра от смешения кыпчаков с несколькими тюркскими племенами, а куманы — также новый этнос, сложившийся от смешения кыпчаков с другими тюркскими этносами. Близкородственность, единый тюркский язык способствовали ускорению этого этнического процесса[46]. Самоназвание у половцев было "сорочин"[47].

Свидетельством сложных этнических процессов, происходивших в южных степях в XI—XII вв., являются некоторые отличия половецких и куманских погребальных обрядов от кыпчакских. Кыпчакские курганы насыпались из камня или обкладывались им, тело покойника укладывалось головой на восток. Рядом с ним хоронили также лошадь или его чучело, но с ногами. Захоронения половцев и куманов приобрели многие черты погребального обряда печенегов и огузов. Получил более сильное развитие древнекыпчакский обряд сооружения святилищ, посвященных культу мужских и женских предков[48].

В эпоху бронзы кыпчаки обитали в Минусинской котловине. В период Великого Тюркского каганата — на Алтае, со второй половины IX в. — в степях от Иртыша до границ Хорезма. Начиная с XI в. кыпчаки и их потомки — половцы и куманы

занимали огромные просторы южной части восточной Европы. Арабские и персидские авторы эти земли называли "Дешт-и-Кыпчак". В состав Дешт-и-Кыпчака они включали Приаралье и земли южнее и севернее Яика. Не все кыпчаки покинули территорию Кимакского государства. Значительные массы кыпчаков остались в Прииртышье. Вместе с кимаками они влились в состав древнего населения Западной Сибири[49]. Впоследствии они участвовали в образовании сибирских татар и других тюркских народов. Немало кыпчакских орд влились в состав монгольской армии в 20—30 гг. XIII в. В заволжских, приднепровских степях они встретились со своими родственниками — половцами и куманами. Этногенетические процессы, приводившие в дальнейшем к образованию крымских, казанских, астраханских, сибирских татар, башкир, ногайцев, казахов и других тюркских народов, продолжались.

В середине XI в. половцы столкнулись с русскими князьями и нанесли им несколько тяжелых поражений. В 1115 г. были разбиты Владимиром Мономахом и перестали представлять большую угрозу для русских княжеств, хотя их нападения не прекращались[50].

В период существования Кимакского каганата значительные исторические процессы происходили в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье. Приход гуннов и с ними неизвестных нам других тюркоязычных племен изменил этническую карту этого региона. Эти племена оставили именьковскую археологическую культуру. Именьковская керамика по определению археологов тождественна с древней болгарской.

В VIII веке в Срелнем Поволжье переселились болгары. Они в Хв. образовали свое государство, которое в исторической литературе называется Волжской Булгарией. Это государство привлекает внимание правителей Багдадского халифата, откуда в 922 г. по приглашению булгарского хана Алмуша приезжает специальное посольство, в составе которого были и мусульманские проповедники. До нас дошла книга секретаря этого посольства ибн Фадлана, в которой содержатся важные сведения о Булгарском государстве. Ибн Фадлан сообщает, что и до их приезда население его исповедовало ислам. Воспользовавшись их миссией, Алмуш превратил ислам в государственную религию. До сих пор остается не исследованной проблема взаимоотношений Кимакского каганата и Волжской Булгарии[51].

Падение Кимакского каганата было истинной трагедией для тюрков. Не имея своего государства, многие тюрки оставались одни, были разобщены. Перед тюрками Азии стояла трагедия медленного увядания и быстрого истребления жестокими соседями.

Но и после развала Кимакского каганата тюрки не теряли свои природные качества: благородство, смелость, преданность, выносливость, отсутствие лицемерия, неспособность к интригам, невосприимчивость к лести, страсть к грабежу и насилию, гордость, свободу от противоестественных пороков. Эти качества и погубили тюрков[52].

Бывшие монголы — кидани государства Ляо совершали постоянные набеги на степь, убивали мужчин и стариков, а женщин и детей продавали в рабство для работы на плантациях Северного Китая. На ближневосточных рынках в течение двух веков продавали рабов-тюрков: куманов, половцев, огузов и туркмен. Несмотря на строгий запрет Корана, работорговцы-мусульмане торговали рабами-мусульманами. Рабы-тюрки и в мусульманских государствах сохраняли природные благородные качества. В то же время арабы ценили "львиноподобные качества" рабов-тюрков: гордость, свободу от противоестественных пороков, отказ выполнять домашнюю работу, стремление к командным местам[53]. Из Сибири и Центральной Азии на восточные рынки поступали рабы — тюргеши, кимаки, карлуки, токуз-огузы, огузы, кыргызы, кыпчаки. С Нижней Волги, Дона, Днестра привозили для продажи половцев и куманов, хазар и болгар. Их продавали свои же купцы. Более двух веков степь поставляла Ближнему Востоку тюрков, которых презирали, но эксплуатировали. Особенно жестоко обращались с рабами шииты, так как рабы являлись суннитами.

Тюркский поток устремился по трем направлениям: в Китай, Ближний Восток, включая Египет, и в Западную Европу — в христианский мир. Византия тюрков не покупала — они сами ордой проникали сюда и в Паннонию (Паннония — римская провинция, занимала зап. часть тер. совр. Венгрии, сев. часть совр. Сербии и Вост. часть совр. Австрии). Попадая в чужой мир в огромном количестве, тюрки не стремились к объединению и создавали небольшие группы или небольшие субэтносы[54].

Ко времени распространения тюрков в этих странах, далеко от их родины, история тюрков была забыта. Ее никто не помнил. Не знали, что у тюрков в прошлом были мощные

государства, славная история, самобытная цивилизация. Китайские, арабо-персидские источники молчали. Поэтому купленных на рынках тюрков принимали за дикарей — людей без родины, без прошлого. Тюрки участвовали в создании истории шовинистического Китая, безразличного к судьбе тюрков.

Рабы — тюрки, славяне, горцы, эфиопы пополняли ряды халифатской и египетской армий. В 1259 г. с помощью раба — тюрка Бейбарса в Египте рабы-тюрки (мамлюки) захватили власть и правили страной до 1517 г. В конце XVII в. мамлюки были снова у власти в Египте и правили им до 1805 г.

С 1312 г. торговля рабами-тюрками прекратилась, т.к. хан Золотой Орды Узбек сделал ислам государственной религией, рабство было запрещено, и мусульман из Золотой Орды продавать на рынках мусульманских стран не разрешалось.

За 200 лет существования торговли рабами-тюрками в степях Центральной Азии тюрков почти не осталось. Тюркские племена отдельными островками сохранились на Алтае, в Туве, Минусинской котловине. Более спокойным районом их проживания с древнейших времен были Барабинская степь, лесостепи Нижнего Прииртышья, Тобола, Туры, Оби и ее притоков — Чулыма, Оми, Томи. Еще до н.э. на юге Западной Сибири обитали тюркоязычные племена Скифского союза, затем Сарматского союза. Во II в. н.э. сюда пришли хунны, и с того периода приток тюркских племен в Западную Сибирь не прекращался. Так сложился состав предков сибирских татар.

После распада Кимакского каганата хозяевами Центральноазиатских степей стали монгольские племена. Первоначально в IV—IX веках монгольские племена были оседлыми, жили в холодных лесах, прочных жилищах, занимались преимущественно охотой и рыболовством. Выращивали лошадей и свиней. В конце IX — начале X вв. начался процесс постепенного расселения монголоязычных племен на запад, сопровождаемый вытеснением тюрков. За 200 лет монголы из пеших, в основном лесных охотников и коневодов, стали кочевниками и скотоводами. От тюрков они заимствовали все виды степного скота, навыки и опыт кочевников, а также передвижные жилища и другие формы материальной культуры степняков, сохранив многое из своего оседлого быта[55].

Двигавшееся на запад монголоязычное племя найманов вытеснило в XI—XII вв. из монгольского Алтая и с верховьев Иртыша

кимаков-кыпчаков, с середины XII в. почти на всей территории современной Монголии господствовали монгольские племена.

С появлением монголов в степях жизнь для тюрков стала невозможной. Предки монголов вели хищнический образ жизни — убивали, грабили, отгоняли скот, умыкали невест. Это была их естественная жизнь. В XI в. пустыни Монголии снова ожили — начались дожди. И снова на берегах Керулена, Селенги появились люди со стадами. До прихода монголов в этих местах жили татары[56].

По китайским источникам монголы в отличие от татар были высокорослыми, бородатыми и светловолосыми, голубоглазыми. Современный облик они приобрели из-за смешанных браков с низкорослыми, черноволосыми племенами[57].

В 1206 г. Темучин на всеобщем курултае был провозглашен Чингизханом. Первыми жертвами монголов были тюркоязычные народы Южной Сибири. "Тайная история монголов" сообщает, что в 1207 г. огромная армия под командованием старшего сына Чингизхана Джучи (1184—1216) покорила лесные народы южной Сибири от Байкала до западно-сибирских степей. Завоеванные сибирские земли монголы стремились сделать тыловыми базами для снабжения своей армии хлебом, оружием, конским снаряжением[58].

В 1226 г. умер Джучи, в 1227 г. — Чингизхан. Северо-алтайское нагорье, в течение двадцати лет находившееся в улусе Джучи, отошло к коренному улусу во владения Тулуя, младшего сына Чингизхана. После его смерти — во владения его старшей жены Соруктани-беги.

В течение трех веков в составе Кимакского каганата тюркские племена создавали материальные богатства и духовное наследие. Каганат достиг значительных успехов в экономическом и культурном развитии, свидетельством чему является пристальное внимание к истории этого государства арабо-персидских географов, путешественников и историков-современников Кимакской федерации.

В составе Кимакского каганата выделились и активизировали свою хозяйственную жизнь многие тюркские племена: кимаки, кыпчаки, печенеги, огузы, большая часть населения которых ушла на запад — за Яик, за Волгу, Дон и Днепр, вследствие чего изменилась этническая карта Восточной Европы. Огромное

пространство Евразии от Яика до Дуная стала называться Дешт-и-Кыпчак.

После падения Кимакского каганата начинается длительный трагический период истории тюркских племен. Со второй половины XI в. с исторических источников исчезает этноним кимак. Он появился неожиданно в IX в. и внезапно исчез, источники ничего не сообщают о том, куда ушли кимаки, почему выпало их название из исторических документов. О кыпчаках, половцах и куманах сообщения продолжались долго. Племена, пришедшие из земель Кимакского каганата, составляли значительную часть населения тюркского государства Золотая Орда, созданного монголами. В состав этого государства вошла и Волжская Булгария, образованная на сопредельной территории Кимакского каганата во время его расцвета — в X веке. Но, к сожалению, проблемы взаимоотношений этих двух тюркских государств совершенно не исследованы. Одно из многочисленных племен Кимакского каганата — кыпчаки и другие племена участвовали в этногенезе двух групп татарского народа — татар Поволжья и Приуралья и татар Западной Сибири.

Примечания

[1] Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. — Спб., 1897 // Заметки Императорской академии наук. Сер.VIII. Т.I. № 4. С.83, 106.
[2] Бартольд В.В. Указ. соч., с.82, 83.
[3] Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Изд. "Наука" АН Каз. ССР. — Алма-Ата, 1972. С.53.
[4] Махмуд Кашгари. Диван лугат ат-турок. Факсимиле. — Анкара, 1941. С.71.
[5] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайсий край. Т.II. — Л., 1926. С.57, 58.
[6] Бартольд В.В. Худуд ал-алам. Рукопись Туманского с введением и указателем. — Л., 1930. С.19.
[7] Кумеков Б.Е. Указ. соч. с.45.
[8] Рамстедт Г. Перевод надписи Селенгинского камня. // Труды Троицко-Кяхтинского императорского Русского географического общества. Т. V. 1912, ч.1. С.65.
[9] Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири и Дальнего Востока. — М., 1961. С.35, 89.
[10] Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники.

— М., 1964. С.162—169.
[11] Кычанов Е.И. Очерк истории Тангутского государства. — М., 1968. С.134.
[12] Бартольд В.В. Худуд ал-алам. Рукопись Туманского, с введением и указателем. — Л., 1930. С.174.
[13] Кумеков Б.Е. Указ. соч., с.42.
[14] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Л., 1926. Т.I, с.376—377.
[15] Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII в. — Спб., 1857. С.216.
[16] Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. — М., 1992. С.78.
[17] Гумилев Л.Н. Указ. соч., с.78.
[18] Гумилев Л.Н. Указ. соч. с.115.
[19] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.III. — М., 1953. С.303.
[20] Бартольд В.В. Худуд ал-алам. Рукопись Туманского с введением и указателем. — М., 1930. С.19а.
[21] Моргулан А.Х. Археологические разведки в бассейне реки Сарысу. // Вестник АН Каз. ССР. 1947. Т.7. С.17—22.
[22] Хеннинг Р. Неведомые земли. Т.II. — М., 1961.
[23] Minorsky V. Hudud al-alam. L. 1937. С.160.
[24] Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод и комментарий. — М., 1989. С.155, 159.
[25] Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. — Казань, 1884. С.123.
[26] Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Изд. "Наука" АН Каз. ССР. Алма-Ата, 1972. с.5.
[27] Бичурин Н.Я. Указ.соч. Т.I. — М., 1950. С.347.
[28] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т.II. — Л., 1926. С.331.
[29] Повесть временных лет. Ч. I. — М., 1950. С.59.
[30] Гордлевский В.А. Государство сельджукидов в Малой Азии. — М.-Л., 1950.
[31] Бартольд В.В. Худуд ал-алам. Рукопись Туманского с введением и указателем. — Л., 1930. С.100.
[32] Minorsky Y. Hudud al-alam. — L., 1937. С.103.
[33] Маргулан А.Х. Археологические разведки в бассейне Сарысу. // Вестник АН Каз. ССР. 1947, 7. С.21; Его же. Из истории городов и строительное искусство древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950. С.95—106.
[34] Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским

источникам. Алма-Ата, 1972. С.90.
[35] Бартольд В.В. Указ. соч., с.83, 107.
[36] Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. // Бартольд В.В. Соч. Т.II, ч. 1. С.239.
[37] Кумеков Б.Е. Указ соч., с.97.
[38] Кумеков Б.Е. Указ. соч., с.106, 107.
[39] Кумеков Б.Е. Указ. соч., с.108.
[40] Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. Спб 1897. // Записки Императорской Академии наук, сер.VIII, Т.I, №4. С.20.
[41] Дәүләтшин Г.М. Төрки-татар рухи мәдәнияте тарихы. Казан, 1999, 117 б.
[42] Кызласов Л.Р. Указ. соч., с.135.
[43] Бартольд В.В. Сочинения. Т.5. — М., 1968. С.394—396.
[44] Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. — Изд. Краснояр. ун-та, 1992. С.137.
[45] Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. — Ашхабад, 1969. С.158.
[46] Плетнева С.А. Половцы. — М.: "Наука", 1990. С.40.
[47] Добродомов И.Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе // Тюркологический сборник. — М., 1978. С.111.
[48] Плетнева С.А. Указ. соч., с.39.
[49] Бичурин Н.Я. Указ. соч. Т.I. — М.-Л 1950. С.296—297: Небольсин Н.И. Покорение Сибири // Отечественные записки. — Спб., 1848. Т.60. С.256.
[50] Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. — М., 1992. С.73.
[51] Фәхретдинов Р.Г. Татар тарихы. (Кыскача басма). (История татар). На тат. яз. — Казан, 1999. 25—27 б.
[52] Босворт К.Э. Нашествие варваров // Мусульманский мир. 950—1150. — М., 1980. С.24, 25.
[53] Босворт К.Е. Указ. соч., с.27.
[54] Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — Баку, 1991. С.210.
[55] Кызласов Л. Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. — Изд. Краснояр. ун-та, 1992. С.137.
[56] История стран зарубежного востока в средние века. — М., 1970. С.205.
[57] Бичурин Н.Я. Указ. соч. — Л., 1926, Т.I, с.376—377.
[58] Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. — М., 1968. С.138—160.

Глава VI
ГОСУДАРСТВО ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ

Первые письменные источники о населении Минусинской котловины относятся к IV—III вв. до н.э. Эти источники сообщают о древних обитателях Минусинской котловины — динлинах. Динлины проживали также в лесостепной полосе от Оби до Байкала, они отождествляются с носителями тагарской культуры.

Имеются и более древние сведения о динлинах, но они носят легендарный характер. Одни легенды представляют динлинов как вечных всадников, сросшихся со своими лошадьми, вроде своеобразных кентавров. Другая легенда показывает динлинов как народ, у которых ниже колен растет шерсть, и у них лошадиные копыта[1].

Более поздние источники свидетельствут о том, что в период III в. до н.э. — III в. н.э. динлины занимали земли Южной Сибири от озера Байкал до Среднего Енисея и истоков Чулыма.

Источники не описывают внешний облик динлинов, поэтому представление их как европеоидов не имеет основания. Попытки зачисления динлинов к категории голубоглазых и белокурых европеоидов лишь на основании нахождения нескольких погребальных масок таштыкской эпохи Л.Р.Кызласов считает необоснованными[2]. Китайские источники сообщают о тюркоязычности динлинов[3].

Археологические исследования подтверждают и дополняют сведения письменных источников о динлинах. В 1954—1956 гг. историк и археолог С.В.Киселев раскопал грандиозный Большой Салбыкский курган, расположенный В Минусинской котловине и относящийся, по его заключению, к IV—III вв. до н.э. Подошва кургана имела с севера на юг 100 шагов, ширину — 80 шагов, высоту — 10 саженей. В таком колоссальном кургане обнаружено всего одно погребение, по-видимому, в нем были захоронены всего один или два человека. Значительной находкой был уцелевший нижний жерновок ручной вращающейся мельницы.

Он служит доказательством существования в тагарскую эпоху ручной вращающейся мельницы. До этой находки считалось, что ручная вращающаяся мельница в Южной Сибири распространилась лишь в середине I тысячелетия н.э.[4]

Салбыкская находка помогла исследователям отнести применение ручных жерновов на 800—900 лет раньше. Дальнейшие исследования подкрепляли выводы С.В.Киселева. Стало ясно, что в тагарскую эпоху (VII—III вв. до н.э.) в Минусинской котловине к существовавшим земледельческому и сктоводческому хозяйству прибавилось ирригационное земледелие.

Сооружение такого огромного кургана для одного человека или одной семьи является доказательством глубокого социального расслоения. Это подтверждается сообщениями китайской хроники о существовании раннеклассового государства приенисейских племен. Китайские историки называют его "Динлин го" — "государство Динлин". Л.Р.Кызласов сообщает, что Большой Салбыкский курган представляет собой каменно-земляную пирамиду одного из могущественных динлинских царей и членов его семьи. Но государство Динлинов не успело окрепнуть и развиться. Этому препятствовали хуннские завоевания.

Южными соседями динлинов были древние тюркоязычные племена Центральной Азии гяньгуни, или гэгунь. Исследователи считают, что гяньгунь (гэгунь) — самая ранняя транскрипция термина "кыргыз". Владения гяньгуней размещались южнее динлинов, в Северо-Западной Монголии[5].

В 201 г. правитель хуннов Модэ-шаньюй покорил государство Динлинов, вытеснил часть их на север, на их место переселил гяньгуней. Носители тагарской культуры — динлины смешались с гяньгунями, положили начало таштыкской культуре (I в. до н.э. — V в. н.э.).

Динлины не смирились с покорением и около 69 г. до н.э., пользуясь ослаблением хуннов, напали на них с севера. С востока на хуннов напали ухуаньцы, с запада выступили усуни. Совместно они разбили хуннов и получили очень большое количество лошадей и овец[6].

Динлины в 63—60 гг. до н.э. сряду три года подряд производили набеги на земли хуннов, убили и увели несколько тысяч человек, угнали много лошадей и рогатого скота. Победа над хуннами способствовала проникновению новых масс населения в Минусинскую котловину и Туву, в первую очередь

гяньгуней. В 55 г. до н.э. хуннский союз распался на две части. Хуханье-шаньюй был во главе южных хуннов, Чжичжи — северных хуннов. В 49 г. до н.э. Чжичжи разбил и подчинил себе динлинов и гяньгуней[7]. Длительный процесс проникновения гяньгуней в динлинскую среду закончился в середине I в. до н.э.

Из письменных источников по истории енисейских кыргызов до VII в. имеются только китайские. Однако китайские источники освещают историю кыргызов лишь в те годы, когда были какие-то связи между ними и Китаем. После создания Великого Тюркского каганата эти связи часто прерывались, и в эти годы китайские историки ничего не сообщают о кыргызах. Только с VII в. рунические надписи Енисея и Орхона дают возможность раскрыть историю Государства Енисейских кыргызов.

Богатые сведения о кыргызах VII—IX вв. содержат рунические тексты, найденные в Верхнем Енисее и Туве. Но они еще недостаточно изучены в историческом плане, хотя В.В.Радлов о принадлежности этих надписей кыргызам заявил: "Народ, который эти надписи оставил, большей частью киргизы (хакасы), которые еще в нашу эпоху жили в земле северной Тану-олы"[8].

Развитие земледелия, скотоводства, особенно горного дела, металлургии и производства изделий из железа привело к накоплению значительного богатства в руках кыргызской знати и глубокой социальной дифференциации. Этот глубинный процесс среди енисейских племен привел к образованию государства в середине VI в. Созданное в Минусинской котловине государство было полиэтническим. Там, по-видимому, превалирующим языком был тюркский, однако определенное количество племен было самодийноязычным.

Тюркский каганат создал и возглавил род Ашина, получивший впоследствии термин тюрк, а государство в Минусинской котловине было создано и возглавлено родом кыргыз (гяньгуни). Поэтому в исторической науке принято государство, созданное в Минусинской котловине называть Государством Енисейских кыргызов, или Кыргызским каганатом.

Граница этого государства проходила с запада по Абаканскому хребту и Кузнецкому Алатау, с юга — по Западно-Саянскому хребту, с востока, вероятно, по Восточно-Саянскому хребту и на севере его владения простирались до тайги и вплоть до устья реки Ангара. Создание Государства Енисейских

кыргызов по времени почти совпало с образованием Великого Тюркского каганата. Правители этого государства в первые же годы существования начали завоевательные войны, покорили многие народы и племена, проживавшие от Желтого моря до Черного моря. Великий Тюркский каганат в течение короткого времени стало огромным по своей территории и одним из сильных по своей мощи государством.

Правители енисейских кыргызов, поняв свое положение, по видимому, старались сохранить мирные отношения со своими грозными соседями и свою самостоятельность. В первые десятилетия после образования Великого Тюркского каганата это им удавалось.

В надписи памятника Кюль-тегина сообщается, что на поминках первого тюркского кагана Бумына, умершего около 552 г., среди других народов были и кыргызы. Судя по тексту этой надписи, впоследствии тюркские каганы стали совершать грабительские набеги в Минусинскую котловину. Скоро Государство Енисейских кыргызов было покорено тюрками. Однако кыргызское государство сохранило определенную самостоятельность[9].

В конце 20-х годов VII в., в результате китайской агрессии, Восточно-Тюркский каганат ослабел и в 630 г. попал в зависимость от Китая. После падения Первого Тюркского каганата усилилась борьба между различными племенами. Еще в 629 г. тюркское племя сейянто, входящее в состав Западного Тюкского каганата, захватило власть в Центральной Азии и Кыргызское государство попало под эту зависимость, но она была кратковременной. Около 647 г. правителем Алтае-Саянского нагорья был каган восточных тюрков Чеби, однако в тот период его власть была слабой, т.к. восточные тюрки были еще в зависимости от Китая.

Кыргызские правители всегда стремились к восстановлению и сохранению независимости. Поэтому они систематически развивали международную деятельность, и связи с соседними государствами[10]. В 632 г. к кыргызскому кагану пришел посланник Танского императора Ван И-хун для установления посольских взаимоотношений между двумя государствами. В 643 г. в Танскую столицу последовало ответное посольство древнекыргызского государства[11]. С 648 по 748 год посланники Кыргызского государства 10 раз приезжали к Танскому двору с подарками. Их главной целью было продолжение торговых

связей, обсуждение межгосудаственных отношений. Имеются сведения о прибытии кыргызских послов в Тибет[12].

После полувекового пребывания под китайской властью тюрки в 679—682 гг. вели антикитайскую войну. По-видимому, Государство Енисейских кыргызов в этот период также было в определенной зависимости от китайцев. Поражением Танской империи в войне с тюрками стремились воспользоватся, укрепляя свои позиции, и кыргызы, на что обратили внимание, судя по надписи Кюль-тегина, тюрки. Каган Мочжо (692—716) считался с каганом кыргызов Барс-бегом и пытался склонить его к вассалитету. С этой целью выдал за него дочь своего предшественника — кагана Гудулу (Ильтерес-кагана). Мочжо тем самым стремился укрепить северную границу Второго Тюркского каганата, но впоследствии кыргызский каган стал его главным врагом. В последующей борьбе Барс-бег был убит в 710 г. воинами Мочжо и после его смерти в честь этого события по завещанию Мочжо был поставлен балбал. Это было крупным поражением Древнекыргызского государства[13].

Основными врагами кыргызы считали орхонских тюрков. Часто выступали против Великого Тюркского каганата. В 709 г. кыргызы, Западный Тюркский каганат и табгачи выступили против Восточного Тюркского каганата[14].

Кыргызы после поражения в 710 г., по-видимому, укрепили свое положение. Текст памятника Кюль-тегина сообщает, что после его смерти в 731 г. на поминки "от кыргызского кагана пришел Чур-Тардуш Ынанчу"[15]. Этот фактор свидетельствует, что тюрки вновь укрепили свое положение и тюркские правители вынуждены были считаться с ними.

В 744 г. был убит уйгурами последний тюркский каган Озмиш, и Второй Тюркский каганат прекратил свое существование. Этим воспользовались кыргызские правители, восстановили независимость своего государства. Однако в 758 г. уйгуры разбили 50-тысячное войско кыргызов. Этот удар был намного сильнее, чем поражение кыргызов в 710 г. Как свидетельствуют китайские источники, на 85 лет прекратились прямые связи кыргызов с Китаем.

Уйгурским правителям не удалось включить Минусинскую котловину в состав Уйгурского каганата. Кыргызское государство сумело сохранить свою автономию. Северная граница Уйгурского каганата в 800 г. проходила по Саянскому хребту[16].

Правители кыргызского государства вновь укрепили свое государство. При уйгурском хане Бао-и (808—821) большая армия кыргызов воевала с Уйгурским каганатом. С 820 г. кыргызский владетель Яглакар в течение 20 лет воевал с уйгурами. Война окончилась в 840 г. победой кыргызов г. над последним уйгурским каганом Чжан-синем[17].

Яглакар восстановил ханский титул, перенес столицу с берегов Енисея на южные склоны Ду-мань[18]. Так началось очередное господствующее положение енисейских кыргызов в Центральной Азии. Как всегда, оно было не длительным. Правители Государства Енисейских кыргызов, видимо, своей главной задачей ставили увеличение производства оружия, т.к. имели большие возможности горного дела, металлургии и изготовления оружия. У них была хорошо вооруженная армия, с помощью которой они завоевали независимость, но сохранить ее кыргызские владетели не смогли. Будучи сами тюркоязычными, енисейские кыргызы, по-видимому, не смогли жить мирно со своими тюркоязычными соседями — ни с орхонскими тюрками, ни с уйгурами.

Источник IX в. "Худуд ал-алам" сообщает, что кыргызы "несправедливы и безжалостны, отличаются воинственностью и склонностью к распрям; со всеми народами, которые находятся вокруг них, они воюют и враждуют"[19].

После победы над уйгурами кыргызские правители захватили Туву, Алтай и продолжали преследовать уйгуров, часть которых рассеялась по Центральной Азии, часть ушла в Турфан и образовала свое новое Турфанское государство во главе нового кагана Угйе[20].

После разгрома Уйгурского каганата кыргызами и ухода большинства их с территории Центральной Азии, расположенной между землями, занятыми уйгурами и Китаем, танские императоры стремились использовать давнишнюю вражду кыргызов к уйгурам, и это им удалось. В 842 г. кыргызские войска вышли в поход в Восточный Туркестан против уйгуров, захватили часть Джунгарии и дошли до Кашгара. Кыргызы стремились прервать дружественные отношения уйгуров с тюрками Средней Азии. Кыргызы не смогли покорить уйгуров.

К концу IX в. Государство Енисейских кыргызов занимало обширную территорию от среднего течения Иртыша на западе

до Байкала и Селенги на востоке. Северной границей была река Ангара[21].

В начале X в. в Северном Китае возникло государство монголоязычных киданей (кара китаев), известное под названием Государство Ляо (916—1125). В 924 г. киданский император Абаоцзи вторгся с большим войском в Центральную Азию. В тот период там уже кыргызов не было, они по какой-то причине ушли раньше. В середине X в. ставка кыргызского кагана была перенесена из Тувы в Минусинскую котловину[22]. Кидани остановились на реке Орхон. Вначале отношения между кыргызами и киданями были мирными.

Но вторжение киданей обернулось бедой для всех тюрков. Киданское нашествие X—XI вв. вызвало бегство тюрков от границ Китая на запад и открыло путь выдвижению монголоязычных племен из бассейна Амура и Маньчжурии на бывшие земли тюрков[23]. Однако и после этого кыргызы сохранили свое государство на Енисее. Непоправимый удар кыргызам был нанесен завоеваниями Чингиз-хана. Поход против кыргызов монголы начали после курултая 1206 г., на котором Темучин был провозглашен Чингиз-ханом. До 1209 г. монголам не удалось сломать сопротивление кыргызов. В 1208г., во время похода монголов в Хорезм, восстали в тылу монголов. Подавить восстание удалось только опытному полководцу, старшему сыну Чингиз-хана Джучи. Новое восстание кыргызов в 254 г. вынудило монголов направить против них 20 тыс. воинов. Восстание было подавлено, но кыргызы не успокоились. Они представляли большую опасность монголам, и в 1293 г. Хубилай-хан распорядился вывести часть кыргызов в Маньчжурию. Многострадальное Государство Енисейских кыргызов, образованное в середине VI в., просуществовав около восьми веков, в конце XIII в. распалось под ударами монголов[24].

Хозяйство енисейских кыргызов было комплексным. Еще в тагарское время в Минусинской котловине определялись районы преимущественного занятия или скотоводством, или земледелием. Это деление было обусловлено географическими различиями, позднее — особенностями общественного и имущественного состояния. Племенная знать таштыкской эпохи вела более подвижный образ жизни, ее быт был более связан с конем, чем быт рядового общинника. Письменные и археологические

источники показывают, что енисейские кыргызы выделялись среди других племен и народов своим высокоразвитым земледелием. Они возделывали просо, ячмень, пшеницу, гималайский ячмень, коноплю.

Китайский источник Таншу сообщает, что кыргызы муку мелят ручными мельницами[25]. По собщению арабского автора X в. Абу Дулафа кыргызы питались просом, рисом, говядиной, бараниной, козлятиной и всяким мясом, кроме верблюжьего. Арабский автор середины XII в. аль-Идриси писал о водяных мельницах кыргызов[26].

Археологические исследования также подтверждают, что земледелие в кыргызское время охватило еще более широкие территории, чем раньше, о чем свидетельствуют обнаруженное на раскопках обилие бронзовых и железных серпов, китайские плужные лемехи с отвалами, также свои собственные плуги местного изготовления. По данным Таншу даже соседние к кыргызам племена, расположенные к северу от них, "пахали пашню лошадьми". Тюрки Алтая тоже знали плужное земледелие[27].

Особенностью кыргызского земледелия было широкое применение орошения путем создания сложных оросительных систем. Расширение земледелия способствовало усовершенствованию орошения и использованию земель, считавшихся неудобными. В Северной Хакасии и приенисейских степях обнаружены сети древних каналов, остатки сложных ирригационных сооружений: плотин, дамб, водоводов, соединяющих русла рек и регулирующих их водостоки на нужном для земледельцев направлении[28].

Оседлые земледельцы занимались также скотоводством. Освоили стойловое содержание крупного рогатого скота, заготавливая сено на зиму.

По свидетельству археологического материала, китайских источников и древнекыргызских надписей, в кыргызском хозяйстве кочевое скотоводство имело большее значение, чем земледелие. Надмогильные памятники Приенисея сообщают, что среди богатых было больше скотоводов, чем земледельцев. Например, надпись Уюк-Туран сообщает, что покойный "не насладился" шестью тысячами лошадей. Большинство кыргызских погребений имеют кочевнический тип с конем. Среди скота особо выделяются лошади, достигающие у некоторых нескольких тысяч голов, и рогатый скот. Разводили овец и коз. Были богатые и среди земледельцев, но их было немного[29].

Китайские источники отвечают на вопрос: кто ухаживал за бесчисленными табунами, кто обрабатывал земли богатых земледельцев? Китайская историческая хроника сообщает, что этим занимались таежные племена, которых хягасы (кыргызы) ловят и употребляют в работу[30]. Рабство, замеченное в тагарскую эпоху, не исчезло, а приобрело большее значение. Рабский труд стал применяться в хозяйстве кыргызской знати.

В источниках нет указаний о подати кыргызского населения, немало сообщений о повинностях покоренных племен, которые считались ясачными, например: "Ясачные вносят подать соболем и белкою"[31]. Отдельные подати были от имени покоренного народа. Так, например, на раскопках обнаружен золотой сосуд с надписью: "Золото... дар ача", т.е. народа ача. На другом сосуде имеется надпись: "Бегское серебро мы дали"[32].

Из традиционных занятий кыргызы занимались охотой. Охотились на копытных и на пушных зверей. Крупные копытные обеспечили кыргызов мясом и кожей, а пушные — мехом для одежды и обмена. Источники содержат сведения о рыбной ловле, в частности, о ловле осетров[33].

В хозяйстве кыргызов немаловажное значение, чем земледелие и скотоводство, имели различные ремесла. Среди них первое место занимает добыча и обработка железа и других металлов. Китайская хроника пишет: "Там есть золото, железо и олово"[34]. Развитие металлургии было обусловлено потребностью. Земледельцам были необходимы плуги и детали к ним, серпы, косы. Всем была нужна конская сбруя, в которой железо стало основным материалом. Возросла потребность в оружии. Кыргызы производили железные изделия и на обмен.

Выплавка железа производилась вдали от рудников. Остатки поселков кузнецов тянутся непрерывной цепью по дюнам вдоль побережья Енисея и его главных притоков. Это свидетельствует об обособлении кузнецов от остальной массы даже территориально. Это является отделением ремесла от сельского хозяйства и концентрации ремесла в особых пунктах.

Из оружия особенно много изготовлялись железные наконечники стрел. В большом количестве — мечи и кинжалы. Копья применялись в меньшем количестве. Было развито производство защитного оружия: щитки, покрывающие грудь, колена, пластичные панцыри.

Было развито ювелирное дело. В большом количестве изготовлялись украшения, особенно для конской сбруи. В кыргызском обществе были гончары, художники, каменотесы.

Кыргызы вели торговлю с соседними народами и Китаем, со Средней Азией, Восточным Туркестаном, Тибетом, Ляо. Они покупали шелковые и шерстяные ткани, разную посуду, фарфор. Сами продавали в эти страны древесину, кожу, пушнину, изделия из железа, вероятно, из золота и серебра.

Китайские источники и рунические тексты дают довольно богатый материал об общественном строе кыргызов. Во главе их стояла богатая аристократия, которая имела стада, или землю и рабов. В кыргызских рунических текстах нет прямого указания о владении аристократии народом. Это говорит о том, что низы кыргызского общества еще не попали под феодальную зависимость. Народ ставится параллельно с кыргызским элем. В надписях эль имеет два содержания:

1. Кыргызская аристократия подобна вечному илю тюрок.
2. Это лишь эль данной аристократии, локальной группы родственников.

В надписях часто повторяется указание на владение определенной территорией: "Из-за моего превосходства я владел этой страной"[35].

В отличие от тюрков, в кыргызском обществе основной силой были не каганы, а беги. В Енисейских надписях не найдено упоминания о хане, беги упоминаются часто. Это вызвано полуоседлым характером хозяйства. При таком типе хозяйствования локальные связи имели большую силу. Однако верховная власть и в кыргызском обществе принадлежала кагану, но при большей самостоятельности бегов.

Беги своих товарищей по классу называли эр. Ниже них стоял будун — народ, кара будун — черный народ. Будун в кыргызском обществе — это свободное население, подвластное бегу в экономическом отношении. Отдельные члены будуна назывались кадаш. Ниже кадаш в социальной лестнице стоял киши — человек. Рабов также называли киши. Основой общества была патриархальная семья.

Источники указывают, что государя называли "Хырхыз-хаканом". Чиновники разделялись на шесть разрядов, министров было семь, все они заведовали войсками. Как в Великом Тюркском каганате, так и здесь были тарханы[36].

В кыргызском государстве укрепилась военизированная деспотическая власть. Деспотизм проявлялся сверху донизу, законы были очень жестокие. Так, например, человеку, уличенному в воровстве, отсекали голову, и эту голову отец его должен был всю жизнь носить на шее.

Богатая знать жила в укрепленных городках и крепостях. Основной опорой верхов была постоянная армия, существовала всеобщая воинская повинность. Главную силу армии составляла тяжело вооруженная конница[37].

В кыргызском государстве существовало государственное и частное землевладение. В государственные земли входили пашни и пастбища правящего рода, все горно-таежное пространство, а также захваченные и присоединенные земли, население которых платило подати.

Терминология родства кыргызского общества мало чем отличается от тюркского. Канг — отец, катун — хозяйка дома, апа — дедушка, укэ — тетка, ачи — старший брат, ини — младший брат, келин — невестка, кыз — дочь, огул — сын[38].

В XI—XII вв. в Государстве Енисейских кыргызов усилилась феодальная раздробленность, начались междоусобицы, войны между княжествами. Л.Р.Кызласов предполагает, что в XII в., вероятно, кыргызское государство представляло собой федерацию княжеств, напоминающий конгломерат различных по происхождению и языку этнических групп, которым не удалось объединиться и создать единую народность. А такое положение парализовало политическое и экономическое единство государства и оно не могло противостоять более организованным воинственным врагам[39].

Довольно высокий уровень хозяйства и сложное общественное и государственное устройство способствовали культурному развитию енисейских кыргызов. Основа ее была тюркской. В изучении материальной и духовной культуры древних тюрков некоторые ученые ирано-европеоидной ориентации преследуют тенденцию искать корни тех или иных достижений у соседних стран — Ирана, Китая и др. Населением Государства Енисейских кыргызов была создана самостоятельная и самобытная художественная культура. Влияние культуры соседних стран и народов было взаимное.

Высоким достижением культурного развития была письменность. Как нам известно, в основе орхонского алфавита лежит

арамейский. В.В.Радлов и П.Мелиоранский высказались о значительно большей древности енисейского письма по сравнению с орхонской. С.Е.Малов считал енисейский алфавит на два-три века древнее орхонского[40].

Рунические надписи Енисея, их обращенность народу свидельствуют о широком распространении письменности среди населения кыргызского государства. Об этом же говорят и надписи на бытовых предметах.

Археологические раскопки показали, что в VIII в. в кыргызском государстве появляются крупные городские центры, сооружаются храмы, дворцы, административные здания. Строительными материалами были сырцовый кирпич и дерево. Археологами раскопан столичный город кыргызов, расположенный в дельте реки Уйбат. Большинство сооружений были деревянными, применялся также сырцовый кирпич.

Феодалы строили для себя крепости, замки. В Центральной и Западной Туве кыргызы строили пограничные каменные стены на нескольких реках. В Туве также была сооружена пограничная стена длиной 259 метров[41].

В VI—VII вв. у кыргызов были широко распространены деревянные резные изображения животных, покрытых золотыми листиками. Исключительный интерес представляют украшения конской сбруи, в котором преобладал растительный орнамент. Оригинальными являются наскальные рельефные изображения охоты[42].

Древнекыргызская культура и искусство являются образцом художественного развития степных народов Евразии, прежде всего тюрков. В то же время кыргызские художники творчески использовали образцы культуры соседей, перерабатывая их соответстенно местным традициям и вкусам и распространяли свои произведения, тем самым влияя на развитие культуры и искусства соседей.

Религия древних кыргызов исследована недостаточно, источники не дают конретных сведений об их верованиях. Как и остальные тюрки, они, по-видимому, исповедовали тенгрианскую религию. Н.Я.Бичурин, ссылаясь на Тан-шу, пишет о шаманизме кыргызов. Тан-шу сообщает: “Шаманов называют гань". В.В.Бартольд подразумевает под этим китайским словом тюркского “кам"[43]. Но словом “кам" тюрки называли не только шамана,

но и служителя культа тенгрианцев. Л.Р.Кызласов пишет о некотором распространении манихейства среди кыргызов, но в источниках об этом нет прямых сообщений. С.В.Киселев пишет о возможном проникновении к кыргызам ислама[44]. Но это маловероятно, т.к. западные соседи кыргызов — кимаки, кыпчаки, огузы, печенеги, карлуки и др., расположенные ближе к мусульманским центрам, в этот период еще исповедовали тенгрианство.

Таким образом, параллельно с южно-тюркской цивилизацией Великого Тюркского каганата в Минусинской котловине и прилегающих к ней областях Саяно-Алтайского нагорья развивалась культура северных тюркоязычных кыргызов. Одновременно с тюрками Алтая они образовали свое государство. В истории Государства Енисейских кыргызов были всплески и падения, но оно пережило не только Великий Тюркский каганат, но и Уйгурский каганат и существовало в период Кимакского государства.

Кыргызское государство устанавливало дипломатические связи с соседними государствами, которые прерывались в период усиления Великого Тюркского каганата и Уйгурского каганата. Кыргызы вели международную торговлю с Китаем и другими странами, по ее территории проходила одна из ветвей Великого Шелкового пути.

Государство Енисейских кыргызов существовало около 800 лет, первым испытало нашествие монголов и, несмотря на долгое сопротивление, пало от непрекращавшихся их ударов. Будучи тюркоязычными, древние кыргызы не хотели связать свою судьбу ни с одним из древних тюрков. Много общего в материальной и духовной культуре Великого Тюркского каганата, Уйгурского каганата, Кыргызского и Кимакского каганатов. Немало и особенного. Кыргызское государство отличалось от остальных тюркских государств своим более развитым земледелием, металлургией и изготовлением изделий из железа. Одним из показателей общности культуры кыргызов, орхонских тюрков и кимаков является рунический алфавит, немного различавшийся по регионам. Единой была древняя религия тюрков — тенгрианство, более близкое к монотестической религии, хотя в ней было еще немало дотенгрианских пережитков, выражающихся в наличии местных мелких божеств, тотемизма. После

падения своих государств и некоторого регресса традиционной культуры к тюркам стал проникать шаманизм.

Удар, нанесенный кыргызам монголами в первой половине XIII в., был тяжелым, и Кыргызское государство на Енисее не восстановилось.

Примечания

[1] Каталог гор и морей. — М., 1977. С.128
[2] Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. — М., 1968. С.20.
[3] Таскин В.С.Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып.I. — М., 1968., с.136.
[4] Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. — Изд. Краснояр. ун-та, 1982. С.41.
[5] Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасо-Минусинкой котловины. — М., 1960. С.161—162.
[6] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Т.I. М.-Л., 1950. С.82; Таскин В.С.Материалы по истории сюнну (по китайским источникаммм). Вып.II. — М., 1973. С.28.
[7] Бичурин Н.Я. Указ. соч., с.37, 124.
[8] Radloff WW. Die altturkischen Inschribten in der Mongolei. I und II Lief. St. Pbg. 1894, s. 300.
[9] Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.-Л., 1951. С.36.
[10] Бичурин Н.Я. Указ. соч., с.287.
[11] Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М., 1961. С.56.
[12] Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. — М., 1984. С.37—38.
[13] Мелиоранский П. Памятник в честь Кюль-тегина // Записки Восточного отделения Русского Археологического общества. Т.XII. Спб., 1899. С.70.
[14] Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. — М., 1984. С.39.
[15] Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.-Л., 1959. С.20.
[16] Бичурин Н.Я. Указ. соч., с.448; Кюнер Н.В. Указ.соч., с.57.
[17] Бернштам А. Историческое прошлое киргизского народа. Фрунзе, 1942. С.11—13.
[18] Бичурин Н.Я. Указ.соч., с.450
[19] Бичурин Н.Я. Указ.соч., с.355
[20] Якубовский А.Ю. Арабские и персидские источники об

уйгурском Турфанском княжестве в IX—X веках // Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. — Л., 1947.

[21] Кюнер Н.В. Указ. соч., с.57.

[22] Бартольд В.В. Сочинения. Т.VIII. — М., 1973. С.47—48.

[23] Бартольд В.В. Сочинения. Т.V. — М., 1968. С.122—129.

[24] Киселев С.В. Древняя история южной Сибири. — М., 1951. С.564.

[25] Васильев В.П. Китайские надписи на орхонских надписях в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне // Сб. Трудов Орхонской экспедиции Российской Академии наук. Вып. III. Спб., 1897. С.25.

[26] Кызласов Л.Р. История Южной Сибири В средние века. — М., 1984. С.103—104.

[27] Кюнер Н.В. Указ.соч., с.103.

[28] Федоров В.И. Древнее искусственное орошение в районе Минусинского понижения // Материалы и исследования по археологии СССР. — М., 1952, № 22.

[29] Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. — М.-Л., 1946. С.151.

[30] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I. — М.-Л., 1950. С.448.

[31] Бичурин Н.Я. Указ. соч., с.448.

[32] Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. С.573.

[33] Кызласов Л.Р. Указ. соч., с.109.

[34] Бичурин Н.Я. Указ. соч., с.444.

[35] Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. С.594.

[36] Кюнер Н.В. Указ.соч., с.5637. Бичурин Н.Я. Указ. соч., с.59—60, 353.

[38] Бернштам А. Указ.соч., с.162.

[39] Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в Средние века. — М., 1984. С.135

[40] Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. С.60.

[41] Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. — М., 1984. С.144.

[42] Киселев С.В. Указ. соч., с.632—634.

[43] Бичурин Н.Я. Указ. соч., с.446; Бартольд В.В. Киргизы. Фрунзе, 1927. С.22.

[44] Киселев С.В. Указ. соч., с.616.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы познакомились, таким образом, с краткой историей древних тюрков, проживавших в Сибири и Центральной Азии, проследили исторический процесс, происходивший в Великой степи с древнейших времен по XIII век.

С древнейших времен в Южной Сибири и Центральной Азии обитали тюркоязычные, самодийские, палеоазиатские и другие кочевые племена. Во второй половине I тысячелетия до н.э. нетюркоязычные племена сменялись тюркоязычными хуннами, тюркютами, уйгурами, кыпчаками и огузами. Хуннское государство, образованное в IV в. до н.э., объединяло тюркоязычные и некоторые другие племена и стало их опорой в борьбе против агрессии рабовладельческого Китая. Китайские правители относились к кочевникам как к региону пополнения армии рабов. Многочисленная армия китайских рабов в своей борьбе против рабовладельцев опиралась на Хунну.

Хунну в III в. до н.э., в период правления шаньюя Модэ, стал первой великой тюркской державой. Его границы доходили от Маньчжурии до Согдианы. Хуннских шаньюев китайские императоры считали равными себе.

После полного распада Хунну в середине II в. н.э. продолжали существовать хуннские государства в Ордосе и Семиречье (Юебань). В конце II в. н.э. в восточной Европе было создано Гуннское государство, достигшее своего могущества в V в. и распавшееся в том же веке.

Великий Тюркский каганат не был прямым продолжением Хуннского государства, но его государственный и общественный строй развивали традиции тюркской государственности. Это было началом сложения и роста феодальных отношений. Возникшие после падения Тюркского каганата тюркские государства напоминали смену династий. Уйгурское государство было также прямым продолжением общественных процессов, существовавших в Великом Тюркском каганате.

Несколько обособленным от других тюркских государств является Кыргызский каганат, переживший все остальные государства древних тюрков. Он враждовал с Великим Тюркским каганатом, его войсками был разрушен Уйгурский каганат.

Древние тюркские государства имели дипломатические, хозяйственные, торговые и культурные связи с крупнейшими государствами — Китаем, Ираном, Византией и др., получили международное признание.

В недрах Великого Тюркского каганата возникли тюркские государства в Восточной Европе — Хазарский каганат и Великая Болгария хана Кубрата. Эстафету тюркских государств продолжала возникшая в X в. на Средней Волге Волжская Булгария. Все древнетюркские государства распадались в силу внутренних или внешних причин. Иногда при гибели государства исчезала и этническая группа — создатель государства. Так, например, после распада Великого Тюркского каганата исчезли тюркюты, после гибели Кимакского каганата с исторической арены ушли кимаки. Им на смену приходили другие и создавали государства. А тюрки оставались, развивались, шли глубинные процессы этногенеза и образования новых этносов или племен.

Таким образом, слово "тюрк", которым первоначально назывался только род Ашина, не исчезло, оно распространилось по Азии и по Европе. В дальнейшем этот этноним стал названием языковой семьи.

Значение древних тюрков в истории человечества было огромным. Достижения тюркской культуры переняли многие народы. Древняя тюркская культура стала одним из основополагающих факторов развития государственности и культуры Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского, Астраханского, Крымского, Касимовского, Тюменского, Сибирского ханств, Ногайской Орды и тюркских государств Казахстана, Средней Азии, Сельджукского и Османского государств Малой Азии. История, материальная и духовная культура древних тюркских государств являются историческим наследием всех тюркских народов.

Тюркская материальная и духовная культура наравне с китайской, иранской, византийской, славянской стала мировой культурой и внесла свою лепту в цивилизацию человечества.

Список использованных источников и литературы

1. Абульгази. Родословное древо тюрков. — Казань, 1914.
2. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. — Ашхабад, 1969.
3. Аммиан Марцеллин. История. Пер. Ю.А.Кулаковского. — Киев, 1908.
4. Аммиан Марцеллин. Книга 23. Пер. В.В.Латышева // Вестник древней истории. 1949. №3.
5. Артамонов М.А. История хазар. — Л.1951.
6. Артамонов М.А. К вопросу о происхождении скифов // Вестник древней истории. 1950. №2.
7. Атласи Ћ. Себер тарихы (История Сибири). На тат. яз. — Казан, 1911.
8. Банзаров Д. Черная вера. — Спб., 1891.
9. Бартольд В.В. Сочинения в 9 томах. Т.I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — М., 1963.
10. Бартольд В.В. Соч. Т.II. Ч.1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы — М., 1963.
11. Бартольд В.В. Соч. TII. Ч.2. Работы по отдельным проблемам Средней Азии. — М., 1964.
12. Бартольд В.В. Соч. Т.V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов, по истории Центральной Азии и Дальнего Востока. — М., 1967.
13. Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894. — Спб., 1897. // Записки Императорской Академии Наук. Сер.VIII, по историко-филологическому отделению. Т.I. №4. — Спб., 1897. // Соч. Т.I. — М., 1963.
14. Бартольд. История культурной жизни Туркестана // Соч. Т.II. Ч.1.
15. Бартольд В.В. Новые исследования об орхонских памятниках // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. Вып. 9—10.

16. Бартольд В.В. Худуд ал-алам. Рукопись Туманского с введением и указателем. — Л., 1930.

17. Баттал Г.А. Казан төркиләре (Казанские тюрки). На тат. яз. — Казан, 1966.

18. Безертинов Р.Н. Татары, тюрки — потрясатели вселенной. Т.I—III. — Набережные Челны, 1997.

19. Безертинов Р.Н. Тенгрианство — религия тюрков и монголов. — Набережные Челны, 2000.

20. Берг Л.С. Путешествия Н.М.Пржевальского. — М.-Л., 1952.

21. Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. — М.Л., 1946.

22. Бернштам А. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. — М.-Л., 1946.

23. Бируни — великий ученый средневековья. — Ташкент, 1956.

24. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I—II. — М.-Л., 1950.

25. Бичурин.Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Ази в древние времена. Т.III. — М.-Л., 1953.

26. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I. Ч.1. — Л., 1926.

27. Бичурин Н.Я. Записки о Монголии. Т.I—II. — Спб., 1828.

28. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I—III. — Спб., 1851, переизданные Т.I—III. — М.-Л., 1950—1953.

29. Босворт К.Э. Нашествие варваров/Мусульманский мир. 950—1150. — М., 1980.

30. Булгаков П.Г. "Книга путей и государств" ибн Хордадбеха (к изучению и дешифровке редакций) // Палестинский сборник. Вып. 3 (66). 1958.

31. Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Об облике древних тюрков // Тюркологический сборник. — М., 1966.

32. Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. 1966. №34.

33. Вайнштейн С.И. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. — М.-Л., 1946.

34. Вәлиди Ә.З. Татар-төрек тарихы. (История тюко-татар). На тат. яз. — Казан, 1915.

35 Вәлиди Ә.З. Кыскача татар-төрек тарихы. (Краткая история тюрко-татар). На тат. яз. — Казан, 1917.

36. Васильев В.П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т.III. — Спб., 1897.

37. Васильев В.П. Об отношениях китайского языка с среднеазиатскими // Журнал Министерства народного просвещения. 1872. Сентябрь.

38. Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII в. — Спб., 1891.

39. Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации). — М., 1983.

40. Васютин А.С. Культовые памятники древних тюрок Алтая. (VII—X вв. н.э.) // Автореф.....дис. канд. ист. наук. — Кемерово, 1983.

41. Византийские историки. Пер. с греческого Спиридона Дестуниса. — Спб., 1861.

42. Выписки из истории Феофана. Пер. С. Дестуниса // Византийские историки. — Спб., 1860.

43. Геродот. История. — Киев, 1908.

44. Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. — Махачкала, 1995.

45. Гөбәйдуллин Г.С. Татар тарихы. (История татар). На тат. яз. — Казан, 1923.

46. Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. — Казань, 1884.

47. Гордлевский В.А. Государство сельджукидов в Малой Азии. — М.-Л., 1950.

48. Граков Б.Н. Работы в районе проектируемых южноуральских гидростанций. Археологические работы на новостройках. Вып.II. — Л., 1935.

49. Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник. 1966.

49. Григорьев В. Об арабском путешественнике Абу-Дулафе, странствованиях его по Средней Азии. — Спб., 1872.

50. Григорьев В. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами // Журнал Министерства народного просвещения. 1875.

51. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т.II. — Л., 1926.

52. Грумм-Гржимайло Г.Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период // Известия Государственного географического общества. 1933. Т.65. Вып.5.

53. Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы // Советская археология. XII. 1950.

54. Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Вып.2. — Новосибирск, 1930.

55. Грязнов. М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. 1. — Л., 1941.

56. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — Баку, 1991.

57. Гумилев Л.Н. Хунну. Степная трилогия. — Спб., 1993.

58. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — Спб., 1993.

59. Хунны в Китае. Три века войны Китая со степными народами. III—IV вв. — Спб., 1994.

60. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. — М., 1993.

61. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. — М., 1992.

62. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. — М., 1992.

63. Гумилев Л.Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // Истоия СССР. 1967. №1.

64. Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века // Вестник ленинградского университета. 1966. №18.

65. Гумилев Л.Н. Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока. — М., 1961.

66. Давыдова А.В. Иволгинский комплекс — памятник хунну в Забайкалье. — Л., 1985.

67. Дәүләтшин Г.М. Төрки-татар рухи мәдәните тарихы. (История духовной культуры тюрко-татар). на тат. яз. — Казан, 1999.

68. Дебец Г.Ф. Антропологические типы Минусинского края на стадии родового строя (к вопросу о миграции в доклассовом обществе) // Антропологический журнал. 1932. №2.

69. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. — М.-Л., 1948.
70. Дэн Чжи-чэн. История Китая на протяжении двух тысяч лет // Реферативный сборник. 1956. № 13.
71. Дестунис. Византийские историки. — Спб., 1860.
72. Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. — Спб., 1908.
73. Дионисий. Описание населенной земли. Пер. И.П. Цветкова // Вестник древней истории. 1949. №4.
74. Дмитриев П.А. Мысовская стоянка с курганами // Труды института Археологии и искусствоведения. Российская ассоциация научно-исследовательских институтов. Вып.4.
75. Добродомов И.Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе // Тюркологический сборник. — М., 1978.
76. Евсей Иероним. Письмо 77. К океану. О смерти Фабиолы. Пис76о 60. К Гелиодору. Пер. В.В.Латышева // Вестник древней истории. 1949. №4.
77. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаа-тас у села Копены // Труды Исторического музея. — М., 1940. Т.XI.
78. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Гос. Исторического музея. Вып. 16. 1941.
79. Евтюхова Л.А. Развалины дома в "земле Хягас" // Краткие сообщения Института Истории материальной культуры. Т.XII.
80. Евтюхова Л.А., Левашова В.П. Раскопки китайского дома близ Абакана // Труды Института материальной культуры. Т.XII.
81. Жирмунский В.М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. — М., 1960.
82. Зәкиев М.З. Төрки-татар этногенезы (Этногенез тюрко-татар). На татарском яз. — Казан-Мәскәү, 1998.
83. Закиев М.З. Татары. Проблемы истории и языка. — Казань, 1995.
84. Захаров И. Историческое обозрение народонаселения Китая // Труды членов русской духовной миссии в Пекине. Т.I. — Спб., 1852.
86. Иностранцев К. Хунны и гунны // Труды туркологического семинария. Вып.1. — Л., 1926.
87. История стран зарубежного Востока в средние века. — М., 1970.

88. История агван Моисея Каганкатваци, писателя X в. Пер. с армянского К. Патканова. — Спб., 1861.

89. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.I. — Спб., 1818.

90. Каримуллин А.Г. О возможном родстве отдельных индейских языков с тюркскими // Вопросы тюркского языкознанаия. — Казань, 1976.

91. Каримуллин А.Г. Прототюрки и индейцы Америки: по следам одной гипотезы. — М., 1995.

92. Кармышева Б.Х. Этнографическая группа "тюрки" в составе узбеков // Советская этнография. 1960. №4.

93. Каталог гор и морей. — М., 1977.

94. Катанов Н.Ф. Швед Филиппп-Иоганн Страленберг и его труды по России и Сибири (начала XVII в.) // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т.XIX. — Казань, 1903.

95. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951.

96. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М., 1964.

97. Кляшторный С.Г. Формирование тюркской государственности: от племенного союза до первого Тюркского каганата // Панорама-форум. 1997. №1.

98. Кляшторный С.Г. Тюркский каганат // БСЭ. Т.XXVI. — М., 1964.

99. Кляшторный С.Г. Кипчаки в рунических памятниках // Turcologica/ К 80 летию акад. А.Н.Кононова. — Л., 1986.

100. Кляшторный С.Г. Кто были половцы // Алтаика II. — М., 1998.

101 Константин Багрянородный. Об управлении империей: текст, перевод и комментарий. — М., 1989

102. Корш Ф.Е. Древний народный стих турецких племен. — Спб., 1909.

103. Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Избр. соч. Т.IV. — М.-Л., 1957.

104. Кроль Ю.А. Сыма Цян — историк. — М., 1970.

105. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX—XI веков по арабским источникам. — Алма-Ата, 1972.

106. Кызласов Л.Р. Рунические письменности Евразийских степей. — М., 1994.

107. Кызласов Л.Р. Первый Тюркский каганат и его значение для истории Восточной Европы // Татарская археология. — Казань, 1997. №1.

108. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасо-Минусинской котловины. — М., 1960.

109. Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. — Изд. Краснояр. ун-та, 1992.

110. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. — М., 1984.

111. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. — М., 1969.

112. Кычанов Е.И. Очерк истории Тангутского государства. — М., 1968.

113. Кюнер Н.В. Китайские известия о народах южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М., 1961.

114. Лайпанов К.П., Мизиев И.М. О происхождении тюркских народов. — Черкесск, 1993.

115. Латышев В.В. Известия древних писатетлей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Ч.1—2. — Спб., 1904—1906.

116. Лун-ли. История государства киданей. Пер. С.В.Таскина. — М., 1979.

117. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.-Л., 1951.

118. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.-Л., 1959.

119. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. — М.-Л., 1952.

120. Малчи-Мерген. Алтайский героический эпос. Ойротское нац. изд, 1947.

121. Мандельштам А.М. Характеристика тюрок IX в. в "Послании Фатху б. хакану" ал-Джахиза // Труды Института истории, археологиии этнографии Ан Каз. ССР. Т.1. Археология. 1956.

122. Маргулан А.Х. Казахская юрта и ее убранство // VII международный конгресс антропологических и этнографических наук. — М., 1964.

123. Маргулан А.Х. Археологические разведки в бассейне р. Сарысу // Вестник Ан Каз. ССР. 1947. №7.

124. Масуди. Из "Книги сообщений и знаний"/Пер. Н.А. Караулова. Сведения арабской географии IX—X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. — Тифлис. 1908.

125. Материалы по истории уйгур в XII в. Прил. 484—486. — Новосибирск, 1975.

126. Махмуд ибн Хусейн ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк. — Изд. К.Рифата. Т.I—III. — Стамбул, 1915—1917.

127. Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-тегина // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XII. — Спб., 1899.

128. Мелиоранский П.М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями // Журнал Министерства народного просвещения. 1983. №6.

129. Менандр // Византийские историки. Пер.С. Дестуниса. — Спб., 1860.

130. Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. Пер. Ш.В. Смбатяна. — Ереван, 1984.

131. Мөхәммәдиев Ә.Г. Һуннар һәм Туран язмалары. — Казан, 2000.

132. Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Ч.1. Введение. История дорусской Сибири. — Иркутск. 1920.

133. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — Т.III. — М.-Л., 1955.

134. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. Т.I. — Спб.

135. Плано Карпини. История монголов. Пер. С. Малеина. — Спб., 1911.

136. Плетнева С.А. Хазары. — М., 1976.

137. Плетнева С.А. Половцы. — М., 1990.

138. Повесть временных лет. Ч.1. — М., 1976.

139. Потапов Л.П. Ранние формы феодальных отношений у кочевников // Записки Хакасского НИИ языка, истории и литературы. Вып. 126. — Абакан, 1952.

140. Прокопий Кесарийский. История войн с персами, вандалами и готами. Пер. с греческого С Дестуниса // Записки историко-философского факультета Санкт-Петербургского ун-та. Ч.1. 1876.

141. Рамстедт. Перевод надписи Селенгинского камня // Труды Троицко-Кяхтинского императорского Русского географического общества. Т.V. Ч.1. 1912.

142. Руденко С.И. Культура населения горнонго Алтая в скифское время. — М.-Л., 1953.

143. Сеидов М.А. Заметки о гуннской мифологии. (VII в.) // Советская тюркология. 1970. №231.

144. Стеблева И. В. Поэзия тюрков VI—XIII вв. — М., 1965.

145. Стеблева И.В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник. — М., 1671.

146. Сунгучашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. — Новосибирск, 1979.

147. Сыма Цян. Исторические записки. Т.I—II. — М., 1972—1975.

148. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам. Вып.1. — М., 1968.

149. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. — М., 1973.

150. Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов в Китае III—V вв. Вып.1 Сюнну. — М., 1989.

151. Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху (по китайским источникам). — М., 1984.

152. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. — М.-Л., 1948.

153. Томсон Дж. О. История древней географии. — М., 1953.

154. В.В.Томсен и история Средней Азии. — Л., 1926.

155. Умняков И. История Фахретдина Мубаракшаха // Вестник древней истории. 1938. №1.

156. Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая от первобытно-общинного до образования централизованного феодального государства. Т.1. — М., 1958.

157. Фәттах Н.С. Историческая справка о сюннах // Сызгыра торган уклар. (Свистяшие стрелы). На тат. яз. — Казан, 1991.

158. Фәхретдинов Р.Г. Таттар тарихы. (История татар на тат.яз.). — Казан, 1999.

159. Федоров В.И. Древнее искусственное орошение в районе Минусинского понижения // Материалы и исследования по археологии СССР. — М., 1952. №22.

160. Феофан Византиец. Летопись Феофана от Диаклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Пер. В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского. — М., 1890.

161. Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. — Казань, 1989.
162. Хенинг Р. Неведомые земли. Т.II. — М., 1961.
163. Ядринцев Н.М. Отчет о поездке в Монголию и вершины Орхона // Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. Т.XX. Вып. 4.
164. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современое положение. — Спб., 1891.
165. Якубовский А.Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. — Ташкент, 1941.
166. Якубовский А.Ю. Арабские и персидские источники об Уйгурском Турфанском княжестве в IX—X вв. // Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. — Л., 1947.
167. Якубовский А.Ю. Вопросы этногенеза туркмен в VII—Хвв. // Советская этнография. 1947. № 3.
168. Adile Ayda. Etruskler'le Isketler arasinda Benzerlikler // VIII Turk Tarih kongresi. I. — Ankara, 1979.
169. Adile Ayda. Etruskler (Tursakalar) Turk ideler. — Ankara, 1992.
170. Aspelin J.R. Tupes des penles de l'ancienne Asie Centrale. — Helsingfors, 1890.
171. Battal Taymas. Kazan Turkleri. — Istanbul, 1925.
168. Cordier. Histoire generale de la Chine. Vol I. — Paris, 1920.
172.Liu Mai tsai. Die chinesischen Nachsrichten zur Geschichteder ost Turke. Buch I—II. Wiesbaden, 1958.
173. Minorsky V. Hudud al-alam. — L., 1937.
174. Radloff W. Die Altturcischen in der Inschriften in der Mongolei. I und II Lief. — St. Pbg., 1894.
175. Radloff W. Die altturcischen Inschriebten in der Mongolei. III Lief. — St. Pbg., 1895.
176. Seferoglu Şukru Kaya, Muderisoglu Adnon. Turk Devletleri Tarihi. (Etnologik bir Deneme) // Azerbeican Kultur Dernegi Yaynlari. № 21. — Ankara, 1986.
177. Tomsen W. Inscriftions de'Orkhon. MSFO. — Helsingfors, 1896.
178. Witzen N. Noord and Oost Tartarie. — Amsterdam. 1692.
179. Zeki Yelidi Togan. Umumi Turk Tarihina giriş. 3-baski. — Istanbul, 1981.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Глава I
Археологические культуры Южной Сибири 25

Глава II
Хунны 39

Глава III
Великий Тюркский каганат 85

Глава IV
Уйгурский каганат 129

Глава V
Кимакский каганат 138

Глава VI
Государство Енисейских кыргызов 160

Заключение 175

Список использованных источников и литературы 177

Файзрахманов Габдельбар Лутфиевич

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ
В СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

«Панорама-Форум». Специальный выпуск №24, 2000.

✉ Адрес редакции: 420503, г. Казань, ул. Кремлевская, 9,
Институт истории Академии наук Татарстана. Редакция ж. «Панорама-Форум»
☎ Телефон: (8432) 92-92-64. 💻E-mail: history@vega.kcn.ru
Дизайн обложки — Миляуша Хасанова.
Журнал зарегистрирован Министерством информации и печати Республики Татарстан (№440).
Объем 11,75 п.л. Подписано к печати
Тираж 1000 экз. Цена свободная.